МАЯКИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Вереснев Минаков Федотов Лукин Томах Трускиновская
Лазаренко Гальперин Голубева Губарев Данко Градов Немытов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будущее уже сейчас бросает нам вызов. Мы просто обязаны принять его и достойно ответить. Получится ли? У героев этой книги получилось. «В мире жестокого будущего человечность – наше главное конкурентное преимущество». К сожалению, в сборнике почти нет светлых рассказов. Оно и понятно: маяки нужнее в темное время суток. Но и полной безнадеги вы здесь не найдете. Даже в самых тяжелых рассказах, подобно маяку, светит луч надежды.

- Авторский сборник
  - Навстречу читателю
  - Контроль разума
    - Татьяна Томах
    - Ирина Лазаренко
    - Андрей Гальперин
    - Анна Голубева
    - Дмитрий Лукин
    - Павел Губарев
  - Земля. Космос. Виртуал
    - Дмитрий Федотов
    - Игорь Минаков
    - Янь Данко
    - Александр Градов
    - Далия Трускиновская
    - Игорь Вереснев
    - Николай Немытов
    - Татьяна Томах

Авторский сборник
Маяки. Антология гуманистической фантастики

Навстречу читателю

Появлению этой книги предшествовало одно событие. В 2017 году на фестивале фантастики «Созвездие Аю-Даг» прошел диспут по теме «Антиутопия как единственный образ будущего в эпоху капитализма. Есть ли альтернатива?». Спорили Вадим Панов и Ярослав Веров. Постепенно диспут перешел в дискуссию с участием гостей и вольнослушателей фестиваля. Народу в зале было много. Опоздавшие слушали стоя. В итоге – картина будущего нарисовалась довольно печальной. По-другому и быть не могло. Будущее не сваливается с неба, оно вытекает из настоящего. К сожалению, настоящее не давало повода для оптимизма. Тут и основные тенденции общественного развития, и поведение управленческих элит, и постоянные военные конфликты… Из подобных кирпичиков сложно построить светлое будущее.

В самом конце дискуссии прозвучал вопрос от читательницы (цитирую по памяти): «А что же вы, фантасты, сделали для светлого будущего? Почему вы ничего не делаете, чтобы изменить что-то к лучшему? Вы же пишете! Вас же читают!» Вопрос был обращен ко всему залу.

Женщину успокоили, сказали, что все будет хорошо.

Время диспута подошло к концу. Народ потянулся к выходу.

Для меня прозвучавший вопрос был самым главным на этом диспуте. Оказывается, в нас еще верят, от нас еще чего-то ждут! Подобные вопросы часто задают и в Сети. Ответы, в общем, известны. Мы не раз их слышали и читали: «Писатель никому ничего не должен!», «Воспитывать должна семья и школа!», «Фантаст не должен ни о чем предупреждать!» и далее в том же духе. Ответы удобные, но совершенно не годятся для читателя научной фантастики. Мы же по умолчанию привыкли, что читатель научной фантастики – человек умный и образованный. Мы даже не считаем нужным делать сноски, объясняя научные термины. Ведь наш идеальный читатель прекрасно знает, что такое хромоплазма, 3-брана или адронный коллайдер.

Но идеальный читатель, как человек глубокой внутренней культуры, знает кое-что еще. Например, он знает, что фантастика – вид литературы, а задача литературы как вида искусства – нравственное воспитание общества. Наш идеальный читатель помнит строки Пушкина:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Поэтому наш идеальный читатель не ставит вопрос: должен ли что-то писатель или не должен? Ответ очевиден. Вопрос ставится по-другому: может ли писатель исполнить свой долг?

Вот читательница, не жалея денег, и приехала на фестиваль фантастики, чтобы всем присутствующим прямо в лицо напомнить о долге писателя.

Как тут пройти мимо?

Итак, что же мы, фантасты, можем сделать, чтобы наше общее будущее стало хоть чуточку лучше? Сейчас мы наблюдаем пугающие тенденции в обществе, но большинство из них укладываются в одну – расчеловечивание. Тут и западная пропаганда всевозможных извращений, и отупляющие образовательные программы, и культивирование жестокости, и усиленно продвигаемая биометрия с чипизацией. Все это – расчеловечивание. Сюда же можно отнести и повальную роботизацию. Причем роботов стараются максимально очеловечить, а человека, наоборот, роботизировать.

Дальше все просто. Если мы хотим остаться людьми, хотим, чтобы наши потомки выжили и не превратились в нелюдей, решение очевидно: с помощью слова препятствовать расчеловечиванию и продвигать человечность.

В сборнике «Маяки» мы попытались достойно ответить на вызовы будущего. Основная идея сборника: «В мире жестокого будущего человечность – наше главное конкурентное преимущество».

К сожалению, здесь почти нет светлых рассказов. Оно и понятно: маяки нужнее в темное время суток. Но и полной безнадеги вы здесь не найдете. Даже в самых тяжелых рассказах, подобно маяку, светит лучик надежды.

Добро пожаловать!

Дмитрий Лукин

Контроль разума

Татьяна Томах
Вирус

– И что теперь? – спросил Сергей.

– Ничего. – Аня сердито передернула плечами. Плотнее укуталась в шаль. – Поздно теперь.

Ее бледное лицо в предрассветных сумерках казалось полупрозрачным. И вся она, от тонких лодыжек и запястий до светлого платья, была будто вылеплена из тумана, который сейчас клубился в мокрой траве и плыл белыми перьями над водой. Только темная шаль придавала Аниной фигуре материальность, крепко связывая вместе пятна света и серебристые тени, не давая им убежать, раствориться в свежем утреннем воздухе.

– Ты почему сразу не пришел? – спросила Аня.

– Я хотел. Но, понимаешь… – Он замялся. Вспоминать о последних двух ночах было противно и стыдно. Особенно сейчас, свежим чистым утром, будто вырезанным из сентиментального романа позапрошлого века. Притихший сонный сад, первые лучи солнца, сверкающие в каплях росы, звонкая песня маленькой пичуги на верхушке яблони, спокойная гладь пруда с кувшинками. И девушка с нежным профилем и встревоженными глазами, которая встречает героя, чтобы предупредить его об опасности. «А ведь она красивая», – вдруг заметил Сергей. И удивился, как раньше этого не видел.

Ему стало еще тошнее, когда он подумал, что, наверное, Аня его давно здесь ждет. И эти две прошлые ночи – тоже. Пока он…

– Так это все – правда? – кашлянув, уточнил Сергей.

Сейчас, почти протрезвев, он почувствовал во рту кислый привкус похмелья и ужаса. До сих пор он надеялся, что все происходит не на самом деле. И вдруг волшебным образом выяснится, что это просто дурацкий и чудовищный розыгрыш. Именно для него, Сергея Липова, ведущего инженера-программиста.

– Это ты еще всего не знаешь, – усмехнулась Аня. И плотнее укуталась в шаль, зябко поджимая ноги. Как будто, несмотря на восходящее солнце, ей вдруг стало совсем холодно.

* * *

Что с новой работой неладно, Сергей почувствовал с самого

начала. Но уверенности у него не было. Раньше он с большими корпорациями дела не имел, а много лет трудился в маленькой самопальной конторе, где всего персонала – гендир, закадычный друг Леха, сам Сергей да приходящий бухгалтер. На большие проекты брали людей по договору, а в обычное время справлялись и так. Одно время Леха затеял было расширяться – набрал команду девелоперов, снял большой офис. Но не заладилось. В подробности Леха друга не посвящал. Просто вдруг неожиданно решил все бросить. Распустил команду, которую до того набирал с таким тщанием, и выдал всем хорошие премии по итогам работы; особую – Сергею.

Прощание с Лехой вышло скомканным и странным. Они зашли в шумный и дешевый пивняк, взяли пережаренных на прогорклом масле сухариков и кисловатого пива. Из колонок над столиком грохотало и выло в самые уши бессмысленным и жалобным шлягером, наверное, самым модным, потому что крутили его уже в третий раз. Леха морщился, но терпел. Серега недоумевал. Пытался понять, зачем этот кабак, кошмарная музыка и что вообще происходит.

– Ты тоже уезжай, – вдруг сказал Леха, склонившись к самому уху Сереги и зачем-то прикрывая лицо рукавом и кружкой с пивом. – Понял?

Глаза у Лехи были трезвыми и почему-то виноватыми.

– Уезжай, пока не поздно. Понял?

– Не понял, – честно ответил Серега.

– И не надо, – кивнул Леха. – Просто уезжай.

– А ты-то почему? И куда?

– Да я, понимаешь… – Тут он замолчал, покосившись на краснолицего толстяка с двумя запотевшими кружками, выждал, пока тот пройдет мимо, и продолжил: – Да я тут нашел новую работу по контракту. Скоро улетаю в Австралию. Подальше чтоб.

Хлебнул пива, поморщился, продолжил с неохотой, отводя взгляд в сторону:

– Знаешь, надоело тут биться как рыба об лед. А точнее – как рыбак в полынье. А еще точнее – как рыба, которая думала, что она рыбак, а вдруг очутилась на льду с голым задом и крючком в зубах.

Сергей сначала обалдел. Во-первых, это все было слишком неожиданно; во-вторых, наемная работа никак не вязалась со свободолюбивым Лехой; в-третьих, он не уловил смысл метафор. А в-четвертых, Леха явно недоговаривал.

– У рыб нет зада, – уточнил Серега, надеясь хоть на какие-то пояснения. – И зубов.

– А это смотря какие рыбы, Серый, – хмыкнул Леха. – Ну, ладно. Удачи тебе здесь. И мне – там.

Взгляд он опять отвел в сторону. Наверное, ему было неловко бросать Серегу одного дальше барахтаться в той полынье, где они раньше выплывали вместе, поддерживая друг друга. Серега, привыкший, что друг заботится обо всех организационных вопросах, чувствовал растерянность.

– Компанию я закрываю. – Леха смущенно кашлянул. – Я мог бы ее оставить тебе, но не стану. Потому что я тебе, Серый, настоятельно советую тут не задерживаться.

– Да в чем дело-то?

– Ха-ха, какая рифма, слыхал? – вдруг громко восхитился Леха пьяным голосом, тыча кружкой в хрипящий зев колонки. Проходящая мимо толстая официантка в неопрятном фартуке покосилась на него со странной смесью одобрения и жалости. Никаких рифм в произведении, которое выкрикивал из колонок прокуренный женский голос, не было вовсе.

– Ты чего, Леха?

– Тс-с, – сердито прошипел тот, – улыбайся и пей, понял? Скоро здесь будет такое, что… Я тебе, извини, не могу рассказать. Во-первых, тебя могут убить, если узнают. Или еще чего хуже. А во-вторых, ты мне все равно не поверишь. Не пялься на меня так, пей и улыбайся. А сейчас вместе ржем, как в дебильных комедиях, где закадровый смех. Ха-ха! А она, прикинь, мне, такая говорит… ну, блин, не могу…

Толстая официантка опять прошла мимо, по-матерински улыбаясь в сторону загибающегося от хохота Лехи.

Продолжая хихикать и прикрываясь кружкой, Леха опять склонился над столиком.

– Нам бы это раньше понять, – морщась, сказал он. – А теперь поздно. Ничего не изменишь. Парадокс, знаешь, в чем? Те, кто могли бы что-то изменить, это все и устроили. Понимаешь?

– Нет.

– Вот. Я тоже не понимал. А ведь я логические задачки люблю. А тут решается на раз – надо только собрать все факты и сделать вывод. Ты тоже сможешь, если захочешь. Только думай быстрее, Серый. Потому что изменить-то уже ничего нельзя, но бежать еще можно. Пока. Понял?

В конце концов Леха все-таки напился. Ценитель дорогих вин и коньяков, в этот вечер он налился дешевым кислым пивом и почти всерьез смеялся над дурацким шлягером, который запустили уже раз десятый. И шептал заговорщически уже совсем какую-то ерунду.

– Вот, например, телевидение. Ты смотришь, Серый?

– Зачем? Новости там ну как бы… адаптированные. Погоду я в интернете посмотрю. Фильмы тоже найду, какие хочу. Рекламу, что ли, смотреть?

– Во! Отсюда можно начинать. Понял?

– Нет, – вздохнул Серега, потеряв надежду разобраться в путаных мыслях друга.

Через два месяца Леха улетел. В аэропорту он был непривычно хмур и молчалив, и ни словом не напомнил странный разговор в дешевой пивной.

И можно было решить, что разговора этого не было и все путаные советы случились спьяну и от чувства вины и желания как-то оправдать торопливое Лехино бегство.

* * *

Через пару дней после Лехиного отъезда вдруг позвонил Вадим, бывший их сокурсник. В институте они были в одной компании, хотя с Вадимом особо и не дружили. Он был родственник кого-то сверху – то ли сын, то ли племянник. Поступил по блату и экзамены сдавал так же, за что его не очень любили. Улыбчивый и с первого взгляда приветливый, однако его недоброжелателям по случайным с виду причинам неизменно приходилось худо. Потому в итоге у него со всеми установился вежливый нейтралитет, видимость приятельства.

Вот и сейчас, спустя много лет, Вадим не стал тратить время на официоз.

– Привет-привет, – небрежно сказал он по телефону, номер которого невесть как узнал. – Давно мы уже не.

Последней оборванной фразой он как бы уточнил – я тебя помню, но рассусоливать мне некогда, поэтому сам додумай, чего это «не». То ли не виделись, то ли не разговаривали, то ли не пили.

После чего, не дожидаясь ответа, сразу перешел к деловой части беседы:

– Есть разговор. И предложение, от которого тебе будет сложно отказаться. Хо-хо.

Предложение оказалось новой работой в корпорации «Бензин-пром». Вадим там трудился руководителем перспективного направления секретных разработок с целью

повышения эффективности и тэ дэ. То есть ничего не делал, но получал очень неплохую зарплату. Заработав таким трудом высокую должность, квартиру с дизайнерским ремонтом, «вольво» с личным шофером и бунгало на Мальдивах, Вадим решил вспомнить о товарищах институтских дней. Достойным людям – достойные зарплаты и перспективы. Страна должна поддерживать талантливых граждан, беречь генофонд, не провоцировать утечку мозгов в конкурирующие страны. Кстати, не собирается ли Сергей, так сказать, по стопам покинувшего нас Алексея? И замечательно, что не собирается! Нам нужны талантливые инженеры! А талантливым инженерам нужно отдельное жилье, личный автотранспорт и прочие блага для нашей короткой, но прекрасной жизни. Хо-хо.

* * *

Со встречи, прошедшей в неофициальной, дружеской обстановке в роскошной квартире Вадима, Сергей вышел слегка обалдевший.

За ужином прислуживала симпатичная горничная в коротеньком платье и кружевном декоративном передничке. Жена Вадима или подруга – спросить было неловко – сидела за столом молча, аккуратно ковыряя маленькой вилочкой приносимые деликатесы. То ли старомодная, то ли, наоборот, дизайнерская прическа – как у Наташи Ростовой, с трогательными локонами, струящимися вдоль тонкой шеи. В таком же стиле длинное платье, наверное, из натурального шелка, – с матовым дорогим блеском. Скромно потупленные глаза с длинными ресницами, нежно-розовые, четкого рисунка губки.

– Выйди, дуся, – небрежно обратился к эфирному созданию Вадим во время десерта. – Нам поговорить.

Красавица послушно положила золотую вилочку на блюдце с недоеденным малиновым суфле, выскользнула из-за стола, присела в книксене, пропев нежным голосом: «Доброго вечера», и удалилась.

Серега смотрел на происходящее, открыв рот. Все это напоминало талантливо срежиссированный спектакль. Что-то из «Войны и мира». Декорации соответствовали. Бархатные шторы с золотыми кистями, хрустальная тяжеловесная люстра на потолке с лепниной, камин с кариатидами, замысловатые золотые часы.

Вадим поймал взгляд гостя, самодовольно усмехнулся.

– Люблю винтаж, – сказал он непонятно к чему. – Так вот, о

вакансии. Нам нужен программист. В перспективе – руководитель разработки. Я думаю, ты подойдешь.

Из дома Вадима Серега вышел с легким головокружением. Зачем-то он представлял себя в тех же декорациях, которые только что покинул. Только теперь в главной роли, на месте Вадима. Хотя, в общем, не любил подобные интерьеры и чувствовал себя в них неуютно.

Провожая гостя, Вадим вдруг подмигнул и заговорщически поинтересовался:

– Что, понравилась Клава?

– Кто?

– Горничная. Я тебе ее подарю, если хочешь. Только к ней антураж нужен, ну ты понимаешь. У тебя сейчас вроде однокомнатная, в ипотеке? Мы это решим.

Он сказал это так, что Сереге почему-то стало неловко. В один миг предмет его гордости, собственная квартира в новом доме, превратилась во что-то мелкое и даже стыдное. И на фоне этой метаморфозы почти потерялось дикое предложение Вадима «подарить горничную».

Свежий воздух немного привел Серегу в себя. Но, кажется, что-то необратимо сместилось в его жизненных координатах. Теперь мысль о роскошной квартире, дорогой машине, изысканной еде – обо всем, что раньше оставляло его равнодушным, – приятно и как-то щекотно волновала.

«А почему бы и не? Хо-хо», – подумал он в лексиконе Вадима. То ли о новой работе, то ли о новых жизненных ориентирах, то ли о горничной.

Размышления, точнее фантазии, так его увлекли, что он совсем забыл о том, что его поразило. То, после чего происходящее стало казаться спектаклем. Фарсом, постановкой. Чем-то ненастоящим.

Когда барышня в старинном платье, пожелав доброго вечера, на секунду подняла лицо, Серега увидел ее глаза. Пустые и невыразительные. Глаза куклы. Или мертвеца.

* * *

На новой работе в первый же день завалили бумагами. Сперва в отделе кадров полная дама со строгим лицом вручила бланки заявления и анкет. С заявлением все было понятно, но анкеты оказались странными. «Назовите пять ваших любимых

ток-шоу в порядке убывания ценности». Телевизор Серега не смотрел, ток-шоу – тем более. К тому же он вообще сомневался хоть в какой-то их ценности. Но написать это прямо постеснялся и попробовал вспомнить хотя бы пару названий. Оленька, его бывшая девушка, эти шоу употребляла пачками, без разбора, и Серега поневоле на них иногда натыкался. Собственно, это и было одной из причин расставания с Оленькой. Пересмотрев телевизор, она начинала говорить рекламными слоганами и, что куда хуже, ими же думать. «Шуба – лучший подарок для девушки, – например, заявляла она, – покупайте шубы из стриженой норки в нашем бутике „Зимний бобер“. Только в этом месяце, фантастические скидки!» Попытки переубедить ее наглядно, в том числе демонстрацией очень милого документального фильма Би-би-си про бобров, чтобы Оленька прониклась симпатией к меховым животным и антипатией к меховым изделиям, тоже не удались. Сдавшись после многодневной осады, Серега купил проклятую шубу. После чего Оленька переключилась на ювелирные украшения. Впрочем, главное было все-таки не в бобрах и колечках, а в том, что с Оленькой оказалось не о чем поговорить. Она могла обсуждать только телевизионный мусор, который поглощала с экрана без разбора и в больших количествах. Жаль, что Сергей не понял это с самого начала. Или, по крайней мере, до шубы, чтобы хотя бы сберечь несколько маленьких меховых жизней.

Поэтому названия шоу он худо-бедно написал. Дальше были не менее странные вопросы насчет отношения к инопланетянам, гаданиям, шаманизму, вуду и прочему, что, казалось бы, не должно иметь ничего общего с «Бензин-промом».

Потом за Сергея взялась говорливая девочка из отдела поддержки персонала. Вручила тонкие, красочно оформленные книжицы с наказом выучить наизусть. В одной описывалась миссия компании, в другой – гимн и речовка, которую предлагалось исполнять ежедневно, перед началом рабочего дня. Потом девочка продемонстрировала рекламный ролик «Бензин-пром» с такой гордостью, как будто сама разливала бензин на всех перечисляемых в ролике колонках. Заскучав, Сергей осторожно поглядел в книжку с речовкой, наткнулся на фразу «Наш бензин горит, двигатель жизни кипит», подавился и поспешно закрыл методичку. Про миссию он на всякий случай читать не стал.

Ознакомиться полностью с печатными материалами не успел – Вадим пригласил его в кабинет. Отечески поулыбался, расспросил о первых впечатлениях. Заметив в руках нового

сотрудника яркие книжки, почему-то рассердился, отобрал речовку и принялся распекать по внутреннему телефону девочку из персонала.

– Сколько раз повторять, – орал он, – разработчикам речовок не давать! Вы мне что тут, вообще хотите отдел угробить?! Миссию – можно. Один раз прочесть. И все, вам там ясно?

Серега слушал растерянно, удивившись неожиданной вспышке Вадима чуть ли не больше, чем дурацким вопросам в сегодняшней анкете.

* * *

Первые задания были странными. По мнению Сергея, к основной деятельности «Бензин-прома» они никакого отношения иметь не могли. Он хотел было спросить Вадима, но все не удавалось никак с ним поговорить. Последний раз Серега встретил шефа в коридоре в компании удивительного персонажа – высоченного негра в шелковом черном костюме, с гроздью тяжелых и разноцветных ожерелий на шее. Среди цветных бусин, перьев, узловатых корешков на одной из ниток присутствовал маленький, с кулак, череп.

– Привет-привет! – обрадовался Вадим. – Давно мы не. Как дела? Вижу, что хорошо. А это наш консультант, Нбага, потом вы еще будете работать вместе. – Он повернулся к негру и, широко улыбаясь, протараторил, видимо, ответное представление на неизвестном Сереге языке.

Консультант ухмыльнулся, сверкнув ярко-белыми и острыми, как у хищника, зубами. Череп на его шее качнулся, и Серега разглядел, что это не поделка, а самый настоящий череп, с остатками кожи и волос на высохшей макушке. Его замутило. Консультант, заметив это, оскалился еще шире.

«Обезьяний, наверное», – подумал Серега, глядя вслед удаляющемуся негру. Не может ведь это быть человечий череп… или, скажем, детский? И вот интересно, по какому поводу он тут консультирует, с этими черепами?…

А через пару недель Вадим сам пригласил Серегу к себе. Нбаги с черепом, к счастью, на этот раз рядом с ним не было.

– А, привет-привет! – шумно обрадовался Вадим. – Давно мы не. Вот и повод – поедем на наш полигон. Ты ведь еще не?

– Какой полигон? – удивился Серега. – Я не. То есть ничего не знаю. Вы тут разве какое-то оружие разрабатываете?

Он попытался примерить выполненные задачи к этой гипотезе и решил, что при определенной фантазии…

– Хо-хо, – сказал Вадим. – Мы не. Пока. Хо-хо. А в будущем – почему бы и не? Перспективы богатые, ты бы знал. Ну, собирайся. Вещей не бери – все будет. Выезд завтра.

– Мы разве надолго?

– Почему бы и не?

Смысл мечтательной улыбки Вадима Серега понял только на следующий день.

* * *

Вместо полигона они приехали в загородный дом. Точнее, усадьбу. Серега даже пару раз ущипнул себя за запястье, проверяя, не снятся ли ему фантазии о жизни помещиков в царской России.

Возле входа, перед портиком в греческом стиле, их встретила толпа ряженых крестьян. Бабы в сарафанах и кокошниках, мужики в рубахах, холщовых штанах и лаптях.

– Барин приехал! – нестройным хором заголосили они, окружая подъехавшую машину. – Долгие ле-ета!

– Потом, братцы, потом, – отмахнулся Вадим, но по лицу было видно, что ему приятно.

Серега наблюдал за происходящим ошарашенно.

Из дома выскочила девушка в алом сарафане, низко поклонилась гостям, подметая землю кончиком длинной косы.

– Заждались вас уже, барин, – смущенно пробормотала она. – А все нет и нет.

– А вот он я, – заявил Вадим, подцепил пальцем ее за подбородок, чмокнул в губы и, обернувшись, весело подмигнул изумленному Сергею.

В гостиной возле окна сидела еще одна девушка, на этот раз в обычной одежде, в джинсах и футболке, с ноутбуком на коленях.

– Здравствуй, Аня, – сказал Вадим.

– И тебе того же, – отозвалась девушка, не отрывая взгляд от монитора.

Серега перевел дыхание. Он испугался, что и она тоже бухнется на пол, будет бить поклоны и голосить, что барин приехал.

– Как тут у нас? – озабоченно спросил Вадим.

– Да зависает, – вздохнула Аня.

– До сих пор?

– А я говорила, что нельзя все параметры обнулять?

Девушка сердито захлопнула крышку ноутбука и только тут заметила Серегу.

– Это Аня, наш тестировщик, – представил Вадим. – Она тебе все тут покажет по работе. Потом. Аня, это Сергей, наш новый начальник разработки. Ты с нами пообедаешь?

– Спасибо, сыта, – буркнула девушка. Поднялась, подхватила под мышку ноутбук.

– Ну как хочешь, – с видимым облегчением согласился Вадим. – А я пока распоряжусь, чтоб несли. – Он торопливо вышел за дверь.

Аня направилась было следом, но, проходя мимо Сереги, запнулась. Нагнулась, поправляя босоножку, и вдруг прошептала, косясь в его сторону:

– Приходи после заката к пруду.

Распрямилась и ушла, столкнувшись в дверях с Вадимом.

– Красавица, – фальшиво вздохнул ей вслед Вадим. – Но такая строгая… Ну и ладно. Тут у нас и без нее… А, вот и уха! Давай за стол!

Уха и вправду удалась. Наваристая, ароматная, густая. Под нее хорошо пошла самогонка, настоянная на меду и смородиновых листьях самой бабой Нюрой, первой мастерицей по такому делу. А под самогонку хорошо пошли малосольные огурчики авторства той же бабы Нюры. И вареная молодая меленькая картошечка, щедро сдобренная маслом и укропом. А потом – блины с икрой и соленой рыбой. Под блины Вадим начал говорить, наконец, про работу и полигон – но все это звучало так дико и нелепо, что Серега только хихикал и недоверчиво кивал в ответ. А иногда задавал ироничные и остроумные вопросы – так сказать, уточнял. Тут хохотал уже Вадим. Так, взаимно восхищаясь чувством юмора друг друга, они заели беседу нежнейшими пирожками с вишней и запили вишневой же наливкой.

Потом все как-то рывком переместились в баню, где окружающее совсем потеряло привычные очертания и смысл. А когда из густого дыма материализовались полуголые девицы, игриво помахивая березовыми вениками, смысл опять появился, но совсем не тот, что прежде.

Но посреди горячего угара, когда лицо одной из веселых банщиц склонилось совсем близко, Серега вдруг очнулся. Будто вынырнул на поверхность. Как рыба, которую дернули из уютной теплой глубины и швырнули на лед.

Глаза склонившейся над ним девушки были пустыми. Как у куклы. Или мертвеца.

Серега в ужасе зажмурился, вдруг осознав происходящее.

И почувствовал, как крепко прижимается к нему горячее тело. «Да нет же, – возразил он сам себе, – не может быть!» Он так и не открыл глаз. Чтобы не смотреть в ее лицо. Чтобы верить в то, что она живая.

* * *

– Вообще, – объяснила Аня, – тут есть две технологии. И обе, кстати, давно используются.

– А этот Нбага, он…

– Ну да. Тут, видишь, есть стереотипы, как везде. Возьми фильмы ужасов или книги. Это все – чтобы перенаправить страх. Потому что явление есть, и интуитивный страх, с ним связанный, – есть. Его никуда не денешь, можно только пустить по другому руслу, как реку отводят в сторону, когда мешает. Пусть боятся мертвых, но таких, каких мы скажем. Пусть боятся мертвого тела, оживленного чужой волей. Хотя чего тут страшного, когда такие существа, если бы кому вообще пришла охота их создавать, во-первых, недолговечны, во-вторых, ущербны, а в-третьих, их запросто можно отличить от живых и избегать. И никто не задумывается, что куда опаснее и страшнее тела живые, но с мертвой сердцевиной и сутью. Те, что живут чужими желаниями и волей.

– Ты говоришь, это всегда было?

– А разве нет? – Она пожала плечами. – Я говорила, что есть две технологии. Первая – замещение. Обычная. Даже обыденная. Это когда в тебя разными средствами постепенно вкладывают чужие желания и ценности. Как бы замещают твои собственные желания, мысли, идеи, двигают их в сторону, оставляют им все меньше места. В критических случаях – совсем замещают. Это трудоемкий и долгий процесс, но самый надежный. Его давно используют. В рамках стран и народов – идеологи, маркетологи, вожди всяких видов и калибров. Гитлер, например. Или рекламист, который убеждает тебя купить новый айфон, на самом деле тебе не нужный. И по мелочам, скажем, в рамках семьи. Например, типа десять способов заставить его жениться. Такие техники НЛП бытового уровня. Мелкие, но такие же отвратительные. Вот, а вторая технология – из вудуизма. То самое оживление мертвецов. Полная перезапись. Сначала убить личность, а потом записать на чистое место новую. И тут, Сережа, вступаешь в дело ты. И я, – она вздохнула. – Потому что техника

Нбаги, безусловно, рабочая и проверенная, но неэффективная. Нбага может нам все убить, но записывать он умеет только отдельные команды. Пойти и принести что-то. Пойти и задушить кого-то. Точка. А для получения более или менее полноценных зомби, которые, собственно, всех и интересуют, нужна полноценная программа. Полностью заменяющая убитую личность. В первом случае исходная среда остается, туда просто добавляется стороннее дополнительное приложение плюс приоритет выполнения; во втором – нужно написать заново сначала операционку, а потом все остальные приложения. А задача эта, как ты знаешь, нетривиальная. Для простых кодеров типа Нбаги непосильная. А для тебя?

– Я не понял, – помолчав, хмуро спросил Сергей, – ты меня пугаешь или уговариваешь?

– А ты как думаешь? – Она зябко поежилась, хотя солнце уже взошло и нагревало плечи. – Представляешь, если у них получится то, что они придумали? Мы ведь на самом деле им не нужны, живые. Никто им живой не нужен. Зачем им чужие желания, мысли и ценности? Им довольно будет рабов. Они нас всех уничтожат, Сережа.

Она замолчала, неподвижно глядя на воду, хмурясь и кусая губу. И Серега вдруг представил, как ее лицо становится безвольным и пустым, как из этих встревоженных глаз уходит свет, волнение и нежность. Припомнилась мертвая девица в бане. И ему стало страшно.

– То есть нас с тобой, может, и не тронут, – усмехнулась Аня, поймав его взгляд. – Пока. Пока мы устраиваем их как работники. А вот остальных… Они ведь давно пытаются это сделать. И всегда пытались. Во всех странах и во все времена. Превратить людей в покорное стадо, которым просто управлять. Разными способами. Телевидение и другие СМИ, – самые мягкие из них, хотя и действенные. Но при всех этих способах, пока сам человек жив, у него есть возможность сопротивляться. Оставаться самим собой. Жить свою жизнь, а не ту, которую тебе навязывают. Но если они научатся нас сначала убивать, а потом оживлять, этой возможности ни у кого не будет. И у человечества тоже.

Она помолчала, потом добавила:

– Знаешь, Вадим говорит, это такой вирус. Он внутри каждого. Каждый потенциально готов стать зомби. Подчиниться, следовать за ведущим, забыть о себе. И слабые рано или поздно заболевают. А сильные – нет. Как с любой болезнью. И что такая схема необходима для выживания человечества. Когда массы безропотно следуют за вождями и умирают по их слову. Что так было всегда и ничего принципиально нового сейчас в этом

смысле не делается. Он меня почти убедил. И я тогда решила, что я тоже в этом смысле зомби. А значит, он во всем прав.

– Не прав, – перебил Сергей.

– Не прав, – согласилась Аня. – Это как в манипуляциях, в этих жутких техниках зомбированного программирования. Они много говорят о неважном, чтобы ты упустил главное и сделал неправильные выводы. А главное, что человечества в этом случае нет. Есть мертвецы. И другие мертвецы, которые ими управляют.

* * *

– Чего это ты тут, Герасим? – Вадим с неохотой оторвался от ленивого созерцания потолка под нежные переливы фортепианной пьесы.

Велел – сыграй, дуся, что-нибудь лиричное, вот и старается, умница. Правда, без огонька, скучновато. Может, замутить что-нибудь необычное? Скажем, гладиаторские бои. И медведя можно велеть поймать. Друзей пригласить, пусть завидуют. Реклама заодно. Дядя велел потихоньку продвигать идею в массы. Готовить почву. Он, конечно, будет недоволен, если жертвы. Зато красиво и зрелищно. Надо еще сказать Сергею, пусть перепрошивку сделает, хотя бы трем-пяти мужикам, чтобы по-латински говорили. И манеры чтоб. И еще тоги. «Желаю думать, что я в Древнем Риме», – вспомнил он цитату из старого фильма. И, вдохновившись, почти ласково посмотрел на дворника, стоявшего на пороге с лопатой наперевес.

– Снег, что ли, выпал? – изволил пошутить Вадим. – В июле?

Но тут, отодвинув Герасима в сторону, вошли еще пятеро мужиков, как раз тех, которых Вадим решил было определить в гладиаторы за могучую фигуру. В руках у них почему-то были вилы. Последней выдвинулась в залу баба Нюра, обычно улыбчивая и пустоголовая старушка, годная только на приготовление самогонов и наливок. Теперь она была серьезна и сосредоточена и в одной руке держала сияющую, как ясный месяц, косу, а в другой – горящую свечу. С улыбкой рассмотрев мужиков, вооруженных хозинвентарем, от вида бабы Нюры Вадим дрогнул. В неверном свете свечи, отразившемся от стального загнутого лезвия, почудилось ему что-то страшное, неотвратимое.

– Вы что это тут, а? – неожиданно осипшим и слабым голосом спросил он. Музыка за его спиной смолкла.

– Мы тута… – басом неторопливо начал Герасим, в присутствии барина обычно робевший и немевший. – Революция у нас. Свержение зарвавшейся власти.

– Революция! – с энтузиазмом подтвердили его товарищи с вилами. И один из них добавил, ехидно скалясь: – А не пошел бы ты, барин, отседа, пока не огреб. А то всякое бывает, когда революция.

– И электрификация всей страны, – добавила баба Нюра, взмахнув свечкой.

Вадим услышал вздох за спиной. Обернулся, предполагая увидеть сползающее на пол обморочное тело. Но девушка в старинном платье, усмехнувшись ему и заложив локон за ухо, вдохновенно заиграла «Вставай, проклятьем заклейменный…».

* * *

– А если… когда все закончится, – тихо сказал Серега в самое ухо Ане – маленькое и нежно-розовое, как морская раковина, – то есть когда начнется…

Он увидел, что Аня улыбается. Странно, какими путаными и неуклюжими становятся слова в ее присутствии. Особенно, когда смотришь в ее чудесные и такие живые глаза. «Надо успеть, – подумал он. – Надо успеть ей сказать».

– Ань.

– А?

– Я бы, наверное, умер без тебя. То есть… Знаешь, я даже не замечал, как это уже происходит. Почти невозможно оставаться живым среди мертвых. Потому что постепенно сам становишься таким. И Нбаги не надо, и никаких программ. Как будто это правда вирус. Знаешь, Леха сказал, что изменить уже ничего нельзя. Только бежать. А я подумал: «Чего это мы должны бежать, когда тут наш дом и наша страна?»

– Не должны, – согласилась Аня. – А какой Леха?

– Ты не знаешь. Мой друг. Коняев. Классный программер. Лучше меня. Он бы тут мог, но…

– Коняев? Так он же и сбежал. Его Вадим звал сюда работать. Я его успела предупредить до того, как он бумаги подписал. Да он и сам догадался. Испугался и сбежал. А говоришь, лучше тебя. – Аня презрительно фыркнула.

Серега улыбнулся.

– Спасибо. А теперь смотри, – он повернул к Ане монитор ноутбука. – Охранникам я заложил на это обработку исключения. Ничего такого, они просто минут на десять зависнут. В лог, то есть в память, ничего не запишется, следов не останется.

– А ты когда это все придумал?

– Это не я.

– Как?

– Это ты. Когда ты сказала про вирус. Ну, я и подумал, чего мне эти все вирусы. Тьфу. Что я, сам не умею их писать, вирусы?

– Подожди. – Аня тронула его за руку и чуть повернула экран к себе. – Разве так должно быть?

– Я не знаю, Ань.

– Что?!

– Я не знаю, как должно быть дальше.

– Но ведь ты сам это написал?

– Знаешь, я подумал – а чем это лучше? Ну, стереть старую программу, а потом записать новую. Перезомбировать, понимаешь? Чем это лучше того, что с ними сделали?

– Они ведь… – Аня растерянно посмотрела на него и снова перевела взгляд на экран. – Они ведь теперь не смогут сами…

Девушка, игравшая на фортепьяно, замерла, задержав руки над клавишами. Ее напряженное лицо расслабилось, перетекло в безмятежную кукольную маску. За ее спиной баба Нюра изумленно разглядывала косу, которой только что пыталась срезать с люстры хрустальные подвески.

– Они не смогут, – повторила Аня.

– Я, в общем… – Серега запнулся. Ему было страшно, но он старался, чтобы Аня не заметила. И еще старался не смотреть в монитор, на замершие в нелепых позах фигуры – как в фильмах ужасов про настоящих зомби. – Я, в общем, не уверен, но вдруг у них получится, а?

Он не знал, что делать, если не получится. И не знал, как рассказать Ане про то, что взломал заодно и почтовый сервер, когда добирался до исходников. И понял, что уже слишком поздно. Потому что первая цепочка кодов уже несколько дней назад пошла по Первому каналу. Как раз во время вечерних новостей, чтобы захватить аудиторию побольше. А на следующий день анализ телеопросов и мониторинг интернет-площадок подтвердили успешное завершение первого этапа. И теперь пути назад нет. Наверное, Леха все-таки прав, можно только бежать, желательно подальше. Или надеяться на почти невозможное – что они как-нибудь смогут. Сами.

– Давайте, – сказал Серега. Подвигав камерой, он приблизил сперва одно застывшее лицо с пустыми глазами, потом следующее. – Вы ведь живые. Живые! Ну! Хоть что-нибудь сделайте сами!

Ирина Лазаренко
Если я не дойду

14 января

– Вся семья Кругловых решила использовать право забвения, чтобы смириться с нищетой, в которой ей отныне предстоит жить, – жизнерадостно тараторит диктор.

Я делаю медленный глоток кофе.

– Потеря единственного жилья из-за просрочки по кредиту и автоматическое снижение социального статуса – крайне травматичная ситуация, – продолжает диктор.

Хм, кто-то сомневается? Среднестатистический телезритель настолько туп?

– Это подтверждает целый ряд исследований и независимых опросов, – строго добавляет диктор, и я понимаю, что со средним телезрителем все действительно очень плохо. – Поэтому предполагается, что право забвения для семьи Кругловых будет реализовано по полису обязательного медицинского страхования.

Смотрю в чашку. Гущи там – едва не на полпальца, пора вызывать кухонного техника.

– Давайте послушаем комментарии от кредитного отдела банка, а потом возьмем небольшое интервью у представителей коллекторской компании…

– Потухни! – сердито велю я, и экран послушно темнеет. Без него в столовой становится оглушительно тихо, пусто и светло.

Итак, еще три человека выбрали забвение. Может быть, правильно сделали. В конце концов миллионы людей с пониженным социальным статусом живут себе «Подмостом» – в подземном поселении нищих, где получают свою гарантированную долю соцобеспечения и защиты. Но вдруг именно эти Кругловы смогли бы в будущем выбраться из нищеты, найти другое жилье или даже постоянную работу – если бы только захотели помнить, как жили прежде?

Нет. Наверное, нет. Будь Кругловы из тех счастливчиков, у кого еще остались родственники и друзья, – они бы не выбрали забвение.

Мне на плечи ложатся теплые ладони, и я вздрагиваю.

– Ты не виноват, – говорит Анфиса.

Конечно, я не виноват. Если бы я изобрел вилку, а другие люди решили, что будет здоровски непрерывно тыкать себя ею в глаз, разве это была бы моя вина?

Но вообще-то предполагалось, что забвение будет

использоваться для очистки людских голов от информационного мусора.

Черная простыня телевизионного экрана укоризненно смотрит на меня со стены. Мне кажется, я вижу на ней силуэты тех банковско-коллекторских представителей, которых обещал мне диктор, – это какие-нибудь не очень дорогие роботы, заученными фразами поясняющие, как им, конечно, жаль, но согласно буквам договоров…

Отставляю чашку. Анфиса ерошит мне волосы, я ловлю ее теплую ладошку, целую пальцы.

– Пора бежать.

– Что сегодня? – спрашивает она с иронией. – Лабораторная работа или сеанс спасения утопающих котят?

– Сегодня котята.

Поднимаюсь из-за стола, оборачиваюсь. Анфиса смотрит на меня, склонив голову и улыбаясь уголком рта. На ней моя рубашка, волосы взъерошены. Лицо совсем не выглядит заспанным или опухшим, как бывает с утра, – удивительная особенность Анфисы.

– Можешь снова стать моим лаборантом – будем спасать котят вместе, – говорю я.

Это не совсем шутка. Знаю, что Анфиса не согласится, но мне очень не хватает в работе ее необычного мышления.

– Нет, спасибо, – ее обычный ответ. – Я лучше поцелую за тебя Викторию.

– Викторию я сам за себя поцелую.

Дочь играет со щенком во дворе. Она сидит на термопокрывале – губки бантиком, носик пуговкой. Моя Виктория, «Никакая не Ви-ика и не Вику-уся, ясно?». Неловкой ручонкой бросает теннисный мяч, и он раз за разом летит прямо в заросли клубники. Робот-щенок с неизменным энтузиазмом приносит мяч обратно и даже почти не топчет клубнику.

Присаживаюсь рядом.

– Привет, папа, – старательно выговаривает Виктория и обнимает меня неловкими короткими ручонками. – Ты сейчас уйдешь работать надолго-долго?

Щенок крутится под ногами, требует внимания. Совсем как настоящий, только робот.

– Я почитаю тебе вечером сказку, – обещаю дочери.

– Хорошо. Про Айболита.

Виктория не любит выходить из дома. Анфиса говорит, это просто возраст такой. А я, признаться, даже рад: мир за пределами нашего дома взвинчен и перекошен, и это еще самое мягкое, что можно о нем сказать – уж поверьте человеку, который

занимается забвением.

Я не знаю, как будет жить Виктория в этом мире, когда вырастет, но сейчас она точно способна без него обойтись.

Возможно, в будущем он станет лучше. Возможно, я сумею что-то сделать для этого.

* * *

– Добрый день, Вадим! – жизнерадостно приветствует меня медбрат.

– Добрый день, – бросаю взгляд на бейдж, – Ив-Три.

Медбратья – все на одно лицо, хотя старики из этого дома уверяют, что умеют их различать.

– Как сегодня?

– Отличный день! Ни одного происшествия! Все в штатном режиме, все довольны, умыты, накормлены! Осмотры проведены, процедуры назначены, досуг обеспечен!

Румяное лицо робота излучает энтузиазм и очень потешно смотрится в сочетании с широченными плечами, мощным торсом, колонноподобными ногами. На самом-то деле медбратья не столько большие, сколько рельефные, хотя им не обязательно быть такими. Но пациенты, видя внушительную стать, прекращают тревожиться: «А вы точно меня не уроните, а вы сумеете меня донести, а вам не тяжело?»

Под ногами бегают кошки, мяучат, задирают головы, чтобы посмотреть на меня желтыми глазами, обвивают хвостами ноги. Я знаю, что это роботы, как и мой домашний щенок, но если бы не знал – никогда бы не догадался.

Протягиваю медбрату флешку. Он кивает – знает, кому отдать, и знает зачем. Действия мои частично согласованы с руководством старческого дома, частично – являются частью эксперимента, одобренного гораздо, гораздо выше.

Киваю Ив-Три, шагаю по коридору. Кошки тут же теряют ко мне интерес, они запрограммированы оказывать внимание малоподвижным объектам. Коридор длиннющий, светлый, на стенах – репродукции картин, которых я не узнаю. Все, что касается искусства, прошло в свое время мимо меня.

Открываю дверь в двенадцатую палату.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна.

У нее совершенно не старушечья гордая осанка, она высокая, вся какая-то угловатая, острая. Сидит в кресле-каталке с невообразимо прямой спиной, аккуратно причесанная, в строгом синем платье из шерсти. В руках у нее – вязальный крючок, под

ногами – клубок, который лениво трогает лапой толстая рыжая кошка. Анна Сергеевна вяжет салфетку. В ее комнате повсюду вязаные салфетки.

– Здравствуйте, мой дорогой.

Я иду к окну, открываю створку. В комнату вплывает запах умирающих листьев – это лучше запаха тоски.

– Как ваша сиделка?

Анна Сергеевна откладывает вязание на тумбочку, и я вижу в ее движениях сдерживаемую нервозность.

– Знаете, Вадим, мне сложно сказать. Она очень живо описывала сплав по горной речке, понятно было, что это действительно воспоминание, а не выдержка из справочника, какие обычно выдают роботы, когда просишь их что-нибудь рассказать. Поначалу это было восхитительно! Но, мой дорогой, вы простите жадную до впечатлений старуху – я начала выпытывать подробности, понимаете? Мне решительно все было интересно: как брызжет в лицо холодная вода, как захватывает дух в водовороте, как сопротивляется стихия гребцам… И тут стало понятно, что сиделка, которой вы внедрили это воспоминание… понимаете, она *помнит*, но не может его *прочувствовать*.

Угу. Понимаю. В лаборатории мы использовали более совершенных роботов, из тех, что по-человечески реагируют на прикосновение, температуру, яркость света, однако разницы почти не было. Они же действительно не чувствуют, этого ограничения ни на какой козе не объехать.

Виноватый взгляд Анны Сергеевны не сочетается с ее королевской осанкой.

– О, дорогой, я ощущаю себя капризной старухой, ведь мне, если подумать, дано не так уж мало! Даже возможность, я так скажу, подпитаться *настоящими*, новыми для меня воспоминаниями другого человека, пусть и посредством робота… это ведь куда больше, чем есть у большинства других желчных стариков. О, дорогой мой, как же обидно заканчивать жизнь, сидя здесь и перебирая все, чего не случилось! Да, не случилось, не сбылось, не произошло, хотя кто виноват в этом, если не я сама? О, если бы знать, что пятьдесят лет назад я бездумно тратила время на такую ерунду, которая этого не стоила! Если бы только я могла прожить эти годы иначе! Накопить другие воспоминания! Каждое из них было бы бесценным утешением для меня, но, видите, мой дорогой, я прожила жизнь чопорно и скучно, а в итоге оказалась здесь, и все мое утешение – это вязание и кошки-роботы!

Сочувственно похлопываю пожилую женщину по

спазматически сжатым рукам. Она, как и многие другие обитатели старческого дома, мечтает получить чужие воспоминания, которые оказались не нужны владельцам. И у нас есть некоторое количество относительно безопасных воспоминаний, не способных травмировать реципиента, – но мы не умеем внедрять их людям. Только год назад мы научились сохранять и оцифровывать обрывки памяти, пару месяцев назад на самых верхах согласовали единичные эксперименты по наделению роботов чужими воспоминаниями. Но распаковать их в обратном направлении и вложить в головы людям… Мы работаем и над этим тоже, но до решения задачи еще далеко. Да и как будет воспринято такое новшество – сказать трудно.

Мы с трудом добились разрешения внедрять воспоминания роботам, хотя общеизвестно, что на современной программной базе они не могут осознать себя личностью. Лабораторные образцы, наделенные человеческими воспоминаниями, не проявляли никаких отклонений, но я подозреваю, что здешние «осчастливленные» модели утилизируют и заменяют – во всяком случае, мы не смогли добиться возможности изучить их.

Нет, я понимаю, одно дело – давать роботу программные установки: ты такой-то, занимаешься тем-то, вот твоя биография, и совсем другое – вкладывать в бионическую голову обрывки памяти настоящего человека.

– Вы же знаете, дорогой, для нас, живущих здесь, это было бы отрадой. И каким-никаким развлечением. У нас осталось так мало собственных воспоминаний, друг о друге мы тоже знаем все, все эти истории столько раз вытаскивались на свет божий и пережевывались, что истончились и поблекли просто до безобразия… Ах, как жестоко раскаются в будущем люди, которые отказались от своих воспоминаний в молодости, – бездумно, безмятежно, как все, что мы делаем, пока старость не взглянет на нас из зеркала!

– Бывают действительно травмирующие истории, – говорю я. – Очень плохие. Больно даже думать о том, чтобы пережить такое…

Анна Сергеевна меня не слышит. Она думает о своих детях. Они ее, скорее всего, не помнят или не помнят, что отвезли ее в старческий дом. Люди, избавившиеся от родителей или детей, обычно проходят через забвение: чувство вины их травмирует, знаете ли, хотя общество уже почти перешагнуло рубеж, за которым подобные действия считаются порицаемыми. С каждым годом понятие семьи уходит в прошлое, мир становится иным. Чем шире шагает по планете роботизация, тем меньше смысла остается в самом существовании людей. Государства заботятся о

них, идя по пути наименьшего сопротивления: благодаря роботам почти любой продукт производится быстро и стоит дешево, но объективно – столько людей планете не нужно.

Оставленным на произвол судьбы детям забвение не делают – недостаточно данных о его влиянии на детский организм. Старики отказываются от процедуры сами, даже если у них есть такая возможность – одним легче простить детей, чем перестать их помнить, а другие просто боятся. Говорят: «От моей памяти и так немного осталось, не хочу добровольно отрезать еще одну часть». Возможно, некоторым из них стоило бы кое-что забыть: устранение фрагментов памяти – для организма настоящая рана, и он поступает соответственно: наращивает на ее месте новую ткань, в данном случае – создает ложные воспоминания.

– А еще, знаете, – доверительно говорит Анна Сергеевна, – меня совершенно бестактно игнорирует Михаил Андреевич. Даже не здоровается. Всякий раз, когда медбрат провозит меня по коридору и мы встречаемся колясками с Михаилом Андреевичем, он делает вид, что не замечает меня.

Я, признаться, слегка растерян и не знаю, как должен реагировать. У Анны Сергеевны чуть краснеют щеки, она наклоняется вперед, роняя с колен недовязанную салфетку, и страшным шепотом говорит:

– Вадим, дорогой, вы же специалист по вопросам памяти, так скажите: ведь не мог же Михаил Андреевич попросту забыть меня?

* * *

Страшно подумать, до чего докатится мир, когда на рынке появятся портативные забвения и процедуру станет невозможно контролировать. Мы-то будем тормозить их распространение до последнего: даже наш жадный Арам, мегаменеджер и мозг проекта, цепенеет, представляя мир, где у каждого балбеса в кармане есть свое личное маленькое забвение, пользоваться которым можно в любое время.

У меня – есть. У Арама есть. И еще у пары человек. Когда-то они создавались для лабораторных испытаний, потом были заменены приборами помощнее. Теперь лежат у нас в запертых ящиках столов, как ядерные кнопки или пузырьки с черепушкой и костями. Напоминание о нашем вкладе в изменение общества. О том, сколько всего нужно сделать, чтобы компенсировать негативные стороны забвения, чем мы и занимаемся во всех этих старческих домах.

Мы должны найти способ передавать воспоминания от человека к человеку. А потом будем решать вопрос качества этих воспоминаний: никто ведь не захочет отдать хорошие. Где мы будем искать людей, которые в прежние времена назывались волонтерами? В «Подмосте»?

* * *

– О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?

И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту спустились орлы:
«Садись, Айболит, верхом,
Мы живо тебя довезем!»

Виктория слушает, разинув рот и забыв про печеньку. Вечернее чтение – наш важнейший ритуал, дочь ни за что не согласилась бы просто запрограммировать книгу на чтение моим голосом. Да и я бы тоже не согласился.

В свете настольной лампы видно, какие мягкие и гладкие у Виктории волосы, словно с картинки. В ногах кровати лежит щенок, помахивает хвостом, подергивает ухом – совсем как настоящий, только гипоаллергенный и тапки не грызет.

Дверь в детскую открыта, и слышно, как в кухне льется вода, постукивает нож по дощечке, бубнит в телевизоре диктор.

Каждый день, возвращаясь домой, я будто впрыгиваю в пятно теплого света из хаотично колышущейся тьмы.

* * *

19 февраля

Записи в толстой тетради. Да-да, это очень смешно и архаично, я знаю.

Разумеется, ключевые события я оцифровываю, но лучше всего мне думается, когда я вожу ручкой по бумаге. Набор на клавиатуре не дает того же эффекта: буквы появляются быстрее, чем я успеваю их осмыслить. С голосовым набором еще хуже. Поэтому у меня есть толстая тетрадь, очень неряшливо

заполненная, строки в ней пляшут и наползают друг на друга, кое-где листы вклеены, кое-где – вырваны.

Сегодня – лабораторный день. Эксперименты на людях – тут я должен добавить «Бу-га-га» и разразиться дьявольским хохотом. На деле все довольно прозаично: это добровольцы, которые нуждаются в забвении, но ранее уже проходили процедуру. В таком случае полис ее не покрывает, а обходных путей «для всех» пока не существует. Поэтому у бедолаг один вариант: добро пожаловать в лабораторию, служите науке.

Как часто можно использовать забвение? Насколько значительные воспоминания можно устранять без ущерба для личности? Где тот порог, за которым психика сломается и не сумеет создать ложных воспоминаний на месте тех, что вырваны с корнем?

Вот и мы пока не знаем.

Некоторые наши «подопытные» живут в лаборатории постоянно, потому что больше им жить негде и незачем. Благодаря им мы знаем, что даже несколько десятков небольших забвений можно последовательно зарастить ложными воспоминаниями. Одновременно – нельзя, те, кто пытался, теперь живут в безумных домах. Самый интересный вопрос: «Когда начинает размываться личность?» – и пока у нас нет на него ясного ответа; многое зависит от возраста, от жизненного опыта, числа воспоминаний, интеллекта и от того неизмеримого, что можно называть целью и смыслом жизни.

– Слушай, Вадим, – вокруг меня, как кошка из старческого дома, вьется один из постоянных подопытных, Семен. – Я вот чего подумал, только ты меня никуда не пошли сразу, ок? Смотри, короче, есть такие штуки, называются бизон-трек-шоу. Там, короче, на тракторах гоняют, сами люди, без роботов. Че думаешь, а? Можно мне на трактор в шоу? Я умею, слушай, ну почти умею… то есть я у деда в селе трактор видел когда-то. А? Вадим?

Семен тощий, белобрысый и совершенно неугомонный. Жаль было бы потерять такого парня, да и как объект для исследований он очень хорош: перенес двадцать мелких забвений и два основательных, а остался все такой же занозой. Только раньше он хотел прыгать с парашютом и дрессировать медведей, а теперь вот – гонки на тракторах.

– А я что, – пожимаю плечами, – учись, если Арам позволит. Но если тебя там переедут трактором – я тебе голову оторву.

Семен издает боевой клич и убегает, путаясь в широченных серых джинсах.

Постоянные подопытные закрывают дорогу многим разовым,

поэтому мы берем только самых тяжелых, с убойно травмирующими воспоминаниями.

Денек выдался трудный, но меня спасают мысли о доме. Я знаю, что после оцифровки сегодняшних забвений буду сидеть на кухне до двух-трех часов ночи, цедить чай, а Анфиса – сидеть напротив меня в тишине и все понимать. Мы с ней коллеги. Но она долго в лаборатории не выдержала. Ушла после трех тяжелых ночей и теперь слышать не хочет о возвращении, предпочитает скучную жизнь домохозяйки.

Раньше, кажется, люди общались с соседями, дружили семьями и что-то еще делали вместе с другими. Сейчас они занимаются либо работой с непрерывным подсиживанием друг друга, либо безнадежными попытками найти эту самую работу, а в промежутках смотрят бесконечные сериалы с нестареющими роботами-актерами и ходят ссориться друг с другом в соцсети.

У меня очень хорошая работа. Мы друг друга не подсиживаем и даже иногда разговариваем, но такое возможно лишь в немногих сферах, где пока не грозит роботозамещение.

Воспоминания, от которых мы избавляем людей сегодня, – очень тяжелые, одни из худших на моей памяти. Оцифровываем, сортируем, маленькими архивными бомбами разбрасываем по папкам, одни лишь названия которых могут лишить сна впечатлительного человека. Что только люди не делают с собой и друг с другом, когда в их жизни есть лишь сериалы, бесплодные поиски работы и дешевый алкоголь.

Можно ли к этому привыкнуть? Я не знаю. Но я не хочу однажды после лабораторного дня среди «тяжелых» прийти домой и спокойно завалиться спать – нельзя привыкать к такому.

* * *

28 февраля

Листаю свою толстую тетрадь, этот гибрид дневника, лабораторного журнала и блокнота для заметок. Я привык временами просматривать старые записи: иногда они наталкивают меня на новые решения старых проблем. Некоторые заметки кажутся смешными теперь, спустя несколько лет. А что было на вырванных страницах? Кажется, ничего. Я смутно припоминаю: некоторые разрисовала Виктория, когда я забыл тетрадь в столовой, а однажды я пролил на страницу виноградный сок, и тот впитался в пару следующих листов фиолетовыми пятнами с прозеленью, вызывающей сомнения в своей натуральной природе. Была пара депрессивных записей –

потом я вырвал листы, чтобы вымести из своего журнала упаднические настроения насчет «спасения утопающих котят».

Сегодня одна из пометок напоминает мне о давно запланированном визите, который я бессовестно и малодушно откладывал. Все-таки со стариками проще…

Чужие воспоминания, наложенные на собственную шкуру, могли бы научить людей ответственности, состраданию, сопереживанию. У нас в базе – тысячи историй людей, которые своей беспечностью и равнодушием причинили другим зло: финансовый крах, увечья, глубокие душевные травмы, смерть. Эти истории могли бы стать предупреждением, назиданием, бесценным опытом, если пережить их по-настоящему. Если бы нашлись те, кто еще захочет учиться ответственности и состраданию.

А еще есть люди, для которых даже воспоминания-причиняющие-боль станут почти счастьем.

* * *

12 марта

– Эта женщина говорит: «Мне подойдет любое воспоминание, понимаете, любое, лишь бы там человек двигался самостоятельно. Я просто хочу знать, то есть нет… Я хочу *помнить*, как это – ходить!»

– Она не знает, о чем просит. – Анфиса складывает руки на груди. – Она представить себе не может, что с ней может происходить в этих самых *любых* воспоминаниях.

– Конечно. А ее собственные – однообразны и депрессивны.

Анфиса подходит к окну, долгое время молчит, глядя, как возятся Виктория и щенок во дворе.

– Скажи, ради чего ты помогаешь всем этим людям? – наконец спрашивает Анфиса, и этот простой вопрос ставит меня в тупик.

Ради науки, конечно. Да, свой след в ней я уже оставил, но кто откажется от возможности наследить еще больше? Однако есть и другое, менее измеримое и не менее важное. Я только не понимаю, как это сформулировать.

Я хочу сделать жизнь других людей лучше? Но объективно она не станет лучше. Обитателей старческого дома в скором времени ждет самое настоящее забвение. Инвалиды останутся инвалидами, государству не интересно тратиться на экзопротезы: работы им все равно не найти, так не все ли равно, где лежит иждивенец – на больничной койке или «Подмостом»?

Подарить радость? Показать им, что не все в этом мире погрязли в тоске, алкоголе и безработице – или в трудоголии, если посчастливилось что-то уметь в тех областях, где пока бесполезны роботы. Но проявить внимание можно другими способами, менее трудоемкими. Я же задался целью прыгнуть выше головы. И прыгну.

– Может, ты спасаешь утопающих котят ради себя самого? – спрашивает Анфиса.

Я смотрю на ее прямую спину, обтянутую белой майкой. Анфиса смотрит на Викторию.

– Ты думаешь, я что-то делаю неправильно? Что оно того не стоит?

Анфиса пожимает плечами. Меня это сердит, и я уже открываю рот, чтобы бросить ей в спину сердитое обвинение: «Ты слишком много выдумываешь от безделья» или что-то в этом роде, но слова не идут с языка.

В конце концов это я оставляю свою семью одну на целые дни. Девчонкам должно быть ужасно скучно.

Но они никогда не жаловались на скуку. Ни разу не встретили меня в плохом настроении. Не предложили куда-нибудь выбраться или взять отпуск – хотя не могли никогда не скучать, не хотеть в отпуск, вообще ничего не хотеть!

Во дворе Виктория бросает мяч, и щенок со счастливым визгом бежит за ним.

Едва ли у меня есть моральное право в чем-либо обвинять свою семью и бросаться обвинениями в адрес Анфисы. А вот в отпуск выбраться все-таки нужно. Хотя бы на неделю. Когда-нибудь потом.

И все-таки…

– Я делаю это не ради себя, а ради других, – упрямо говорю я прямой спине, обтянутой белой майкой.

* * *

27 марта

Уже перед выходом из дома я вспоминаю, что Анна Сергеевна снова жаловалась на старичка, который не обращает на нее внимания. То, что пришло мне в голову, – это, конечно, шутка, очень глупая, детская, но удержаться я не в силах.

– Виктория, а где тот мяч, что бабушка тебе подарила?

– Какой мяч? – Дочь сосредоточенно возюкает стилусом по графическому планшету. Пальцами рисовать проще, но Виктория не ищет легких путей.

– Сине-красный. Который мигает и воет, как баньши.

– Баньши? Я не знаю про такой мяч.

– Летом. – Я понимаю, что хмурюсь, и сильно тру лоб. – Бабушка подарила его тебе летом.

Досадовать, что четырехлетний ребенок чего-то не помнит, – очень глупо. Но моя мама приезжала в гости всего два месяца назад!

Я оглядываюсь на Анфису, но жена вдохновенно нарезает овощи. Ее прямая спина кажется мне напряженной.

Ухожу в детскую, роюсь в коробках с игрушками в поисках сине-красного мяча. Он очень, *очень* ярко светился и противно пищал. Всегда мечтал его выкинуть.

Мяча я не нахожу. Наверное, валяется где-то на лужайке, ну или он нигде больше не валяется, если Анфиса тоже мечтала его выкинуть.

Возвращаюсь в кухню.

– Анфиса, где тот воющий мяч?

– Не знаю, – тут же отвечает она и отточенным движением сметает в салатник идеально нарезанные помидоры.

Чувствую неприятный, царапающий холодок в груди и отказываюсь от поисков мяча.

– Ладно, все равно это была бы глупая шутка.

* * *

Детские дома. Инвалидные дома. Хосписы. «Подмост», в конце концов. Мало ли вокруг «утопающих котят», которым принесли бы счастье чужие воспоминания? Прибавить уверенности в себе, дать надежду, расширить горизонты, показать, что наш мир не столь уж плох, хотя это, разумеется, неправда. Куда меня несет?

Нет ответов. Я путаюсь даже в вопросах, но не могу остановиться, не могу перестать делать то, что делаю, потому что у всех этих людей нет больше никого – нет действительно *никого*! Только такие же бедолаги, как они сами, и еще медицинские роботы – похожие на людей, бесконечно профессиональные, доброжелательные, терпеливые, бездушные.

Мне все-таки нравится думать, что вместе с воспоминаниями я даю этим роботам и кусочек чужой души, и пусть она не прирастет к роботам, не должна прирастать, не имеет права – но она и не теряется безвозвратно.

Я знаю, что этого мало, и не перестану работать над передачей воспоминаний от человека к человеку. Пока ни одна из

рабочих гипотез не похожа на правду, но я неустанно прорабатываю варианты и убеждаю коллег делать то же самое.

* * *

9 апреля

В вечерних звонках всегда есть что-то тревожное, каким бы разудалым ни был рингтон.

– Здравствуйте, Вадим, это Вик-Два из старческого дома, – вежливо представляется робот.

Я что-то бормочу в ответ, и дальше Вик-Два начинает тараторить, словно боясь, что я его перебью:

– Мне крайне неловко беспокоить вас по столь странному поводу, но Анна Сергеевна настояла…

Затем слышится возня, и в трубке возникает голос самой Анны Сергеевны:

– Вадим, дорогой, я понимаю, что это прозвучит странно, но у меня есть вопрос, который решительно не позволит мне заснуть до разъяснения. Поскольку вы – специалист по забвению, я решилась… словом, скажите: возможно забыть то, чего не было?

– Возможно, – рассеянно отвечаю я, помешивая сахар в чашке. – Но обычно бессмысленно. Вас беспокоит что-то определенное?

– Да, дорогой, видите ли, я вдруг подумала: а что если я выдумала своих детей? Вы понимаете меня? Ведь не все же старятся «Подмостом», и не всех привозят в старческий дом дети. Что если я в свое время выбрала забвение, а моя память создала ложные воспоминания о моих дорогих малышах…

Ее голос срывается. «Малышам» сейчас должно быть лет по пятьдесят, между прочим.

– Анна Сергеевна, я видел вашу историю здоровья. Вы никогда не проходили через забвение, вам нечего опа…

– Вадим, дорогой, – голос ее крепнет, – я страшно благодарна вам за слова утешения, но все же скажите: есть ли верный способ понять, что воспоминания истинны?

Я отпиваю глоток и шиплю, ожегши губу. Краем глаза вижу, что Анфиса сидит недвижимо, сцепив под столом напряженные руки. Виктория ковыряет пирожное ложечкой.

– Да, послушайте, можно легко убедиться, что воспоминания истинны, потому что ложная память не дорисовывает полноценной картины в нашем сознании, а всего лишь латает прорехи. Если воспоминания настоящие, то в них не будет явных провалов, вы сможете последовательно восстановить всю историю

своих отношений с детьми, начиная с того, как привезли их домой, и заканчивая…

У меня немеют губы. Ребра телефона впиваются в пальцы и сейчас разрежут их на куски. Анна Сергеевна щебечет в трубку какие-то благодарности, но я не могу понять слов.

Я не помню, как привез домой свою дочь.

Кладу телефон на стол. Во рту сухо, в голове – холодно и гулко. Виктория сидит, не поднимая взгляда, ковыряет ложкой пирожное. Ковыряет пирожное одинаковыми, отточенными движениями. Выверенными. Запрограммированными.

Я не помню своей свадьбы.

Смотрю на Анфису. Она сидит с совершенно прямой спиной, сцепив под столом ладони, и смотрит на меня. Ей не было скучно дома одной. Ей не бывает скучно.

Поднимаюсь на ноги. Щенок выбирается из-под стола, чтобы посмотреть на меня с запрограммированным обожанием. Виктория откладывает ложку и поднимает голову. На мгновение мне кажется, что сейчас она пожелает мне доброй ночи как ни в чем не бывало.

Я смотрю на них, а они смотрят на меня: робот-щенок, моя жена и моя дочь.

Три робота.

* * *

Да, черт возьми, можно забыть и то, чего не было! Я забыл, что никогда не был женат, что у меня не было детей! Я забыл об этом настолько, что придумал даже сине-красный мяч и приезд моей мамы, которой у меня тоже никогда не было!

Сначала я мечусь по кабинету, потом обнаруживаю себя сидящим за столом перед толстой тетрадью. У меня ничего нет. У меня никого нет. Я такой же, как все эти люди в старческих домах, на инвалидных койках и «Подмостом», и вот почему я так хочу что-то сделать для них! Я – один из них!

Каждый вечер, возвращаясь домой, я впрыгивал в несуществующее пятно света. А существуют только ненужные друг другу люди, сериалы, роботы и алкоголь. И чужие воспоминания, которые мне не с кем делить, сидя в молчании на кухне до двух часов ночи. Некому читать книжки. Некого везти в отпуск.

Людей, которых я люблю, нет.

Нигде.

В дверь скребутся. Я не отвечаю, и Виктория входит без

разрешения, неловко перешагивает короткими ногами несуществующий порог. Я машинально сметаю тетрадь и ручку в ящик стола.

На руках у Виктории щенок. Отличные роботы, черт побери, совсем как живые. Я хочу сказать, чтобы они убирались отсюда, но отчего-то понимаю, что никуда они не уберутся.

– Мне велено говорить тебе одну фразу всякий раз, когда ты вспоминаешь, – старательно выговаривает робот детским голосом.

– Всякий раз, – безнадежно повторяю я.

Робот выжидающе смотрит на меня. Совсем по-человечески шмыгает носом-пуговкой.

– Ну? Говори. Ты ж не отстанешь, я понял.

Ненастоящий ребенок переступает короткими ногами, покрепче прижимает к себе ненастоящего щенка и старательно декламирует:

– «Но если я не дойду, если в пути пропаду – что же станется с ними, с моими зверями больными?»

Я закрываю глаза.

Виктория еще несколько секунд стоит в дверях, сопит. Потом я слышу, как она выходит в коридор, переступая несуществующий порожек, и прикрывает за собой дверь.

Оглушительная тишина вползает через закрытые окна, растекается по стенам, трогает меня за рукав холодными пальцами.

«О, если бы знать, что пятьдесят лет назад я бездумно тратила время на такую ерунду, которая этого не стоила. Если бы только я могла прожить эти годы иначе! Накопить другие воспоминания!»

«Я просто хочу знать, то есть нет… Я хочу *помнить*, как это – ходить!»

«Вы думаете, чужие воспоминания сведут нас с ума? Бросьте, мы и так уже все сумасшедшие – от безысходности, от пустоты внутри».

«Уж вы-то знаете, сколько в этом мире людей, которым осталась одна радость: ворошить прошлое».

«Что делать, когда заканчиваются воспоминания, в которых мы находили утешение? Когда они больше не приносят радости, а только выцветают и блекнут?»

И если я не дойду…

Я стряхиваю с рукавов ледяные пальцы тишины, достаю из ящика стола забвение и толстую тетрадь. Звучно шлепаю ее на стол и с треском вырываю последние страницы.

Андрей Гальперин
Невосполнимый ресурс

Питер Кауфман прекрасно знал, как выглядит комната «для уточнения некоторых обстоятельств». На государственной службе он и сам не один раз «уточнял подробности», потому не стал задерживаться в дверях, а сразу прошел к неудобному стулу у идеально чистого стола из полированной нержавеющей стали. Уселся и повернулся лицом к гладкой стене, выкрашенной светло-зеленой эмалью.

Спустя минуту пикнули электронные замки и послышались шаги. Звякнули стулья, в спертом воздухе редко проветриваемого помещения появились холодные нотки неплохого одеколона и еще чего-то едва уловимого, вроде лосьона для бритья. Щелкнул замок на кейсе. Кто-то прокашлялся и нетерпеливо постучал по столу браслетом часов. Кауфман развернулся и стал рассматривать агентов. Их было двое. Напротив него сидел курносый блондин с внимательными серыми глазами, чуть поодаль, ближе к двери, расположился крупный парень в безупречном черном костюме. На столе – толстая красная папка, серебристый цифровой диктофон, пачка «Лаки Страйк» и крошечная фарфоровая пепельница в виде улыбающегося до ушей спаниеля.

Блондин положил руки на стол и собрал перед собой сложную фигуру из сплетенных пальцев. Некоторое время он пристально разглядывал каждый изгиб и наконец произнес приятным, хорошо поставленным голосом:

– Добрый день, мистер Кауфман. Как проходит реабилитация?

Питер поднял руку на высоту плеча и согнул в локте.

– Спасибо. Уже значительно лучше.

Блондин покивал, придвинул чуть ближе к себе диктофон и указал ладонью на своего спутника.

– Это – агент Пек. Я – агент Эванс. Мы пригласили вас сюда для уточнения некоторых обстоятельств…

Кауфман кивнул в ответ и спросил:

– Разумеется. Я думаю, речь пойдет о событиях в Чили?

– Да.

– Как неожиданно. А господин Пек случайно не родственник контр-адмирала Лорена Риза Пека? Я даже вижу некоторое семейное сходство…

Агент Пек улыбнулся краешками губ, но промолчал. Агент

Эванс слегка поморщился.

– Вряд ли ваш вопрос относится к теме нашей беседы.

– Это просто милое любопытство, – прервал его Кауфман. – Я перенес несколько операций, да и общаться в вашем чудесном заведении особо не с кем. Мой лечащий врач на редкость неразговорчивый человек, так что простите мне эту слабость. Я был знаком с контр-адмиралом Пеком, и ничуть не удивлюсь, если один из его четверых сыновей подался в разведывательное управление…

– Хорошо, но мы не будем останавливаться на биографии агента Пека. – Эванс вновь сплел пальцы и продолжил: – В Мемфисе вы подписали все соответствующие документы и согласились добровольно сотрудничать и оказать посильную помощь в решении некоторых интересующих нас вопросов, не так ли?

– Так.

– Специалисты доложили, что вы некоторое время принимали наркотические препараты в качестве обезболивающего. По вашим словам, это было необходимо для того, чтобы довести и посадить самолет на территории Аргентины. Как вы считаете, это может сказаться на ваших ответах? Не повлияют ли последствия приема наркотиков на вашу способность трезво оценивать произошедшие события?

Кауфман чуть вздрогнул и быстро ответил:

– Нет, не повлияют. Я был тяжело ранен, с учетом моего возраста и той напряженной обстановки, которая сложилась в Сантьяго в последние недели перед событиями на плато Аско, у меня не было другого выбора. Впрочем, я профессионал, поэтому совершенно уверен.

– Да, мы ознакомились с вашим досье…

– Не сомневаюсь.

Эванс придвинул одну из папок и достал несколько скрепленных степлером листов. Кауфман разглядел собственное черно-белое фото двадцатилетней давности.

– Питер Кауфман, пятьдесят два года. Холост. Детей нет. Родился в Хьюстоне, далее не интересно… Школа, увлечения, колледж. Это мы пропустим… Так. Полк специальных операций корпуса морской пехоты, разведка корпуса морской пехоты, Харвей-Пойнт, разведывательное управление. Далее… Никарагуа, Сальвадор, Чили… Опять Сальвадор… Коста-Рика, Панама, Колумбия, снова Сальвадор. Гондурас. Отставка. Лос-Анджелес, агентство «Worldwide Guard amp;Safety», должность – ведущий специалист.

– Эксперт.

– М-да. Эксперт. Получить данные из офиса «Worldwide Guard amp;Safety» не так просто, но нам это удалось, к тому же господин Гилрой считает вас мертвым, хотя официально ведущий специалист Питер Кауфман числится пропавшим без вести. В агентстве вы занимались расследованиями, в основном опять же в странах, расположенных южнее Мексики. Все верно?

Кауфман снова кивнул.

– Чаю? Кофе?

Питер откинулся на спинку стула и отрицательно покачал головой.

– Спасибо. Минералку, если вас не затруднит. Без газа. А почему вы не курите?

– А вы? – Эванс улыбнулся и сделал жест тому, кто следит за камерами.

Кауфман в ответ хмыкнул и указал на предметы, лежащие на столе.

– Агент Эванс, вы сейчас в двух словах озвучили мою биографию. Зачем же вам эта бутафория? Перед вами не запуганный мальчишка, которому с пеленок нашептывали о прелестях Джанната, а потом отправили взрывать неверных. Я знаю, что в этой комнате на высокочувствительную аппаратуру записывается каждый звук, каждый шорох и скрип, а также видеоизображение минимум с шести точек, и где-то рядом несколько специалистов оценивают мои жесты, мимику и движение ресниц, для того чтобы потом решить – обманываю я вас или нет. Перестаньте играть со мной в эти игры. Вы знаете, что я не курю, вы изучили и запомнили каждую строчку из этих документов, вплоть до последней запятой, иначе вас бы сюда не прислали. Давайте относиться друг к другу как профессионалы. Я дал согласие на сотрудничество и отвечу на все вопросы. Другого выхода у меня нет.

Эванс понимающе кивнул и отодвинул папку в сторону.

– Хорошо, мистер Кауфман. Давайте с самого начала.

– С какого именно пункта вы предпочитаете? Напомню, все, что касается событий в Сантьяго, а также в Куарто Ангел да ла Гуардо и на плато Аско, я подробно изложил в отчете, в пояснениях к отчету, а также неоднократно перед этим в устной форме, в том числе и в Мемфисе, лично полковнику Уиллкоту.

– Давайте будем считать, что никаких отчетов не было. Начните, пожалуй, с брифинга в Лос-Анджелесе.

Кауфман некоторое время смотрел в спокойные серые глаза Эванса, а потом сказал:

– Вы не получили отчеты. Я ведь прав?

В комнату бесшумно вошел рослый служащий в сером

мешковатом костюме, поставил на стол две бутылки «Бонаквы», один большой пластиковый стакан и так же бесшумно вышел.

Эванс опустил глаза, помолчал и ответил:

– Это несущественно, мистер Кауфман. Нам нужна полная информация для тщательного анализа событий…

– Но полковник Уиллкот…

– Полковник Уиллкот вышел в отставку. А две недели назад скоропостижно скончался в военном госпитале Сан-Антонио. Сердечный приступ.

– Вот как? – Кауфман потер пальцами веки и вздохнул. – Военный атташе Гиз?

– Не имею ни малейшего понятия. Давайте вернемся непосредственно к событиям. Итак, брифинг в офисе «Сафети» в Лос-Анджелесе.

Кауфман помолчал, словно раздумывая, а затем неспешно начал:

– Второго мая я получил сообщение из офиса. Мне предписывали оставить расследование, которое я проводил вместе с группой специалистов «Сафети» на территории Бокас-дель-Торо, и срочно прибыть в Лос-Анджелес. В офисе меня встретил начальник отдела Джесс Мэнселл и сообщил, что я отправляюсь в Сантьяго для изучения довольно специфического случая. На следующий день прошел брифинг, на котором присутствовали сам начальник отдела расследований «Сафети», его заместитель Арон Арад и представитель компании-заказчика, мистер Бьерн Хайнрих. Я получил материалы для ознакомления, а именно сведения о катастрофе транспортного MD- 11F компании «Монреаль Карго Айрлайнс» в Тихом океане у берегов Чили, которая произошла восемнадцатого марта. Кроме того, мне предоставили сведения о поисково-спасательной операции в предполагаемом районе падения самолета, а также информацию о специальной группе, посланной на место авиакатастрофы после окончания поисково-спасательных работ. Эта группа была отправлена в Чили компанией-заказчиком, которой принадлежал груз на борту разбившегося «Макдугласа».

– Кто проводил брифинг?

– Непосредственно заместитель начальника отдела расследований мистер Арад.

– Вы упомянули представителя заказчика, мистера Хайнриха?

Кауфман пожал плечами.

– Мистер Хайнрих? Он сидел, выпятив нижнюю губу, и многозначительно молчал. В конце брифинга он достал распечатку последнего рапорта своих людей, полученного из Чили…

– В Мемфисе вы сказали, что последний рапорт – это видеообращение специалистов, отправленное в адрес компании-заказчика. Значит, ролик вы не видели?

– Нет. Я получил на руки распечатку сообщения.

– Что вы можете сказать о Хайнрихе, мистер Кауфман?

Питер поднял глаза и внимательно посмотрел на Эванса.

– Хайнрих? Весьма неприятного вида пожилой мужчина, чуть ниже среднего роста, избыточный вес, легкая одышка. Волевые черты, лицо уверенного, я бы даже сказал – самоуверенного человека. Скорее всего, бывший военный. Задача выяснить подробности биографии заказчика передо мной не стояла. Самодеятельность в компании не поощряется.

– Хорошо. Расскажите подробнее о материалах, переданных вам для ознакомления мистером Арадом. Подробности авиакатастрофы можете опустить.

Кауфман нацедил минералки, сделал глоток, затем встал со стула и, держа стакан на весу, прошелся по комнате. Агент Пек внимательно наблюдал за каждым его движением из-под полуопущенных век. Агент Эванс поглаживал указательным пальцем подбородок и терпеливо ждал. Кауфман допил воду, поставил стакан на стол и, облокотившись о стену, продолжил:

– Основная часть брифинга касалась моего расследования. Вернее, задачи, которую ставило передо мной руководство отдела. Не уточнялось, почему заказчик решил отправить на поиски собственную группу, после того как официальное решение комиссии было опубликовано, а поисково-спасательная операция, в которой были задействованы специализированные службы с новейшим оборудованием, судами и самолетами, не принесла никаких результатов. Также я не получил никаких сведений о характере груза, находившегося на борту самолета, и о конечном получателе. Передо мной стояла задача отыскать возможного свидетеля.

– Свидетеля чего, мистер Кауфман?

Питер вернулся за стол и некоторое время молча смотрел перед собой. Наконец он вздохнул и заговорил:

– Давайте по порядку. Думаю, хронология событий вам и так известна, но тем не менее. Борт 901 рейсом из Орландо в Сантьяго через Каракас пропал с радаров рано утром восемнадцатого марта. Самолет был исправен, экипаж опытный, погода стояла отличная. Никаких свидетельств о взрыве, пожаре на борту, аварийной ситуации. Самолет просто исчез. Организованная поисково-спасательная операция не дала никаких результатов. Место предполагаемого крушения посетили специалисты из соответствующих ведомств, в том числе и

американских, но окончательного мнения, касающегося катастрофы, они так и не составили. Официальная версия была такова – самолет попал в грозовой фронт, двигающийся с Анд, потерял высоту и разбился при падении в океан. Обломки затонули на большой глубине. Спустя неделю после окончания официального расследования в Сантьяго прибыла группа специалистов в количестве семи человек. Двое граждан Канады, двое – Германии, и три колумбийца. Те самые люди из компании Бьерна Хайнриха. Они привезли с собой поисковое оборудование и арендовали судно для водолазных работ, без экипажа. Через трое суток связь с ними прервалась. Вся группа пропала без вести в районе предполагаемого падения самолета. В последнем своем видеосообщении начальник группы передал в офис компании-заказчика информацию о том, что в океане они встретили рыбацкое судно с единственным членом экипажа. Этот самый рыбак предостерег их от поисков пропавшего самолета, не объясняя характер опасности, он посоветовал поскорее возвращаться на берег и никогда больше не приближаться к этому месту. Старшему группы одинокий рыбак показался странным, даже более того, в своем сообщении он описывает его как человека «явно не в себе», точные слова – «полностью долбанутого на всю голову». Бьерн Хайнрих считал, что этот рыбак и есть единственный свидетель.

– И компания поручила именно вам найти этого свидетеля на побережье Чили?

– Да. Именно так. Это была моя единственная задача. Найти и получить от него любую информацию о группе пропавших специалистов и о районе возможного падения самолета.

Как только Кауфман закончил, Эванс переглянулся с напарником и извлек из кейса толстый блокнот в темно-красном кожаном переплете. Некоторое время он перелистывал страницы, сделал несколько пометок карандашом и положил блокнот перед собой.

– И вы нашли этого свидетеля, мистер Кауфман?

– Да. Причем без всякого труда. Во-первых, достаточно подробное описание лодки и свидетеля, полученное мною от Хайнриха. Во-вторых… Рыбаков-одиночек на побережье не так уж и много. Промысел ведут в основном крупные предприятия и артели. Есть лишь несколько человек, которые выходят в океан ловить акул и крупных угрей на продажу. Так что никаких трудностей с поиском свидетеля не было. Я посетил набережную и порт и очень быстро нашел нужного человека. Им оказался довольно известный на побережье рыбак из Сан-Бернардо по имени Маноло Эрсилья.

Кауфман сделал ударение на имени и внимательно посмотрел на агентов. Эванс все так же бесстрастно разглядывал блокнот, Пек по-прежнему внимательно смотрел на него из-под полуопущенных век.

– Вам ничего не говорит имя Маноло Эрсилья?

Эванс оторвал взгляд от блокнота и слегка пожал плечами.

– Нет. На ваш взгляд, в имени свидетеля есть что-то особое?

Кауфман приложил кулак к губам и несколько секунд молчал, словно раздумывая. Затем неспешно проговорил:

– В том-то все и дело… Всему миру, кроме бывших и действующих сотрудников разведывательного управления, известно имя Маноло Эрсилья.

Агенты вновь переглянулись, и Эванс спросил с некоторым недоумением:

– Что вы подразумеваете под словами «всему миру»? И давайте будем конкретнее. Вы нашли свидетеля и опросили его? Вы получили информацию о пропавших специалистах?

Кауфман с улыбкой выслушал его и ответил:

– А вот здесь начинается самое интересное. Я действительно нашел свидетеля, собственно, он ни от кого не скрывался, и любая собака на Винья-дель-Мар могла привести к нему. Мне не пришлось придумывать легенду, использовать специфические приемы, привлекать арсенал отработанных годами мероприятий и так далее. Я просто пришел к нему домой. Но свидетель оказался практически бесполезен.

Агент Эванс заметно напрягся.

– И почему же? Он действительно «не в своем уме»?

– Да. Более чем. Ну и еще одно… – Кауфман помолчал и добавил: – Дело в том, что Маноло Эрсилья глухонемой.

В комнате «для уточнения некоторых обстоятельств» повисла напряженная тишина. Спустя несколько секунд агент Эванс осторожно, словно подбирая слова, спросил:

– Мистер Кауфман, вы утверждаете, что свидетель, который, возможно, последним видел и даже беседовал с группой пропавших специалистов, оказался глухонемым и к тому же, очевидно, не совсем психически здоровым человеком. Не хотите ли объяснить?

– Вы читали книги Харлана Вудворда, агент Эванс?

Эванс поднял глаза и недоуменно пожал плечами. Было заметно, что вопрос привел его в некоторое замешательство.

– Вудворда? Нет, не читал. А это имеет какое-то значение?

– Имеет. Здесь все имеет значение. Вы или не обратили внимания на мою фразу о всемирной известности простого чилийского рыбака по имени Маноло Эрсилья, или просто

проигнорировали, посчитав мои слова неважными в контексте данного выяснения обстоятельств. А ведь я сказал это очень серьезно. – Кауфман печально улыбнулся.

– Мистер Кауфман, насколько я понял, вы пытаетесь связать книгу какого-то Харлана Вудворда с событиями в Чили?

– Да, агент Эванс. К сожалению, первоначально я тоже не обратил на это внимания и не придал значения совпадениям, хотя книгу Вудворда частично прочел.

– Я не совсем понимаю, мистер Кауфман, при чем здесь книга? Сейчас нас больше интересуют события в Сантьяго.

Кауфман прижал ладонь к глазам и некоторое время сидел неподвижно. Потом убрал руку, откинулся на спинку стула и заговорил:

– Все гораздо сложнее, агент Эванс. После первой встречи с рыбаком я некоторое время провел в отеле, пытаясь решить загадку. Глухонемой не мог говорить с людьми из поисковой группы по простой и понятной причине, а значит, либо это был не тот человек, либо Бьерн Хайнрих почему-то дал «Сафети» заведомо неверную информацию. Тогда я вернулся в порт и снова попытался выяснить, кто еще мог быть в предполагаемом районе. И снова наткнулся на загадку. Одна женщина рассказала мне о том, что именно Маноло Эрсилья встретил в океане иностранцев, разыскивающих пропавший самолет.

– А откуда она узнала об этом?

– Он ей сказал.

– Глухонемой?

– Да.

Эванс чуть повернул голову в сторону коллеги и едва заметно кивнул. Агент Пек легко поднялся и вышел из комнаты. Кауфман проводил его взглядом и несколько секунд молча смотрел на закрытую дверь. Агент Эванс крутил в пальцах желтый карандаш, словно собираясь с мыслями, и наконец осторожно спросил:

– Вы не могли бы пояснить свои слова, мистер Куафман? Дело в том…

– Подождите с выводами! – Питер прервал агента и продолжил: – Вы пока не понимаете и не поймете, если и дальше будете следовать исключительно в русле примитивной логики. События, в которых мне пришлось принимать участие помимо своей воли, нельзя объяснить в двух словах. Поверьте мне. Здесь нет никакой мистики или паранормальных факторов, выходящих за пределы нашего с вами познания, но есть нечто… Назовем это обстоятельствами, которым сложно дать оценку, не прибегая к псевдонаучным объяснениям. Харлан Вудворд. Это ключ к пониманию. Точнее, его книга «Темные начала новой

цивилизации». Несколько лет назад я провел отпуск на Гавайях в обществе одной дамы. Она была без ума от идей Вудворда и таскала с собой эту книгу везде. Я заглянул из любопытства, пробежал несколько страниц, и то лишь потому, что некоторое время автор и сама книга были у всех на устах.

Эванс бесстрастно смотрел на Питера и не перебивал.

– По вашему лицу я вижу, что вы не имеете никакого понятия ни о Вудворде, ни о его главной книге. Думаю, вам придется ее осилить, и в кратчайшие сроки, потому что в ином случае мы будем говорить с вами на разных языках и любая информация, которую я вам передам, не будет иметь никакой ценности. Специалисты в управлении посчитают мои слова бредом, шизофазией, чем угодно. И будут правы, пока вы не получите ключ. Полковник Уиллкот в Мемфисе решил, что я пытаюсь водить Управление за нос. Спорю на свою пенсию, он даже толком не прочитал мой рапорт, а спихнул его по инстанциям.

– Ну хорошо… – Эванс отложил карандаш в сторону. – По вашим словам, книга Харлана Вудворда – это ключ к событиям в Сантьяго. Так что представляет из себя эта книга?

– Вы меня опять неправильно поняли, агент Эванс. Книга Вудворда – это ключ не только к событиям, которые произошли весной в Сантьяго. Это ключ к разгадке всего того, что происходит сейчас. Почему упал «Макдуглас». Почему упал «Боинг» в Египте. Почему взорвался А-330 в Париже. Почему сбили «Боинг» на Украине. Почему в Чаде голод и эпидемия, а в Южном Судане гражданская война. Почему падает евро, растет юань и дешевеет нефть. Это ключ к разгадке, куда делась группа специалистов в Чили и почему я сейчас сижу здесь. И пока вы решаете, не сумасшедший ли перед вами, еще раз прочтите мой послужной список.

Кауфман наполнил стакан минералкой, залпом выпил и заходил по комнате. Четыре шага от одной стены к другой.

– Послушайте. Исток всего, веретено, на которое наматываются события, – это «Темные начала новой цивилизации», еще эту книгу называют «библией антиглобалистов». В 2005 году Харлан Вудворд был никому не известным ученым-экологом из скромной лаборатории где-то в Вайоминге. Год спустя Вудворд уже видный общественный деятель с армией поклонников самых леворадикальных взглядов. Его резкие выступления в защиту стран «третьего мира» будоражат общественность и вызывают негативную реакцию государственного аппарата и воротил с Уолл-Стрит. Вудворд пользуется бешеной популярностью у журналистов, он выдает один разгромный материал за другим и становится знаменитой

медиаперсоной. Он издает подряд несколько книг весьма сомнительного содержания, но в 2007-м выходят «Темные начала новой цивилизации». Книга вызывает серьезный общественный резонанс и обсуждается чуть ли не на государственном уровне. Собственно, это обширная, на тысячу страниц компиляция из статей об экологических катастрофах, ненаучных допущений, вымыслов и размышлений на футурологическую тематику. Основные тезисы, которые предлагает читателю Вудворд, – это прогрессирующее разделение человеческой цивилизации на два неравных по размеру лагеря. С одной стороны несколько высокоразвитых стран с четко ограниченным количеством населения, которые объединяются в некий конгломерат, в короткий срок обеспечивают себя всеми ультрасовременными технологиями и новыми источниками энергии и приступают к освоению ближайших звездных систем. С другой стороны большая часть человечества, которой придется довольствоваться ролью подопытных кроликов, при этом истребляя себя в бесконечных войнах на зараженной планете. Второй посыл Вудворда касался общечеловеческих ценностей, которые тоже претерпят некоторые изменения. Меньшая, но более высокоразвитая часть населения будет избавляться от основных моральных принципов, как от сдерживающих оков, все более и более отдаляя себя от основной массы.

Кауфман остановился, уперся руками в спинку стула и посмотрел Эвансу в глаза.

– Так вот, агент Эванс. Книга «Темные начала новой цивилизации» написана Харланом Вудвордом от лица некоего Маноло Эрсильи, философа, поэта и простого чилийского рыбака, наделенного даром предвидения и другими странными способностями, которые он якобы получил в результате бесчеловечных экспериментов над детьми-сиротами в тайных лабораториях, расположенных в Куарто Ангел да ла Гуардо. И знаете что, агент Эванс?

– Что?

– Харлан Вудворд никогда не был в Чили. Он вообще никогда не покидал территорию США. Он выдумал этого персонажа для своей книги, как выдумывал до этого много разных историй. О судне под флагом Белиза, бесследно исчезнувшем у берегов Сьерра-Леоне с грузом некоего лабораторного оборудования. О случайно найденной там же, в Сьерра-Леоне, флешке с видеозаписью экспериментов над людьми. О небольшом военном перевороте в этой же африканской стране, после которого с лица земли исчезло сразу несколько поселений, где, собственно, и велась злополучная видеозапись. Все это Вудворд выдумал. Он

выдумал историю про фармакологические корпорации, поставляющие в страны третьего мира препараты, применение которых изучено не до конца, и про международные гуманитарные фонды, которые ведут тщательный мониторинг последствий использования этих препаратов. И знаете, какой ресурс Вудворд считал самым ценным в своем выдуманном мире?

Агент Эванс откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и кивнул:

– Продолжайте.

– Время. Вот какой ресурс Вудворд считал самым ценным. То, что нельзя добыть в шахтах Африки и Южной Америки. То, что нельзя купить у России или Саудовской Аравии. Что нельзя изготовить на заводах в Китае. Время. Единственный невосполнимый ресурс. На исследования, если проводить их в ограниченном объеме и под надлежащим контролем, уйдут годы и десятилетия. Но представьте, если полем экспериментов станет весь мир? Одновременно тысяча экспериментов в реальном времени и на живых людях? Не на мышах и компьютерных моделях, а на целых социумах.

– И кто, по-вашему, этим занимается, мистер Кауфман?

– Тот, кто отправил самолет в Куарто Ангел да ла Гуардо. Или корабль в Сьерра-Леоне. В тот самый, выдуманный Харланом Вудвордом мир.

Кауфман сел на стул, веки его слегка подрагивали, лицо покрылось испариной.

– Послушайте, Эванс. Я узнал, что произошло с поисковой группой. Чей-то эксперимент вышел из-под контроля. Это был сбой в отработанной системе. Мир не получил новой сенсации, кто-то лишился огромного массива данных для анализа и обработки. Не случилось новой эпидемии очередного «звериного» гриппа, а может быть, провалился социальный эксперимент по внедрению самых современных способов управления наиболее податливыми слоями населения. А может быть, что-то другое, чему еще название не придумали. Думаю, господин Хайнрих мог бы рассказать гораздо больше…

– Кстати, о Хайнрихе. – Эванс поставил на колени кейс и стал неспешно складывать в него блокнот, папку… – Дело в том, мистер Кауфман, что не существует никакого господина Хайнриха.

Кауфман вздрогнул, на его длинном тяжелом лице застыла гримаса непонимания. Агент Эванс сунул диктофон в кейс, затем толкнул пальцем пачку сигарет в сторону Кауфмана и печальным голосом добавил:

– Закуривайте, Питер. Вы же курите, об этом сказано в вашем

досье, которое я действительно выучил до последней запятой. Так вот, повторюсь, никакого Бьерна Хайнриха в природе не существует. Мистер Арад и мистер Мэнселл никогда не встречались и не могли встречаться с этим человеком. Как и не существует и никогда не существовало Харлана Вудворда, автора международного бестселлера, написанного от лица глухонемого чилийского рыбака про загадочную организацию, использующую планету для своих бесчеловечных экспериментов. Впрочем, и рыбака тоже нет. В нашем, не придуманном мире, мистер Кауфман, вам придется разобраться со своими воспоминаниями, настоящими и мнимыми, и ответить на главные вопросы. В каком месте потерпел аварию «Макдуглас», почему вы убили несколько человек, похитили гражданский самолет и спешно покинули территорию Чили. Думаю, мы располагаем соответствующим штатом специалистов, которые вам помогут. А пока всего доброго, Питер.

– Ну и как вам это, Бьерн?

– Интересно, интересно, сенатор. Параноидальная шизофрения, я так полагаю? Или алкогольная энцефалопатия? Впрочем, я не специалист. Но каков расклад, я впечатлен. Только давайте мы не будем играть с этим Кауфманом? Не в этот раз. Нам вполне достаточно проблем от Вудворда и его сумасшедших последователей. Где Кауфман сейчас?

– В психиатрической клинике Святого Винсента, в Льюистоне.

– Вы хотели сказать – на кладбище психиатрической клиники Святого Винсента? Сделайте милость, сенатор. И сосредоточьтесь на Мьянме. У нас впереди Северная Корея, Филиппины, столько дел, столько дел. Давайте мы больше не будем тратить время. Наш единственный невосполнимый ресурс.

Анна Голубева
Линия жизни

Кто работал и устал —
Называется морал,
Обеспечил себе старость
И достойный капитал.

Считалочка

– Вопрос на миллион – что с моей кармой? Вопрос жизни и… идеальной жизни! Сколько добра я принес в мир? Хватит ли этого для медицинской страховки? Для бесплатной парковки? А может, меня ждет кое-что особенное? – Серафин Арно выразительно чиркнул себя пальцем по шее. Его голова и тело не совпадали по оттенку. Сейчас контраст в моде, но Серафин слишком стар и богат для таких игр. Значит, настоящая пересадка.

– Завтра мы получим ответ. А сегодня – последний день в году, день чудес и любви. День щедрости. Я и программа второго шанса начинаем ежегодный марафон «Спешите делать добро!». Совершайте хорошие дела, фиксируйте и отчитывайтесь в моем окулусе. Пусть мир согреют ваши сердца!

– Отличная идея, – отозвался Харв и выключил дорогой, самой последней модели телевизор. Вручную. Умный дом опять выкинул коленце – церебральное управление ломалось пятый раз за год. Техник разобрался бы с этим за пару часов, но у Харва Бойера не было времени. Сегодня последний день, когда можно поднять карму. И, ей-богу, на этот раз он сорвет куш!

Подойдя к зеркалу, Харв пригладил седые, но еще густые волосы. Он не прилагал усилий к омоложению. Нет более жалкого зрелища, чем юное лицо на природном теле. Вот если он получит новый корпус… Но для этого нужно семь тысяч плюсов. Не меньше. За один день – почти невозможно.

Харв улыбнулся отражению, сделал быстрый снимок и кинул в Сеть. Опрятный, бодрый вид – не более пары плюсов, но в погоне за главным призом мелочей не бывает.

Чистая одежда, улыбка, вежливость – все это хорошо для кармы. Если повезет, то случайный прохожий не просто плюсанет, а зайдет в твой окулус, посмотрит события и добавит в свою ленту. Ерунда? Как посмотреть. Следуя таким нехитрым правилам, к шестидесяти годам можно рассчитывать на стабильно положительный баланс.

Открыв ленту, Харв нашел окулус Серафина. Пост, в котором предлагалось пообщаться на тему последних добрых дел в этом году, предварял красочный снимок: Арно придерживает дверь для пожилой леди. Снимок от третьего лица, хорошее освещение – скорее всего, постановка. Один из ста поставит плюс. Но при большой аудитории этого достаточно. Точное число подписчиков не знает и сам Арно, однако, имея свое шоу в прайме, можно не волноваться.

«Я – Харв Бойер. Бывший детский врач, сейчас пенсионер из Урбы. Сегодня я отправлюсь на окраину для консультации и, возможно, лечения детей аморалов. Приглашаю всех в мой окулус – с часа дня там будет идти прямая трансляция. Посмотрим, что из этого выйдет?»

К посту Харв добавил сегодняшний снимок, сложил текстовую панель в карман и покинул квартиру.

– Вставай, приехали!

Кто-то тряс его за плечо. Харв с трудом разлепил веки. В ушах звенело от резкого пробуждения. Щурясь, он выбрался из синего жучка такси и застыл в изумлении.

Привычный мир оказался вскрыт, как консервная банка, и в него хлынуло небо. Слепяще-белое, оно навалилось не только сверху, но, казалось, со всех сторон. Крепко сцепившись перемычками сараев и пристроек, жались к земле дома. Харв даже мог видеть их крыши! Между этими прямоугольниками пробивались лысые ветви кустарника и внезапно высокие деревья – огромные, как на старых картинах.

– Эй, приятель, ты в порядке? – Таксист вылез из машины.

– Какой простор!

Два часа в дороге сморили его, и Харв не заметил, когда закончились небоскребы с наружными садами и начались пустоши окраины.

– Старая застройка. Жаль, место пропадает. Говорят, через пять лет Моралитет здесь порядок наведет.

– Деревья на земле. Разве не странно?

– Не знаю, я уже привык. Бываю часто. Брата навещаю, он выключил окулус года три назад, когда карма совсем в минуса ушла. Неплохой парень, резкий только. – В руке у таксиста оказался примитивный телефон. – Хотите, позову его? Проводит куда надо.

– Да, конечно! – Харв пожалел, что во время поездки так и не поговорил с этим милым человеком.

Забежав в окулус таксиста, он не глядя плюсанул три последних поста.

– Готово. Минут через пять подойдет.

– Даже не знаю, как вас благодарить.

– Лучше всего материально, – усмехнулся таксист.

Харв рассчитался за поездку, добавив щедрые чаевые. Перед глазами всплыл будильник – ровно час дня, пора начинать трансляцию:

– Окраина. Я только что подъехал, жду местного, который, проводит меня к школе или поликлинике.

Харв огляделся. Низкие дома казались непропорционально приплюснутыми, а растения напротив – непомерно вытянутыми. Слишком мало зелени, слишком много света.

– Записываете на память? – хмыкнул таксист.

На руке, которой он прикрывал глаза от солнца, была простенькая татуировка с небольшим дефектом.

– Смещенный луч на звезде – он что-то значит? – спросил Харв, меняя тему.

Говорить о трансляции во время самой трансляции считалось дурным тоном.

Таксист быстро раскатал рукав, закрывая тату.

– Обычный брак – машинка делала.

– Понятно… кажется, я вижу вашего брата!

По дорожке, усыпанной гравием, приближался человек. Женщина.

– Проклятье! – выругался таксист.

– Что такое?

– Я… совсем забыл, у меня еще вызов! – Растерянное выражение сменилось любезной улыбкой. – Думаю, теперь вы без труда доберетесь куда надо. Брату я сообщу.

– Погодите!

Но таксист спешно забрался в нутро своего жучка и рванул к центру.

Ничего не понимая, Харв обернулся к женщине. Она подошла уже достаточно близко, но Харв все никак не мог ее просмотреть. Проверил уровень Сети – норма.

«У нее нет окулуса!» – осенило его.

То есть совсем! Даже начальной странички – ни имени, ни возраста.

Будто впервые посмотрел он на незнакомку – полная, даже тучная, с копной рыжих волос, забранных в хвост. Немолодая, но с непривычки Харв не мог точно сказать, сколько ей лет.

Вероятно, у него был растерянный вид, потому что женщина засмеялась:

– Не смущайтесь так! Пытались меня просмотреть, верно?

– Да.

– Здесь мало у кого включен окулус. Ребят с окраины на счетчик не поставишь. – Она заговорщически подмигнула, как бы говоря: «Мы-то с тобой понимаем, что к чему».

Харв тут же проникся симпатией к этой женщине.

– Вы ведь Бойер, верно? Детский врач.

– Да.

– Отлично. Я как раз за вами. Одному тут небезопасно бродить, а старушку Ирен каждый знает. Давай поторопимся, малышня уже извелась.

– Да, – в третий раз ответил Харв и, забыв о трансляции, пояснил: – Только я же не врач. В смысле, я не насовсем к вам врачом. Если вы вдруг подумали…

– Я все правильно подумала, доктор Бойер. – Ирен перестала улыбаться и серьезно посмотрела ему в глаза. Харв готов был поклясться, что она каким-то образом залезла в его окулус. – Не сомневайтесь, я в этих играх разбираюсь.

Ирен развернулась и зашагала обратно – в сторону расплющенных домов. Харв поплелся следом, чувствуя, будто ему только что влепили минус.

Больницы на окраине не было. Вместо нее в центр открытого стадиона выкатили автодом. Слишком современный и дорогой для аморалов. Должно быть, очередная благотворительность.

Люди расселись на трибунах, между которыми с визгом и смехом носились дети. Харв нахмурился. Юные пациенты, похоже, решили добавить к диагнозу еще парочку переломов. А родители будто не замечают и вообще ведут себя как-то не очень… расстроенно? Будто в парке развлечений с единственным аттракционом.

При их приближении толпа оживилась. Кто-то даже начал хлопать, но его не поддержали.

– Доктор сейчас начнет прием, подходите, кто первый, – громко сказала Ирен и потом тише: – Я побуду вашим секретарем сегодня?

– Тогда уж медсестрой, – искренне улыбнулся Харв.

Поначалу он старался осмотреть каждого пациента, назначал дополнительные процедуры, половину из которых можно было сделать лишь в центре. Но быстро понял, что никуда детишки не поедут.

– Тяжелых тут нет, – с ухмылкой подбодрила его Ирен, – а на каждый чих в центр не набегаешься. Если что серьезное, так ребенка в клинику Убры везут.

– Бесплатно? А, ну да…

Аморалами не рождаются. Несовершеннолетние имеют право

на медицинское обслуживание.

В три часа Ирен принесла кофе и булочки. Сама сделала, наверно. На вид съедобно. Харв было замялся, но, вспомнив о трансляции, смело надкусил выпечку. Пусть видят, что он вообще не заметил разницы. Слишком занят нуждами детей.

– Я себе иначе все представлял.

– Думал, здесь чума и запустение?

– Нет, просто…

А что просто? Он ведь и правда надеялся спасти парочку жизней метко поставленным диагнозом.

– Откуда вы узнали, что я приду? – Харв решил сменить тему.

– Ну, мы не в пещерах живем.

Ирен подняла со стола какой-то прибор, похожий на чехол от очков, и навела его на стену. Тут же засветилась дешевенькая ТВ-панель. Серафин Арно беззвучно открывал рот, а ниже шли комментарии из окулуса.

– Марафон, – понял Харв.

– Ну да. С утра идет. Я, живя тут, от многого отказалась, но утренний кофе под телевизор – это святое. А ваш комм был одним из первых. Это вы хорошо придумали, много людей смотрит Серафина.

Харв поморщился и, не сдержавшись, пробормотал:

– Героически лечу сопли.

Ирен резко бросила приборчик на стол.

– Знаешь что!.. – Она замерла и продолжила спокойно: – У тебя идет трансляция?

Он кивнул.

– Выключи.

Пожав плечами, Харв повиновался. Почему бы и нет?

– Готово.

Внимательный взгляд карих глаз – и снова то чувство, будто она умеет вскрывать окулус. Даже приватные посты. Ему стало не по себе, нужно срочно переключить внимание.

– А… а что это за прибор такой? Которым телевизор включили?

– Пульт. До церебрального управления такие делали. И даже до панельного.

– Здорово! Мне бы пригодилось. Замучился уже руками переключать. Вот глупость – выложить бешеные деньги за телевизор и не пользоваться настройками – даже чат посмотреть не могу, только каналы и звук.

– Харв, – оборвала его Ирен, – ты не прав.

– Про пульт? – Он понимал, что говорит глупость.

– Про себя. Про то, зачем ты сюда пришел.

– И зачем же?

Вместо ответа Ирен подняла волосы и наклонила голову. Бледный, но вполне отчетливый шрам шел вокруг ее шеи.

Линия приращения. Более известная как линия жизни.

– Третий корпус, если считать природный. Я срывала куш. Дважды.

– Но почему вы на окраине?! Как стали аморалом?

– Я и не стала. Когда отключила окулус, моя карма была в хорошем плюсе. Ирен Перрет – может, слышал?

Харв смущенно качнул головой.

– А про кого слышал? Кто сейчас на хорошем счету?

– Серафин?

Ирен усмехнулась:

– Скольких людей из ленты ты действительно читаешь? Следишь за ними, волнуешься.

– Сейчас у меня мало времени.

– Его всегда будет мало, Харв. Я тоже была такой. Гналась за кармой, нарабатывала плюсы. Правильные слова, хорошие дела, весь день по часам… и потом реклама – скрытая. За хорошие плюсы, за скидки. Я даже шампунь выбрать не могла!

Харв кивнул. Рутина морала – пользоваться самым популярным продуктом.

– Но ведь какая разница? Любой шампунь моет волосы. А если с него капнет плюсик – почему нет?

– Точно. Шампунь, мыло, одежда – какая разница? Не голой же ходить? Музеи, спектакли – надо же как-то развлекаться? Работа – надо же платить по счетам? И почему бы не сделать выбор в пользу того, что повысит карму? И ведь это полезно! Спорт и правильное питание, благотворительность и саморазвитие, карьера, карма и – вуаля! – новенькое тело. Второй раз пройти по тому же кругу – раз плюнуть. Через семнадцать лет выиграла еще один корпус. Я даже не помню свою вторую жизнь, представляешь? А вот марку шампуня – помню.

Она говорила тихо. И все же Харву хотелось зажмуриться – так кричали глаза Ирен.

– Я не жила. Все эти годы я лишь старалась понравиться толпе незнакомых мне людей. Понравиться так, чтобы мне подарили еще одну жизнь. Ведь я такая хорошая! Только для кого?

– Ирен…

– Нет, погоди, я договорю. Ты сейчас думаешь, а какая альтернатива? Разве лучше спустить жизнь на сиюминутные удовольствия?

– Ну да…

– Лучше.

Он открыл было рот, но не нашелся что ответить.

– Я вижу небо, Харв. Каждый день я вижу небо. И ем булочки, наплевав на фигуру. Я знаю, что твои лекарства уменьшат боль, и это хорошо. Все. А теперь можешь включить трансляцию. То, что я сказала, останется для тебя. Это *я* решила, что ты заслужил мой рассказ. Я решила, что ты – хороший человек. И наплевать, какая у тебя там карма. Понимаешь?

– Кажется…

И все же, включая трансляцию и открывая дверь для очередной порции простуженных детишек, Харв не мог отделаться от мысли, что губы Ирен подкрашены. Потому что трансляция. Увидят.

В оставшееся время Харв старался не оставаться с Ирен наедине. Ее внезапная искренность напугала его и смутила. Нужно было что-то ответить. Принять решение. Он не был готов.

Когда последний мальчишка с нарывающим пальцем выпрыгнул из автодома, Харв быстро захлопнул чемоданчик и, пристегнув его, вызвал такси. Нарочито вслух.

– Не останешься на ужин?

– Увы.

Харв вышел в сумерки на почти безлюдный стадион. В первое мгновение у него закружилась голова – показалось, что он выпал в пустоту. Но вот глаза зацепились за громадины небоскребов. Вид центра вселял уверенность.

– Я провожу до остановки.

– Нет уж, дорогу я помню. А вы устали.

Получилось резче, чем он хотел. Но Ирен все поняла:

– Может, ты и прав, доктор. Ноги не те… да и сердце в последнее время пошаливает. Все кофе.

– Я провожу.

К ним подошел рослый парень с крепким бритым загривком. Никаких следов от линии жизни. Здесь не было моды на фальшивые шрамы.

– Да, отлично, – быстро согласился Харв, – ну вот и все, Ирен, до связи, да? Берегите себя.

– И ты береги себя, доктор.

Даже когда они пересекли поле и свернули на широкую дорогу к остановке, Харв чувствовал напряженный взгляд карих глаз. Он ждал, что Ирен крикнет что-нибудь вроде «Подумай о моих словах!». Но ничего подобного не произошло. Это его расстроило.

Может, разреженный воздух окраины что-то сдвинул в

голове? Сейчас, в шаге от победы, нет времени на пустую болтовню. Только не сегодня. До двенадцати можно успеть заехать в приют – верный плюс к карме.

Но он просто обязан ответить Ирен.

Харв резко развернулся. И увидел, как его провожающий нажимает на гашетку «глушака».

Чемоданчик для лекарств, выставленный как щит, принял пулю. Удар был достаточно сильным, но Харву удалось устоять на ногах. Все же «глушак» травматическое оружие, для самозащиты. Или запугивания, как в этом случае. Ожидая второго выстрела, Харв рванул вперед, целясь краем чемоданчика в лицо бандиту. Удар пришелся в основание носа. Парень взвыл от боли, отшатнулся и рухнул под чужим весом. Харв свалился сверху. Не соображая, что делает, он продолжил молча хлестать чемоданчиком – куда попало, пока, извернувшись, бандит не скинул его. Тогда, загребая руками гравий, Харв на карачках рванул в сторону центра. Он спотыкался, почти падал, но не останавливался. Где-то там, впереди, ждало такси, которое увезет его из этого кошмарного сна.

Из-за непривычно широких улиц Харву казалось, что он бежит на месте – слишком пусто, негде спрятаться, не на что ориентироваться. Но вот закончился бесконечный серый дом. За поворотом открылась остановка, на которой… никого не было. Площадка, освещенная фонарем будто специально, чтобы не оставалось никаких сомнений – пусто.

Харв затравленно оглянулся – никто не бежал за ним. Он хотел вызвать охрану и только тогда заметил, что связи нет. Харв даже не удивился. Должно быть, бандит перед атакой вывел из строя его окулус. Ни записи нападения, ни возможности позвать на помощь, даже спросить не у кого.

Он совсем один здесь. Нет. Без окулуса он совсем один везде.

Опустив глаза, Харв заметил чемоданчик в кровавых пятнах. Прикованный к руке, он так и болтался.

«Из носа всегда бывает много крови», – попытался успокоить себя Харв.

Но почему бандит не побежал за ним? Или не выстрелил в спину – на просторных улицах окраины прекрасный обзор. Что ему помешало?

«Я же не собираюсь возвращаться, чтобы проверить? Проклятье, этот парень хотел меня убить!»

Нет, он, разумеется, не пойдет туда один.

И тут ему в голову пришла очень странная мысль. Настолько чуждая, что Харв все еще удивлялся, пока стучал в окна ближайшего дома. Попросить помощи у незнакомцев – разве не

безумие?

Его узнали дети.

Когда Харв заплетающимся языком пытался объяснить все выглянувшему на стук мужчине, вперед вывинтился мальчишка, бросил «Здрасьте, доктор» и скрылся в квартире. После этого разговор пошел совсем в другом тоне. Минут через десять Харв в компании трех вооруженных мужчин вернулся к месту нападения. Никогда прежде он не чувствовал себя так уверенно и защищенно.

Свистящие хрипы слышались аж за квартал. Странно, что никто не вышел помочь. Увидев скрюченное в тени дома тело, Харв хотел было подбежать, но его остановил отец мальчишки. Выставив перед собой ружье, он подошел к бандиту и ногой отшвырнул «глушак» в сторону.

Парень стоял на коленях, держась за стену. Его грудь и живот, залитые кровью, были предельно раздуты. Перелом носа был самой страшной травмой, которую удалось нанести Харву, остальное за него сделала астма. Здоровяк оказался не таким уж здоровым.

– Молодец-молодец, теперь слушай меня – на раз-два вдох, на три-четыре выдох, ясно? Ничего с тобой не случилось, сейчас вызовем скорую, все будет хорошо, ты понял меня? Успокойся. Раз-два… скорую вызывайте!.. три-четыре.

Харв ощупал карманы парня. Ингалятора не было. Кто-то сунулся, объясняя, что скорая к ним не поедет, но Харв лишь отмахнулся. Не сейчас.

– Раз-два, три-четыре…

В его чемоданчике, которым он с такой доблестью колотил больного, не было ничего подходящего. Но и приступ вызван не цветочной пыльцой. Надо снять стресс, как угодно!

– Я врач. Я сейчас введу тебе очень сильное средство. Оно подействует через минуту. Ты почувствуешь себя хорошо, но не убегай, бегать нельзя. Ты меня понял? Оставайся в этой же позе. Будет немного больно – сделаю укол прямо через штаны. Так быстрее.

Отстегнув значок медицинского колледжа, Харв воткнул острие в бедро парня. Тот дернулся, сделал три судорожных вдоха и… затих.

– Я вызвал скорую! Сказал, что тут доктор Бойер, и они сказали, приедут! – крикнул из-за спины мальчишка.

– Хорошо.

Харв опустился на землю рядом с послушно стоящим на четвереньках бандитом. Огляделся. Два неуловимо похожих

парня – наверно, братья – улыбались и смотрели на него. Рыжий мужчина приобнял за плечи запыхавшегося сына – тот сиял от гордости.

До центра его довезла бригада скорой помощи. Там же сняли блокировку окулуса. Ничего особенного – принудительное отключение со смещением диапазона управления. Могли просто по голове огреть. Видно, бандит хотел только припугнуть его, отобрать чемоданчик. Что он надеялся там найти?

Харв не стал заявлять о нападении. Все равно никаких доказательств не было, а пострадал сам бандит. Еще влепят минуса за превышение самообороны.

По дороге домой – узкой, безопасной – Харв купил себе полезный ужин «Витаминный взрыв» и проверил окулус. Трансляция оборвалась в семь пятнадцать. После этого впервые за восемь лет значился «разрыв соединения».

Ни одного комментария. Ни одного сообщения или звонка.

В квартире Харв кинул ужин на стол и включил телевизор. Серафин что-то воодушевленно вещал, проникновенно глядя в камеру. Его голос раздражал, хотелось убавить звук, но Харв уже устроился в кресле. Вот где пригодился бы доцеребральный пульт.

– …две минуты! Все внимание на окулус! Сейчас появится итоговая карма. Все, что было сделано хорошего и плохого в этом году. Тише! Прислушайся к себе. Чиста ли твоя совесть? А может, именно твое имя прозвучит в числе заслуживших новый корпус? Спроси: «Не я ли проснусь завтра молодым?» Одна минута!

Куш всегда срывают пожилые. На это много причин – свободное время, знание рынка, накопленная база подписчиков. Но Харв считал, что до пятидесяти люди не воспринимают смерть всерьез. Исключение – серьезные заболевания, ради которых и была задумана вся штука с пересадкой головы. Во всяком случае – в учебниках объясняли именно так. Сейчас это путь к бессмертию. Если у тебя достаточно денег или лучшая карма в городе.

– …Харв Бойер!..

«Мы рады сообщить, что…»

Первые строчки пришедшего сообщения скользнули по сознанию в ту минуту, когда Серафин Арно произнес его имя. И почти сразу всплыла обновленная статистика по карме. Восемнадцать тысяч за прошедшие сутки.

Оглушенный, Харв смотрел на цифры. Новый корпус…

«Мы рады сообщить, что вы являетесь бесспорным лидером среди моралов нашего города… – настойчиво лезло в глаза сообщение первого приоритета. – …через пятнадцать минут

машина второго шанса будет подана к вашему подъезду. Счастливой жизни!»

Схватив лоток со стола, Харв стал быстро поедать ужин. Его руки плясали так, что половина содержимого оказалась на коленях. Он не стал переодеваться. Он не стал мыть руки. Отключив разрывающийся сообщениями окулус, он спустился к машине второго шанса.

Двадцать семь лет назад Харв потерял ногу – несчастный случай на дороге, после которого он отказался от привилегии частного транспорта. Не мог заставить себя сесть за руль.

Тогда ему делали приращение на ферме тел. Амбициозное название, если учесть, что выращивали там максимум мышцы и кожу. Харву пришлось довольствоваться донорской ногой. С тех пор ничего не изменилось – как отдельные части, так и целые корпуса получали от только что умерших людей. И если бы Харв погиб в той аварии, его тело оказалось бы на ферме, готовое послужить нуждам Моралитета. Но ему повезло. А сейчас везет во второй раз.

Ферма тел находилась за городом, и Харв ожидал долгого путешествия, но минивэн проехал три квартала и юркнул в неприметный внутренний двор. Ни таблички, ни указателя. Серьезные люди не хотят светиться рядом с центром второго шанса. Не слишком-то морально покупать право на корпус. Их всегда мало, потому бесплатную пересадку получают лишь моралы с высочайшей кармой.

Кабинет Этьена Легофф находился на семьдесят третьем этаже. Воздух там был сухой, как на окраине, и у Харва засосало под ложечкой от дурного предчувствия. Улыбчивый молодой человек встретил его стоя, как дорогого гостя.

– Поздравляю вас…

– Мне дадут выбрать корпус? – прервал любезности Харв.

– О да! Вы прибыли в числе первых. Хотя, поверьте, все корпуса в отличном состоянии. Хотите посмотреть прямо сейчас?

– Да. Давайте поскорее со всем покончим…

Харв не мог сказать, почему так нервничает. Ведь сегодня день его триумфа.

– Прошу!

Этьен вывел на стенной дисплей изображение корпуса – от шеи до ступней – и передал панель Харву.

– Стрелочками вращать, пробелом следующее. Всего двенадцать.

Стараясь сосредоточиться на корпусах, Харв внимательно осматривал каждый. Так он будет выглядеть ближайшие… лет

сорок, наверно. Если не сорвет куш раньше. Это нетрудно – после ежегодной передачи победителей у Серафина его узнают все. И подпишутся. Главное, не потерять уровень кармы – расслабляться нельзя.

«Об этом говорила Ирен».

Нет, не сейчас. Он все обдумает, когда будет молодым. А для этого нужно выбрать лучший из корпусов. Кожа не должна быть слишком бледной, а мышцы – слишком раскачанными, как у номера три. Лучше посуше, такую форму легче поддержать. И никаких татуировок, как у номера шесть…

Серая звезда на левом предплечье.

Харв не успевает ничего подумать – «Витаминный взрыв» оказывается на полу, забрызгивая ботинки доктора.

– Не переживайте! – бодро сообщает Этьен. – Бывает. Нервы…

Харв поднимает глаза. Нет, не совпадение – серая звезда со смещенным лучом. Дефект аппарата, как сказал ему таксист. Тот самый, что так настойчиво предлагал дождаться брата. Тот самый, после звонка которому, на Харва напали…

Доктор выключил панель, но было поздно. Все встало на свои места.

Отмахнувшись от воды, Харв отер губы салфеткой:

– Этот человек…

– Корпус, месье Бойер, корпус.

– Этот человек, как он оказался у вас?

– О, вы же знаете, как происходит пополнение – должно быть что-то случилось, какая-нибудь авария. – Отстраненный взгляд Этьена выдавал активную работу с окулусом.

– Я видел его утром.

– Какой кошмар! Теперь я понимаю…

– Он был наводчиком на окраине. С ним работал его брат – или не брат – накачанный такой молодец. Совсем как номер три.

– Совпадение.

– Я могу проверить. Если будет след от укола…

– Вы нездоровы.

– Со мной все в порядке. Верните трупы на экран, черт вас дери! – потребовал Харв, пробуя включить свой окулус.

– Не выйдет, месье Бойер, – грустно сообщил Этьен.

Харв не сразу понял, что последнее относилось к окулусу. А когда сообразил, его охватил страх.

– Выпейте воды, и перейдем в соседний кабинет.

– Я никуда с вами не пойду!

– Не драматизируйте, пожалуйста. Сядьте.

Когда Этьен Легофф переставал любезничать, становилось заметно, что он не молод. Его вневозрастное гладкое лицо

наверняка пережило не одну пересадку кожи.

– Перво-наперво, хочу, чтобы вы поняли, месье Бойер, – мы глубоко ценим вашу преданность моральным нормам нашего общества. Именно такой реакции мы ожидали от вас.

– Вы – это кто?

– Моралитет, разумеется. Его основная, базовая составляющая, к которой в скором времени будете принадлежать и вы.

Этьен чуть склонил голову, демонстрируя шрам линии жизни.

– Десять лет с последнего обновления. Когда после пересадки ко мне подошли и все объяснили, я сам решил остаться куратором – по первой профессии преподаватель, сами понимаете. А вы, простите, кто по профессии?

– Врач. Педиатр.

– Отличный старт! Одновременно и работа с детьми, и врач – очень морально. И это благородное спасение бандита… скажите, вы правда не догадывались, что окулус нельзя отключить?

– Нет. – Харв опустил глаза, не в силах больше смотреть на гладкое лицо Этьена.

– Не переживайте, редко кто догадывается. Даже аморалы уверены, что для выхода из системы достаточно отключить окулус. Вас же не пугает слово «система»? Я имею в виду – все эти страшилки о всеобщем слежении каждого за каждым – ну вот они сбылись. И что? Свобода и справедливость практически для каждого! Нужно лишь следовать моральным нормам, созданным обществом. А разве бывает мораль без общества?

– Не знаю.

– Не бывает. Один в пустыне ты – Бог, альфа и омега. Но что если в одном лишь нашем центре четырнадцать миллионов богов? По каким правилам они должны существовать? Кто будет решать, что есть хорошо, а что плохо?

– Видимо, те, кто набрал больше всего «хорошо».

– Точно! Вы неплохо соображаете, месье Бойер. Так и должно быть – глупцы не срывают куш.

– Что же выходит, вы сами следите за каждым человеком, вернее, за его окулусом…

– Боже упаси! Автоматика. Не самый сложный из существующих на сегодня искусственных интеллектов. Оценивает мотивы и поступки, рассчитывает карму. Если возникают спорные вопросы – подключаются люди. Как в вашем случае, например. Но для большинства окулусов хватает и базовой программы плюс спам-фильтры от разных кармических побирушек.

– Но что случилось с таксистом и бандитом?

– Мне казалось, я все объяснил. Эти люди настолько ушли в минус, что для нашего общества их жизнь – прямая угроза. Вы же испытали это на себе, и, поверьте, вы не первая жертва.

– Они не хотели меня убивать.

– Это нападение стало лишь последней каплей и… признайтесь, в вас говорит не жажда справедливости, а врач. Врач, чей пациент погибнет, несмотря на все старания…

– Погибнет?! Черт! Они еще не…

– Сядьте!

Харв рухнул как подкошенный.

– Да, они пока живы. Но их уже приговорили. Расслабьтесь, мы учли вашу реакцию, она моральна.

Закрыв глаза, Харв боролся с тошнотой.

– Поймите, мы не можем хранить корпуса. Три часа – уже опасный срок, где набрать столько доноров? Молодых, относительно здоровых людей, которые погибли так аккуратно, что повредили лишь мозг? А потребности велики – людей, способных оплатить пересадку, больше, чем кажется.

– Ужасно!

– Ничуть. Думаете, на какие деньги оплачиваются привилегии моралов? Повышенные налоги низкокармовых не покрывают расходов – как только система перестает их устраивать, отморозки вырубают окулус и бегут на окраину. Эти люди сами выбрали свой путь. Их поведение – злонамеренно и аморально. Будет справедливо, если отведенный им срок проживет кто-то вроде вас, месье Бойер.

– Я не могу.

Голос показался чужим, гулким. Харв открыл глаза.

– Вам нужно успокоиться. – Этьен смотрел сочувственно и тускло.

Глаза Моралитета. «Нет, – перебил себя Харв, – не Моралитета. Сейчас это лишь искусственный интеллект. Не самый лучший к тому же».

– Нет. Мне не нужно успокоиться. И мне не нужно новое тело. Я просто не могу.

– Если вы так настроены – всегда можно взять денежный эквивалент операции. Или передать право на корпус кому-то, кто по достоинству оценит второй шанс. Но я советую вам не торопиться. Уже завтра, когда вы выспитесь…

– Погодите!

Этьен замолчал.

– Вы можете рассказать о номере третьем?

– Что именно?

– Ну, подозреваю, у этого человека астма. Если я выберу его…

корпус, у меня не будет проблем?

– Месье Бойер, между нами, но ведь этот парень уже и так почти целиком пересобранный. В четырнадцать, при поддержке Моралитета, подростку из бедной семьи установили имплант с гибким дозированием, но приступы стали лишь сильнее. Он решил, что поможет полная смена бронхов. До этого был ряд операций попроще – на все это нужны были деньги. И добывал он их далеко не моральными методами. В общем, корпус в полном порядке. Проблема здесь. – Этьен постучал себя по лбу.

– Понятно.

Харв судорожно втянул воздух, встал, обошел стул. Хотел было снова сесть, но передумал:

– Я решил. Я отдаю свое право на тело номеру третьему.

Этьен застыл. Его чисто выбритый подбородок несколько раз дернулся вправо.

– Нет… Нет… Нет, – наконец он справился с собой. – Нет! Это невозможно.

– Почему же?

– Он приговорен. Его все равно убьют!

– Конечно, убьют, черт побери! – Харв не сдержался. – Отрежут голову – все как вы хотите! Но потом к этой голове пришьют новое тело.

– Это больная голова! Она испортит корпус!

– Не ваше дело.

– Да как вы… – Этьен запнулся, выдохнул и уже спокойно спросил: – Почему этот бандит, в конце-то концов? Неужели у вас нет больных или престарелых знакомых? Да первый попавшийся человек с нормальной кармой будет достойней пересадки!

– Вы не поймете.

– Куда мне, я ведь не врач.

– Не в том дело. Тогда, на окраине с этой булавкой в руках… я не думал о том, как мой поступок оценят, не писал в окулус – жил. Жил! Все, как говорила Ирен. И если бандит умрет, то все произошедшее будет как бы не в счет.

– Это эгоистично.

– Мне не важно, что вы думаете, Этьен.

– Это глупость и… это не соответствует морали.

– Морали?! Вы режете живых людей, чтобы богачи получили свеженький корпус, это – морально! А дать человеку второй шанс – по-настоящему второй шанс! – не морально?

– Он бандит! Он убьет кого-нибудь!

– Откуда вам знать?

– Я морал!

– Я тоже.

В глазах Этьена – злость и презрение. Но главное – Харв уверен, – ни следа машинной тусклости. Слишком нестандартно для искусственного интеллекта. Это дело для людей.

– Я Харв Бойер. И я хочу отдать свой второй шанс бандиту с окраины. Я говорю, это хорошо.

Моралитет согласился с правом Харва распоряжаться своим корпусом.

Пока оформлялся прецедент, парень с окраины уже прошел пересадку. Теперь он лежал в отдельной палате, а Харв сидел рядом.

Нужно было уходить. Отключить окулус и выйти из игры.

Но как хорошо бы смотрелась история о спасении жизни молодого бандита с окраины. Просто кадры из палаты и пара строк.

Тысяч десять к карме, не меньше.

Дмитрий Лукин
Концепция поменялась

Я работаю сценаристом компьютерных игр. Маришку это бесит. Она-то выходила замуж за молодого талантливого автора – в перспективе Великого Русского Писателя. Она в меня верила! А значит, все должно было получиться! Но талантливый автор быстро деградировал в жалкого игродела. Представляете разочарование девушки, воспитанной на классической русской литературе?

Маришка готова была за мной и на Соловки, и в Магадан, и передачи мне носить, аки современная декабристка, только бы чувствовать себя причастной к тектоническим сдвигам русской культуры, а тут, понимаешь, компьютерные игры!

По ее логике, я предатель. Отупляю общество, когда должен быть его совестью и нравственным воспитателем!

Уж и так я оправдывался и эдак, и про обстановку на рынке объяснял, и бытовой экономикой смену профиля обосновывал, а все без толку. Мариш, говорю, ну какой из меня общественный проповедник, ну ты приглядись внимательно. Это же сплошное лицемерие будет. И вообще, говорю, концепция поменялась, у тебя устаревшие взгляды на мир: нашему обществу не воспитатель нужен, а жандарм!

Выдохнула тяжело, махнула рукой, как на пропащего, и пошла на кухню тарелками греметь.

Перед подругами меня стыдится. Встретит старую знакомую, зайдет речь обо мне, кем работаю, так Маришка никогда правду не скажет. Всегда меня «прикрывает»:

– С текстами работает, с текстами, постоянная правка, редактура, все эти писательские штучки.

Говорю ей как-то:

– Мариш, разница-то несущественная, сама посуди. И там и там я творю миры, только у нас они сеттингом называются, те же герои-персонажи, те же диалоги…

Не дослушала – залепила мне звонкую пощечину.

– Не смей даже сравнивать! Если у тебя от этих игрушек мозги набекрень, так я поправлю! Не встали еще на место, нет? Еще поправить?

Целый день на меня дулась и повторяла: «Разница у него несущественная!», только к вечеру оттаяла.

В общем, больше я не оправдывался и сценаристику с писательством не сравнивал. Себе дороже.

Еще Маришку смущало, что работа у меня «не мужская». Стало быть, надо компенсировать. На Новый год она подарила мне аккумуляторный шуруповерт, на день рождения – чемоданчик с ручным инструментом, а промежуточные праздники обогатили меня паяльником, электролобзиком и болгаркой. Кажется, на очереди – циркулярка. Увидел как-то у нее в ноуте: явно прицениваласъ.

Но это не все. На прошлой неделе у нас в ванной кран потек. Маришка тут как тут. Надо бы, говорит, починить, и чемоданчик с инструментами протягивает. Пришел, называется, с работы! Сдал заказ! Делать нечего: беру чемоданчик, иду в ванную чинить кран. Маришка следом – проверять, как сценарист мужскую работу делать будет.

Только я чемоданчик на крышку унитаза положил, не успел еще на край ванны присесть, а Маришка мне отвертку плоскую протягивает.

– Держи, воду я перекрыла, ты пипочку красную аккуратно поддень – там болтик будет, как раз под шлицевую отвертку. Только аккуратно, шлиц не сорви. Так, давай сюда, теперь ключ держи. О! Я знала, что дело в прокладке! Держи новую. А это тебе пакля, готовая косичка. Классно пахнет?

– Уже все давно на белую ленту перешли, а у нас только пакля? Она же сгниет быстро!

– Ты ее серой пастой помажь, и не сгниет! Давай, хватит бухтеть, наматывай уже! Пакля лучше фум-ленты, пахнет вкуснее – лошадью! Не туда! В другую сторону наматывают! Да, так! И натягивай, натягивай! Теперь обратно веди. Вот, правильно! Прямо как на канале сантехников! Ты у меня настоящий мужчина!

– И где ж я возьму твою серую пасту?

Маришка с довольной улыбкой протягивает мне тюбик.

Я часто думал, почему она от меня не уйдет, не подаст на развод. Я ведь сплошное разочарование. Идеальному образу мужчины в ее понимании не соответствую, моя работа ей противна, до Великого Русского Писателя мне как до Луны пешком. Но нет, даже не заикнулась ни разу. Неужели она еще верит в меня или русская литература своих бросать не велит?

Игровая индустрия – очень тесный мир, тут при всем желании не затеряешься. А если можешь быстро удовлетворить заказчика, складывая слова в предложения, так ты и вовсе на виду. Нужным людям известно все: твоя репутация, характер, оклады…

Когда «Мегакорп» предложила мне поработать недельку за

два моих средних месячных заработка, я понял, что концепция поменялась. Хорошие парни снова в цене! Наконец-то меня оценили по достоинству!

Решил сразу же порадовать Маришку, но потом передумал. Сначала нужно деньги получить. Да и контору пробить не мешало. А то получится, как в прошлый раз.

Прокатился я по указанному адресу, поглядел. «Мегакорп» не снимала офис, она отгрохала целое здание в десять этажей, выкрашенное в корпоративные цвета с косыми фиолетовыми линиями от крыши до земли. Никакого тебе сплошного остекления. Классическая архитектура, по виду – монолитный бетон. Перед входом – инсталляция разноцветными буквами с мой рост: ИГРАЙ! ЖИВИ! РАДУЙСЯ! Клумбы с цветочками, фонтанчики, скамейки ажурные, – целый парк разбили. И взрослым хорошо, и детям есть где побегать. Живое воплощение слогана.

Тылы оказались намного скромнее. Между зданием и охраняемой стоянкой – ровная асфальтированная площадка с гектар. Видимо, тоже что-то строить будут, но пока только выровнять успели да маяки установили метровой сеткой.

Поспрашивал коллег, знакомых. Никто ничего не знает. Все говорят, что это транснациональный капитал, что контора серьезная и к нашему рынку примеривается давно, что скоро наверняка займется поглощениями, но пока никак себя не проявила. Кое-что полезное узнал от шурина. Его контора монтировала в «Мегакорп» лифты. Внутри, говорит, дворец, покруче Кремля… Только последний этаж без ремонта был. Голый бетон. Не успели облагородить.

В Сети прочел, что изначально «Мегакорп» занималась биотехнологиями. Слоган у них тогда был короче: просто одно слово: «ЖИВИ!»

А теперь, стало быть, решили к жизни немного радости добавить с играми.

Мне эти ребята понравились. И слоган понравился. С деньгами кинуть не должны.

Но Маришку я все равно радовать не спешил.

Сказать, конечно, сказал. Так, мол, и так. Очередную работенку подкинули. Недельку меня не трогай – занят буду позарез. Полное погружение.

Думал, подробности начнет выпытывать (это она умеет). Прильнет, ластиться начнет, глазки жалобные строить, губки дуть. Но все обошлось: Маришка даже обрадовалась.

– Я к маме тогда смотаюсь на неделю. У тебя будет полная свобода творчества! Туда сама доберусь, а в понедельник меня

заберешь. Мама обещала дать нам с собой пол-огорода! Одна я столько не упру. И багажник проверь, чтобы пустой был. Не забудешь?

Собралась вмиг. Словно заранее рюкзачок припасла. Только что сидела со мной на кухне в атласном кремовом халатике – и вот уже в прихожей ключами звенит. Кроссовки, джинсы, ветровка. Рюкзак надеть успела.

А где же прощальные объятья и чувственный поцелуй?!

Меня увидела – левую руку за спину убрала.

– Чего это ты там прячешь? – спрашиваю осторожно.

– Только не обижайся, ладно?

– Да показывай уже!

– Лешенька, ты, наверное, не заметил, но у нас и на кухне кран подкапывает. А там не механика, прокладкой не отделаешься. Вот картридж. – Она вынула из-за спины синий пластиковый бочонок и поставила его на дощатую полку прямо над входной дверью. – Это родной, я проверила. Сам справишься? У меня электричка.

– Справлюсь, Мариш. Конечно! – прошептал я. Голос пропал куда-то. – Инструменты есть. А ты чего так шустро? Я ж не выгоняю.

– Это не я шустро, Леш. Это ты притормаживаешь. Мать заждалась, а отпуска осталось всего ничего.

– Беги тогда. Не задерживаю.

– Леш, контора-то серьезная? Не обманут, как в прошлый раз?

– Не должны.

– Повнимательнее будь. Я надеюсь на тебя! Борщ в холодильнике – доедай, чтоб не пропал. В морозилке две пачки пельменей. Все, побежала! – Она обняла меня, поцеловала и выпорхнула на площадку. Дверь захлопнулась.

Я смотрел на синий бочонок и чувствовал, что концепция поменялась. Сначала голос пропал, теперь слезы на глаза наворачиваются. Это ж неспроста. Будто навсегда Маришку потерял.

Предчувствие беды накатило и не отпускало.

Догнать? Вернуть? Авария впереди? Похищение? Мужики, конечно, на нее облизываются, но ведь даже ненакрашенная пошла. Засада не здесь. Ни одной здравой мысли. Только синий бочонок перед глазами стоит. Родной. Проверенный.

– Такие условия, Алексей Витальевич. Вы согласны? Определяйтесь!

Напротив меня трое менеджеров по персоналу утонули в

шикарных мягких креслах, все в черных костюмах с фиолетовыми галстуками. Бейджи отсутствуют.

Меня тоже усадили в мягкое кресло. Только я не могу расслабиться и «утонуть», сижу как на иголках. Стараюсь быть внимательным.

У крайнего слева (зовут Андреем) на коленях – раскрытый чемоданчик. Судя по шелесту клавиш, в чемоданчике – ноут. Среднему (зовут Валентином) вообще все до лампочки. Даже глаза закрыл. Уснул, что ли? С самого начала встречи эти двое не проронили ни слова. Со мной беседует Евгений Борисович, самый толстый из троицы. Он-то мне всех и представил. Постарше коллег лет на десять. Потное крупное лицо, лысый, очочки в золотистой оправе, бородавка на правой щеке, второй подбородок (и уже намечается третий).

Между нами круглый стол на колесиках, на нем – контракт и ручка. В дальнем углу – тренога с камерой. Пишет весь разговор.

– Вас что-то смущает? Спрашивайте, для этого мы здесь. – Двое молчунов едва кивнули (Андрей – не отрываясь от чемоданчика, Валентин – не открывая глаз).

Десятый этаж так и не отремонтировали. Серые бетонные стены, пол, потолок. Даже двери в проемы не вставили. Только маячки успели закрепить, обозначая квадраты сантиметров по сорок. Плиткой, что ли, будут облицовывать? Глазу не хватает мешков шпаклевки, сложенных в углу. Сюда бы бригаду гастарбайтеров с прав*и*лами и шпателями. Самое то было бы. Зачем здесь люксовые кресла и столик? К чему дорогие костюмы с галстуками? Игра на контрасте? Эклектика? Минимализм? Или это западная мода и теперь все просвещенное человечество проводит собеседование именно так? Тест на стрессоустойчивость?

Какое уж тут смущение!

Контрактик тоже своеобразный подсунули, в рамках теста на стрессоустойчивость.

Я – само спокойствие. Воплощенная безмятежность! У меня даже слов нет, чтобы возмутиться.

Сценаристы у «Мегакорп» были свои.

Мне предложили работу бета-тестера.

Обычно их набирают бесплатно, благо желающих среди геймеров хоть отбавляй. Но корпорации понадобился я. Меня, видишь ли, порекомендовали достойные люди. Это уже не просто «концепция поменялась». Это революция. На олимп игрового бизнеса пришли новые боги, выгнали старых под зад коленкой и теперь устанавливают правила.

По-хорошему, я должен был отказаться, но у меня на глазах

менялась индустрия. Прощелкаешь клювом, не сориентируешься – и вылетишь из бизнеса. Молодые-борзые займут все правильные места, а мне придется все начинать сначала. Больше никакие достойные люди словечка не замолвят. И кто будет платить ипотеку? За «Весту» еще кредит не выплатили. Останусь без денег, что тогда Маришка запоет? Хорошо меня жизни учить, когда холодильник полон. А на голодный желудок быстро концепция меняется. Тут и до разочарования в русской литературе недалеко. Стало быть (привет Франклу!), полная фрустрация жизненного смысла. Что тогда будет с моей фитоняшкой? Нетушки! Я решил держать руку на пульсе. Вот же оно, будущее компьютерных игр! Как тут откажешься?!

Нужно просто поставить подпись.

– Все в порядке. – Я потянулся к ручке.

– Секундочку! – Толстяк встал, поправил пиджак и подошел к столику. – Простая формальность. Продукт еще не доработан. У пользователя перед игрой появится рамка с предупреждением, а вас я должен предупредить устно под видеозапись. У технологии есть небольшой побочный эффект. Мы дарим людям радость, воплощаем их мечты, но, к сожалению, это не навсегда. Рано или поздно игрок возвращается в реальный мир, а наш мир, как вы сами знаете, несовершенен. Игроку снова хочется попасть в сказку, это естественное, понятное желание. Вы согласны?

– Разумно излагаете.

– С этим желанием не так-то легко справиться. У кого-то получается, у кого-то – нет. Сказка стоит денег. Мы специально планируем высокие цены, чтобы игроки почаще возвращались в реальность. Но нашу доброту поймут не все. Аналитики прогнозируют ломки и нервные срывы у определенной категории игроков. Неизбежны сравнения технологии с наркотиком и разного рода претензии. Нас будут обвинять во всех смертных грехах. Мы к этому готовы, но, надеюсь, вы поведете себя достойно.

– Я тоже надеюсь.

– Технология передается вам ровно на неделю исключительно для тестирования. Потом доступ к технологии для вас будет закрыт. Вплоть до выхода продукции на рынок. Вы по-прежнему согласны?

Маришка, это все ради тебя!

– Осознал. Согласен.

– Тогда подписывайте, вас ждет незабываемая неделя!

И тут я вспомнил про деньги.

– Как только заплатите! С деньгами оно и в сказке веселее, и возвращение в реальный мир окажется не таким болезненным.

Вам же спокойнее будет, Евгений Борисович! Никаких претензий!

Молчуны дружно заржали. Толстяк едва улыбнулся.

– Наличными, на карточку?

– На карточку.

Я полез в карман за бумажником, чтобы продиктовать номер, но толстяк меня остановил:

– У нас все есть. На какую? «Яндекс» или «Сбербанк»?

– «Сбербанк».

Он щелкнул пальцами. Андрей поднял взгляд, кивнул – и я услышал тихое перестукивание клавиш.

– Готово!

Толстяк склонился надо мною:

– Деньги переведены, как будете проверять?

Вместо ответа я подписал контракт.

Процедуру провели здесь же. Даже с кресла вставать не пришлось. Уже привычный щелчок пальцами – и меня окружает бригада медиков с оборудованием на тележке.

Милая девушка в белом халате придирчиво рассматривает мое лицо, потом зачем-то массирует мне веки. Перчатки не надела.

– Расслабьтесь, это не больно. Просто контактные линзы. – Слишком низкий голос для такой милашки. От курева, наверное.

Правда, не больно.

– Теперь закройте глаза и без команды не открывайте. Сейчас мы покажем вам разные картинки, а вы скажете, что именно видите.

– Зачем это?

– Юстировка и калибровка системы. Готовы?

– Да.

– Открывайте глаза. Что видите?

– Полотно вижу белое. Прямо перед носом. Размером где-то метр на полтора. Весь обзор загораживает.

– Отлично! Закрывайте глаза. Теперь что?

– Иконостас церковный. Весь в золоте.

– Закройте глаза. Теперь?

– Пещера темная.

– Закрывайте. Сейчас?

– Пляж. Море синее. Серфингистки в купальниках.

Потом было поле пшеничное, клубный танцпол, картинная галерея, галактика Млечный Путь. Я расслабился. Прикольное слайд-шоу.

– Стоп! Калибровка в порядке, но у нас тут глазки не идеальные. Почему сразу не предупредили?! – возмутился

мужской голос за моей спиной.

– А где вы найдете идеальных клиентов? – философски заметил Евгений Борисович. – Работайте, работайте.

– Попробуем диоптрийную настройку.

После настройки картинки стали резче, детальнее. А я-то думал, у меня идеальное зрение!

Тропический водопад – и снова белое полотно.

Слайд-шоу закончилось.

Милашка с прокуренным голосом закрепила мне на животе силиконовый поясок. Обещала снять через неделю.

Вдруг у нее на голове появилась корона, словно подрисованная красным маркером в фотошопе.

– Ха-ха! Ой! Девушка, у вас нарисованная корона!

Белое полотно унесли, и я увидел Евгения Борисовича. Ему какой-то шутник пририсовал синюю бабочку и аляповатую черную шевелюру.

– Ой! А у вас бабочка синяя и черные волосы. Это нормально?

– Крепко держатся?

Я кивнул.

Медики исчезли вместе с тележкой и полотном.

– Значит, нормально. Технология дополненной реальности.

– А!

– До свидания, Алексей Витальевич! На стоянке вас встретят и отвезут домой.

– До свидания!

Вот оно, стало быть, как! Технология дополненной реальности! С трудом сдержался, чтобы не заржать прямо там. Успел выйти и аккуратно прикрыть дверь.

В коридоре меня прорвало. Аж согнулся, так меня хохот разобрал. Еще чуть-чуть, и распластался бы прямо на паркете. В голове все иконостасы с водопадами крутились. Ради чего это слайд-шоу показывали? Чтобы фломастером волосы подрисовывать? Это с такой технологией они решили порвать наш рынок?! Это все, на что способен транснациональный капитал? Да у меня в машине навигатор стрелки рисует прямо по дороге. Отечественная разработка. Чем хотят удивить?

Только в лифте отпустило. Успокоился. Ушла смешинка.

На первом этаже я немного замешкался. Из лифта вышел и растерялся. Всюду сплошное великолепие: золото и алый бархат. Это уже не Кремль, это казино! Народу вокруг много, куда идти – непонятно. Хоть бы стрелочка на полу нарисовалась!

– Алексей Витальевич, вас ждут на стоянке, я провожу. – Пацаненок лет десяти, но уже в черной жилетке и с фиолетовым галстуком, дергал меня за рукав.

Ладно, это даже лучше стрелочек на полу.

Мы вышли на улицу. Я зажмурился от яркого солнца.

– Вам прямо по гравиевой дорожке. На стоянке встретят, – сказал мальчишка и вернулся в здание.

Я вдохнул воздух полной грудью. Бывают же и в Москве хорошие солнечные деньки! С этой «Мегакорп» не соскучишься. С графикой у них не все гладко, но досуг людям организовать умеют! Слева, на площадке с песком, огороженной сеткой, девушки играют в пляжный волейбол. Белые бикини против красных. Дальше – теннисные корты. Справа – аттракционы и фонтаны. Разноцветные кабинки крутятся-вертятся сразу в нескольких плоскостях. Восторженный детский визг.

В ноги прилетел волейбольный мяч. Думал забросить его обратно на площадку, но ко мне уже бежала блондинка в красном бикини. Фитоняшка не хуже моей Маришки.

Передал ей мяч в руки.

– Перестаралась немного, спасибо. Ого, какой мужчина! Надо брать. У меня мячик заместо стрелы. Только привел не к лягушке, а к вам. Пойдете третьим в команду?

– Разве что судьей!

Она поглядела на меня искоса, кокетливо покусывая нижнюю губу.

– Наталья.

– Леша.

– Прямо жаль тебя отпускать, Леша. У нас глобальные планы на вечер. Но мы тут не последний день играем.

Я намек понял:

– Можно как-нибудь кофе попить.

– Ладненько. Договорились! Пока не буду мяч на дорожку запускать! – Она улыбнулась и побежала на площадку.

Ценят меня все-таки девушки! Причем красавицы! Это Маришке вечно что-то не нравится. Все пытается меня улучшить. А я и так хорош! Куда уж лучше?! Еще чуть-чуть, и под стекло в музей поставят с табличкой «ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА». Оно мне надо?

Глянул на волейбольную площадку: Наташа приняла подачу и подбежала к сетке. В каждом движении – грация и гармония. Увидела меня, помахала рукой. Разумеется, тут же пропустила мяч.

Я, счастливый, пошел дальше. Смотрел под ноги, на гравий. На теннисисток и аттракционы не заглядывался. Но больше никаких мячей на моем пути не возникло. Почему, собственно, отказался? Маришка-то в деревне, поди не скучает. Наверняка по знакомым пошла чаевничать. Ничего, я сюда еще вернусь!

Глобальную вечеринку никто не отменял. Мероприятие временно откладывается!

Моей «Весты» на стоянке не было. Наверное, эвакуировали от греха подальше. Зато появилась «Веста» с антикрылом и крутым гоночным обвесом, разукрашенная золотыми молниями. Кто-то из «Мегакорп» гоняет на «Весте»?

О! Кажется, это *меня* ждут. «БМВ» пятой серии. Эмка. Водитель стоит у открытой задней двери. Разумеется, в черном костюме и фиолетовом галстуке.

– Присаживайтесь, Алексей Витальевич! С ветерком домчу!

Лицо вроде бы знакомое.

– Валентин, ты, что ли?

– Кого-то другого ждали?

– Ты же по персоналу… собеседуешь… Не?

– Прикажут – буду собеседовать. Прикажут баранку крутить – буду крутить. Мое дело маленькое. Присаживайтесь!

На выезде со стоянки Валентин меня огорошил:

– Стекло опустите, пожалуйста. Я медленно поведу, вы не простудитесь. Просили покатать вас вокруг Сити. Надо отработать стили и антураж. Буквально два-три круга. Потом – сразу в Марьино.

– Ладно. – Я нажал на рычажок стеклоподъемника.

Стало зябко. В салон залетели снежинки. Я высунул голову в окно: Сити утонул в серости и снегопаде. Ни одной башни толком не разглядеть.

Пока стряхивал снег с пиджака, все вернулось на круги своя: солнечный день, блеск стекла и металла. Я двумя руками вцепился в ручку двери – и вовремя: Сити погрузился в зомби-апокалипсис. Рыжий скелет башни «Меркурий» почти лежал на изогнутых ржавых остатках башни «Эволюция». Остальные небоскребы превратились в грязное, пыльное месиво стали, стекла и бетона.

Ветер подул в нашу сторону, заполняя салон гибельной пылью. Я закашлялся, вспомнив о дыхании. Меня скрутило и чуть не вырвало.

Откашлявшись, я снова глянул в окно. Сити сверкал огнями в ночной прохладе. Один в один как на рекламной картинке.

– Вы в порядке, Алексей Витальевич?

– Впечатлен! Интересный антураж. А над стилем надо поработать.

– Я передам ваши пожелания. Все, поднимайте стекло, едем к вам.

За окном – солнечный майский день. Разношерстные небоскребы Сити подозрительно поблекли, притворяясь обычным деловым центром.

Не помню, как дополз до квартиры. Захлопнул дверь, прижался к ней спиной и только тогда выдохнул. Здесь точно никаких сюрпризов не будет. Если что, на ощупь сориентируюсь.

– Лешенька, ну наконец-то! Я заждалась уже вся. Прямо горю! Иди ко мне…

– Мариш, погоди. Ты же к маме хотела ехать.

– Значит, перехотела! Муж для меня важнее!

– Мариш, погоди, нам же еще кран менять. А в этих трусиках и топике мы ничего поменять не сможем… Ключ из рук выпадет.

– Какой еще кран?

– С этим… бочонком, как его… С картриджем!

– Забудь! Лучше я для тебя станцую. Ты же это любишь, правда?

Она подняла руки, вытянулась и стала изгибаться волной. Одно слово – фитоняшка.

Не отрывая взгляда от волшебного танца, я снял пиджак и бросил его на тумбочку у шкафа. Машинально ослабил галстук. Жарковато.

Изгибаясь, Маришка прильнула ко мне с поцелуями. Мы закружились в страстных объятьях. В спину врезалась ручка кухонной двери. Маришка расстегивала мою рубашку, целуя шею. Взгляд уперся в пустую полку над входной дверью.

А где же бочонок???

– Маришка, стой, погоди, где картридж? Сама, что ли, поменяла?

Я отстранил ее и зашел в кухню: кран подкапывал.

Вернулся в прихожую: синий бочонок стоял на полке, Маришка исчезла. Обыскал всю квартиру – Маришки не было.

Чтобы не сойти с ума, решил заменить картридж. Перекрыл воду. Раскрыл заветный чемоданчик, погладил инструменты. Кран мы с Маришкой ставили сами, но цельный, в сборе. Картридж еще ни разу не меняли. Я даже не знал, с какого боку подступиться. Слева посмотрел на него, справа. Приподнял ручку, опустил. Нигде никаких винтов.

Пока раздумывал, смеситель сделался полупрозрачным, словно Господь наградил меня рентгеновским зрением. Появились ярко-красные стрелочки дополненной реальности, указывающие порядок действий. Заглушка, ручка-рычаг, крышка, прижимная гайка, картридж. С такой технологией при всем желании не ошибешься.

За пару минут управился. Включил воду – полный порядок. С Маришкой, конечно, душевнее краны чинить, но так намного эффектнее. Можно идти в профессионалы!

Поел Маришкиного борща и долго не мог заснуть. Я же видел эту пустую асфальтовую площадку перед стоянкой. Какой волейбол с теннисом?! Какие аттракционы? За ночь выросли? А десятый этаж? Откуда там появились двери и паркет? Отгрохали шикарный ремонт, пока я картинки рассматривал? Десятилетний мальчишка-портье тоже, наверное, виртуальный. Они же не идиоты – ребенка нанимать и наряжать в корпоративную униформу! А «Веста» тюнингованная – это ж моя машина была! Почему сразу не просек?

После покатушек вокруг Москва-Сити и перфоманса квазиМаришки правила игры прояснились. Пока на мне этот поясок и линзы, нельзя никому звонить, искать помощи или спрашивать совета: толку никакого, а хороших людей подставлю. Лучше вообще не рыпаться. И о Маришке думать поменьше. Главная задача – продержаться неделю, никому не навредив. Решение элементарно: выбрать безлюдное, относительно безопасное место и там перекантоваться.

Снился волейбол. Я играл в команде белых бикини против красных. Проснулся счастливый. На завтрак доел борщ: пельмени в морозилке не пропадут. Вымыл посуду (смеситель работал идеально), собрал рюкзак, закрепил на него спальник, переоделся – и в путь. До метро дошел без приключений. Граждан, жаждущих контакта, отваживал фразой «Спасибо, не интересно!».

На выходе в город со станции «Бульвар Рокоссовского» двое полицейских попросили показать документы. Размышлять о природе полицейских не рискнул. Вежливо ответил: «Спасибо, не интересно!» – и спокойно пошел дальше.

Преследовать не стали.

До парка «Лосиный остров» добрался пешком. Там и затерялся, поближе к заповедной зоне. Лосей не встретил. Выбрал ровное место для привала, глотнул водички и нырнул в спальник. Спецэффекты не мучили.

Уснул быстро. Снилось детство и лекции по зарубежной литературе. Экзамен у Павла Вячеславовича Балдицына. Он меня спрашивает, какого цвета был плащ у Одиссея, а я отвечаю: «Спасибо, не интересно!». Павел Вячеславович, не смутившись, предложил побеседовать на интересующую меня тему. Я почему-то вспомнил Кроуффорда с «Бегом на трех ногах», и понеслась! Ремарка мы обсуждали еще на факультете, а Стейнбека, Драйзера

и Джойса уже за столиком в кафе. Мне дико хотелось послушать про Марка Твена, но Павел Вячеславович вдруг загрустил:

– В другой раз, Леша. Приходи на лекции. А сейчас тебя ждут в «Мегакорп». Возвращай технологию.

Проснулся в холодном поту. Сердце стучало как сумасшедшее.

Раннее бодрое утро. Только рассвело. Птички щебечут. Страшно хотелось пить. Я присосался к фляжке и осушил ее до дна. Положил в рюкзак. На траве появилась четкая красная стрелка. Пришлось выбираться из спальника и топать в указанном направлении.

Стрелки привели меня к Валентину и знакомой «БМВ».

– Присаживайтесь, Алексей Витальевич.

– В «Мегакорп»?

– Нужды нет. Сейчас доктор снимет систему, и мы подбросим вас до метро. Дальше вы сами. «Весту» найдете у своего дома. Кстати, рекомендую проверить счет. Кажется, вам выписали премию. Присаживайтесь!

Маришку сразу не признал.

Вроде бы знакомые ворота из бордового профлиста. Притормозил. Над воротами какая-то уборщица в синем халате и мутной косынке, взобравшись на приставную лестницу, привязывает веревку к яблоне. Подъехал ближе, пригляделся – Маришка!

Сигналить не стал, чтобы не грохнулась. Будем ждать, когда спустится на землю. Я вышел из машины, вдыхая аромат цветущих яблонь. Прошлый раз мы тут были зимой. Всюду сугробы и голые невзрачные деревья. А сейчас не узнать поселок. Дома утонули в яблоневом цвете, как в бело-розовых облаках!

Заборчик-то совсем гнилой. Того и гляди завалится. Шурин обещал заменить, тоже профнастил поставить, да, видимо, руки не дошли. Зато ворота новые, на черных столбах!

О, кажется, спустилась.

– Мариш, открывай ворота, свои приехали!

Лязг щеколды, скрежет засова, громыхание стальных листов и наконец под скрип несмазанных петель Маришка выбегает ко мне.

– Мы тебя позже ждали. Мать к соседке ушла.

– Стильно выглядишь.

– Я знала, что ты оценишь. Багажник пустой?

– Полный, Мариш. Инструменты привез. И на строительном рынке кое-что прикупил. Поупражняюсь на вашем доме, поработаю недельку руками для разнообразия. Кто знает, что

дальше будет?

– Тебе снова не заплатили?

– Мне даже премию перевели.

– Тогда не понимаю.

– Мариш, нам надо поговорить.

– Ты мне изменил?

– Не уверен… Вряд ли… Это не самое страшное. Давай в дом зайдем.

– Ладно, загоняй машину, я ворота закрою.

В комнату не пригласила. Посадила на кухне за пустой стол, села рядом и приказала:

– Говори.

– Если коротко, то нашему миру конец и я не могу это остановить.

– Издеваешься?

Я все ей рассказал.

Она внимательно выслушала и спросила:

– Что, прям совсем как я?

– Меня взломали, Мариш, как ножом консервную банку.

– Я была уверена, что у нас особенные отношения, неповторимые. А ты с этой виртуалкой как со мной! Что, совсем никакой разницы?

– Это же ты была! Технологии такие, Мариш!

– У Зевса такие технологии были, когда он к мамке Геракла приходил, мужем прикидываясь!

– У нее кожа твоя, волосы твои, запах твой.

– А душа-то, Леш, душа? Как же ты без души меня обнимал?!

Не дождавшись ответа, она встала и подытожила:

– Вот так живешь-живешь, думаешь о высоком, хочешь чего-то правильного добиться в жизни, чтобы в могилу не скотиной уйти, а какая-то виртуалка задницей перед мужем покрутит и уведет его.

– Время нынче такое, Мариш. Технологии!

– Всегда так было! Библию почитай. Или историю Руси. *Древние* у тебя технологии!

– Скоро линзы и пояски им не понадобятся. Следующий шаг мы вообще не заметим.

– Леш, они так со всеми могут? С каждым?

Я кивнул.

– Так придумай что-нибудь! Ты же со словом работаешь! Придумай! С мифологических времен эта гадость нас губит. Пора менять концепцию!

– Мариш, я не самый умный человек на этой планете.

– Я не для планеты прошу – для себя. Говори! Как дальше

жить будем?

– Не знаю, Мариш. Прости.

В ней будто что-то сломалось.

– Ладно, все равно ты у меня самый лучший.

Она стянула косынку, придвинулась и положила голову мне на плечо.

В сенях загрохотали алюминиевые бидоны. Маришка выпрямилась. В кухню вошла Клавдия Ильинична. Нарядная цветастая блузка, вязаная кремовая жилетка, черная юбка и черные кожаные сапоги. Лицо добродушное, румяное.

– О, приехал писатель, не запылился! Будьте здоровы! – Ироничный поклон в мою сторону.

Я не двинулся.

– Ну как ему твое белье? Оценил кружева?

– Мама, это сюрприз! Планировался. Ты пьяна?

– Тю! Не показывала еще? Так в этой робе и встречала мужа? Беда с вами!

Она присела на табуретку у стола.

– А я у Зябликовых была! Они телек новый купили. Меня позвали обмыть! Огроменный! Смотришь – как в раю. Сидят, балдеют. Я тоже разомлела. Еле ушла.

– Не завидуйте, Клавдия Ильинична, – отстраненно сказал я.

– Чего?

– Тысячелетняя технология. Так они нас и ловят.

Маришка насторожилась.

Клавдия Ильинична угрожающе уперлась руками в край столешницы:

– Чего???

Я встал и, глядя прямо в ее пьяные глаза, продекламировал как на экзамене:

– Человек всегда должен совершенствоваться, расти интеллектуально и нравственно, развивать свой генетический потенциал. Если вам хорошо и вас все устраивает, значит, вашу личность взломали со всеми вытекающими. Развитие остановлено, вы уже не человек, дальше – деградация и рабство.

– Более или менее объективный критерий, – согласилась Маришка. – Только немного не по адресу.

Клавдия Ильинична обмякла.

– Виноват, Клавдия Ильинична, это я о своем, просто мысли вслух, чтобы не забыть. Вы тут ни при чем.

– Ханжа!

– Есть немного, не буду спорить.

– Это что сейчас было, доча?

– Концепция поменялась, мам. Растет человек!

– Чего?

– Потом объясню. А сейчас я быстренько переоденусь и мы побежали в яблоневые сады!

– Лучше сюрприз покажи! Нужны ему твои сады!

– Сюрприз будет вечером!

– Правильно, Маришка! Пусть потерпит, поработает над своим потенциалом! Ха-ха!

Мы уже вышли из дома, а я все еще слышал пьяный хохот Клавдии Ильиничны.

Павел Губарев
Покупатель, покупательница

Папа

Посмотрите налево. Вы видите песок. Посмотрите направо. Снова песок. До горизонта. Посмотрите прямо перед собой. Вы видите то же, что и я, верно? Огромный торговый центр. Новенький, блестящий. Стоит нагло посреди пустыни. Посмотрите внимательнее на стену прямо перед собой – что вы видите? Отражение удивленного идиота средних лет. Который не знает, что делать, и разговаривает сам с собой от безвыходности.

И вот выражение его лица меняется с удивления на беспокойство. Он начинает догадываться, что сити-молл в пустыне – это не то, чего не может быть. А то, что он не должен видеть.

Отражение в блестящей стальной поверхности начинает хмуриться и соображать. Как ему быть? С чего все началось вообще?

Дочка

«Три дня и три ночи бился принц с драконом. И наконец победил его. Все три головы чудища дымились у ног героя. Путь к башне был свободен. Храбрый принц зашагал по ступеням витой лестницы. На самом верху, за дубовой дверью, за чугунными засовами, за тяжелым замком, была темница. Там ждала прекрасная девушка, обещанная принцу в награду старой колдуньей. Одним ударом стального меча он разрубил засовы и отворил дверь. Но обманула принца колдунья. В темнице была не прекрасная девушка. На широкой кровати, на нежных шелковых простынях, под бархатным пологом, сидел прекрасный юноша».

Я читала вслух. Неожиданно папа забрал у меня планшетку и сказал маме, что если он еще раз увидит у меня эту сказку, он сломает планшетку об колено. Я замолчала. Мама тоже ничего не говорила. Папа сказал маме: «И не надо закатывать глаза» и бросил планшетку на пол. Потом они стали спорить. А я не слушала. Я подобрала планшетку и стала читать про себя.

«…фея открыла пузырек со снадобьем и чихнула. По дворцу поплыл запах апельсинов, заморской халвы, молодых яблок и кока-колы. Придворные ахнули. Лошади за окном заржали, плотники перестали стучать молотками и почему-то вспомнили о своих любимых женах. А жены у плотников в том королевстве были, поверьте, пусть и простушками, но самыми красивыми простушками на свете. И вот несчастный Конвальд выпил снадобье, и ослепительное сияние разлилось по всей зале. Зажмурились даже портреты королей, висящие на стенах. А когда сияние утихло, прекрасный юноша превратился…»

Мне сказали идти в свою комнату. Я вышла, мама с папой продолжили ругаться, только еще громче. Я зашла в свою комнату, села в кресло и стала рисовать принца с юношей, пока никто не видит. Потом громко хлопнула дверь. Папа ушел.

Папа

Я вышел из шлюпки и огляделся. Песок. Пустыня. Облупившаяся краска на стенах плюгавого автоматизированного космодрома. Это не жилая планета, это полустанок. Хуже и быть не может. Я толкнул люк, но хлопнуть от души не получилось – он закрылся с мягким чмоканьем. Местное солнце припекало. Как же нелепо все это смотрится со стороны, дурацкая картина: песок, железо и кусающий локти мужик, у которого на лбу написано: «Кризис среднего возраста». Больше на картине ничего нет. И быть не может: что делать нормальному человеку на безымянном полустанке?

Этот кусок тмутаракани наградили пригодным для дыхания воздухом с одной целью: когда очередной безмозглый ездок на арендованной шлюпке отключит автопилот и, выныривая из норы в открытый космос, собьется с курса, он должен куда-то свалиться с трассы.

Чем расходовать запасы воздуха, пока шлюпка тычется носом в эфир, нащупывая навигационную сеть, лучше опуститься на ближайшую освоенную планету и торчать там.

Мне кажется, что это не лучший выбор, но шлюпки, преданные своим космолиниям, от греха подальше передают управление автоматике. У порядочных космолиний один приоритет: соблюдение правил движения. А я пользуюсь услугами только порядочных космолиний. Я вообще разумный человек. За исключением редких случаев. Таких, как этот.

Я плюхнулся на песок и уставился в небо. Ну все – не меньше

трех дней здесь торчать. Вляпался, как беспечная муха в липкую ленту. А нечего было гонять по космосу, не успокоившись после ссоры с женой. Сиди теперь, наслаждайся. Жара. Пустота. Консервы. Ох, выпить бы. Ха! Поди найди тут бармена! Придется пить теплую воду, пахнущую пластиком. Это все, что у тебя в шлюпке, мой друг.

Пей, пока диспетчер не прилетит на голубом вертолете. Обязан успеть за трое суток. Но мы все прекрасно знаем, что сподобится он только к самому концу срока. Достанет из кармана синего комбинезона коммуникатор и будет не спеша тыкать пальцем в экран, выписывая штраф.

Я прикусил губу от досады. На работу опоздал, диету испортил. Жара, песок и с женой поругался.

Что бы сказал отец? Что-нибудь жизнеутверждающее: «У каждого есть право на один дурацкий поступок в месяц». Мама бы сказала что-нибудь простое: «Не надо себя казнить, этим ничего не поправишь». Мой сосед Минин сказал бы… Хм, ну он всегда как-то очень туманно выражается. Вроде «Ну, даже если тебе все на работе дали понять, что новые штаны малы, это не повод снимать их прямо в офисе: будь мужиком, доноси их до вечера».

Я немного остыл.

На космодроме, в ангаре, нашлась стандартная жужжалка. Я выкатил ее наружу, оседлал, чвыркнул стартером – и машина подняла меня на полметра. На песке передо мной нарисовалась моя тень: стриженая голова, аккуратные плечи повседневного пиджака. Я выкрутил ручку. Жужжалка, хоть и потрепанная, как все казенное на свете, снялась с места достаточно резво.

Куда? А куда глаза глядят!

То еще развлечение: песок и песок, что с него взять? Ну, хоть ветер в лицо. Руки чешутся прибавить скорости, но я помню, что говорил мой инструктор: «Правила движения написаны кровью. Если не хочешь, чтобы они были написаны и твоей кровью тоже, – соблюдай!» Поэтому держу стрелку спидометра в зеленом секторе. Если вдруг будет препятствие – я среагирую раньше, чем долечу до него. Хотя какое тут, к лешему, может быть препятствие? Автомат с пепси-колой выпрыгнет из песка?

Линия лежащего впереди бархана изогнулась в кривой усмешке. Жаркая планета издевалась надо мной, словно я был лягушкой, распятой на лабораторном столе в свете жестокой хирургической лампы. Мне показалось, что солнце копошится в моих мыслях, как ученый во внутренностях вспоротого лягушачьего живота.

Соленая влага защипала глаза. Я притормозил жужжалку, чтобы вытереть пот рукавом. А когда снова осмотрелся, то не

поверил глазам.

За барханом, который я только что обогнул, под полупрозрачным куполом, сверкая на солнце, стоял торговый центр. Обычный городской сити-молл. Слепленный по столичной моде из блестящих изгибов недешевого металла – то ли с намеком на престижность, то ли с намеком на робоэротизм. В общем – типовой.

Словно бог нечаянно сделал ошибочный копипейст: вырезал центр с московской улицы и вставил в этот космический полустанок. До стены купола – песок, за стеной – аккуратный столичный асфальт.

Я объехал здание по кругу: сити-молл с охотой поворачивался передо мной, демонстрируя блестящие бока. Вот ворота парковки, ждущие бюджетные городские жужжалки, вот важные, как орденские планки, логотипы одежных брендов. Вот и вход, оборудованный старомодной вращающейся дверью: шагни, и она тебя пропустит внутрь, на первый этаж, пропахший парфюмерией. Фантазия ведет меня дальше – на второй этаж, пропахший булочками и кофе, на третий этаж, пропахший кожей итальянских туфель, на четвертый этаж и на пятый, где будет пахнуть попкорном непременный кинотеатр.

Я даже на секунду задумался, а что сейчас идет в кино и можно ли сводить на это Вику? Чушь. Дочка моя далеко отсюда, а на этой планете кино не показывают. Здесь вообще никто никому ничего не показывает, потому что здесь никого нет.

И это – чем бы оно ни было – здесь явно не для моих глаз.

Я знал, как управляться с атмосферными куполами. На жужжалке есть специальный сигнал на открытие. Нашел кнопку и ткнул ее, ни на что особо не надеясь. Но купол в ответ охотно задрожал стенкой и открыл проход стандартной величины: как раз на обычную семейную жужжалку.

Я огляделся и осторожно сунулся внутрь. Подплыл поближе к зданию и задрал голову: возникла полная иллюзия, что я в городе. И это меня еще больше насторожило: я ведь точно помнил, где я. Обернулся: так и есть. За проходом – ничего. Дрожащий от жары воздух, зажатый между небом и песком. Песком цвета пшенки, цвета опилок, цвета верблюжьего одеяла, цвета позолоты, цвета шерсти престарелого спаниеля, живущего у соседа Минина за забором. Песок. И ничего больше. Посмотрел вперед: асфальт, мрамор, стекло, металл, пластик. Город.

Я опустил жужжалку на асфальт, выключил и пошел к вертушке. Мой прадедушка говорил: «Новое всегда лучше хорошего». Мудрая мысль. Сам прадедушка, кстати, понимал это выражение очень по-своему: только на моей памяти он сменил

три прабабушки. Но я его не осуждал. Никто его не осуждал. А если и осуждал, то молча. Чтобы не нарушать административный кодекс. Кстати, подумалось мне, то, что я сейчас делаю, не противозаконно ли это? Проникновение, нарушение, сование носа куда не просят? Я медик, а не юрист, но, решил: нет. Запрещающих знаков не видно. Дверь-вертушка даже не выключена: она охотно начинает вертеться при моем приближении…

Я шагнул внутрь.

Перила эскалаторов, кондиционированный воздух, дверные ручки… Все настоящее. Все, как и должно быть в типовом сити-молле богатого района Москвы в будний день. Все на месте, кроме посетителей. Посмотрел на себя в отражении витрины и развел руками. Что это? Подарок застрявшему на этом поганом полустанке неудачливому пассажиру вроде меня? От кого? От доброго бога Беспощадного Консьюмеризма? Нет, правда: зачем все это здесь? Ни одна нормальная космокомпания не отгрохает такого даже для летающих бизнес-классом. Декорации для съемок кино? Но зачем в такой глуши? Какой-то тестовый архитектурный проект? Построили, чтобы посмотреть – авось не развалится? Ну… логично. Только зачем, черт подери, было набивать это экспериментальное здание кофейнями, шмотьем, техникой и косметикой? Может, это пространственная аномалия? Летучий-торговый-центр-голландец?

Мне стало тревожно. Кондиционеры в здании шпарили на совесть, и я озяб.

Захотелось домой, тепла, уюта и еды. Я не спеша прошелся в ближайший ресторанчик, подозвал робота и заказал пиццу. «Чужого не бери, своего не отдавай». Красть я не собирался: решил честно расплатиться своим кошельком. Если у этого места есть ревнивый хозяин, то пусть получает платеж и знает, что я тут. Может, быстрее спасатели припрутся.

Я спокойно откинулся в кресле. Робот-официант подкатил с удивительной расторопностью и шмякнул тарелочку с пиццей на стол.

– Приятного аппетита.

Я не смог ему ответить: открыл было рот, но мне показалось, что в этом пустом месте мое «спасибо» прозвучит как громкий хохот на похоронах. Ну его – от греха. Робот не дождался благодарности и как будто чуточку скривился. Но укатил, всем своим видом выказывая казенную почтительность. Ох уж мне эта дешевая механоидная вежливость! Нет, мне не жалко, что они все такие учтивые. Но дети на них смотрят и учатся, понимаете?

Да бог с ним. Что он мне сказал? Приятного аппетита? Вот и

музычка здесь такая играет вся из себя приятная. То ли Моцарт, то ли Маккартни: всегда их путаю. И стулья мягкие, приятные. А раз люди делают приятные вещи, значит, ими кто-то должен пользоваться? Я укусил пиццу – и подплавленный сыр приятно облепил язык.

Я вышел из ресторана довольным и забывшим о страхе: все, на ближайшие дни это мой торговый центр. Неважно, откуда он взялся. Коридоры приглашали меня прогуляться. Я не стал им отказывать и зашагал по начищенному мраморному полу. Забрел в пару магазинов, поперебирал одежду на вешалках, пощупал ткань, примерил несколько разных пиджаков и повертелся перед зеркалом.

И только через полчаса услышал шаги.

Ну вот, попался. Приятная тяжесть в набитом животе исчезла, вместо нее образовался нехороший комок. Я оглянулся и прислушался: шаги доносились из коридора слева, но пока в нем еще никто не появился. Я тихонечко, стараясь не топать, отошел к колонне, обклеенной сверху донизу рекламой, и спрятался за нее. Шаги стали громче. У меня похолодели руки, а к горлу подобралось тошнотное ощущение. Я вжался в колонну.

Мимо меня прошла девушка. Совсем молоденькая, вчерашний подросток. Одетая так, как не желает одеваться моя дочь: скромно. Вязаная белая кофта с пояском, темные джинсики, мягкие туфли. В целом – обычная девушка, забежавшая на исходе дня в сити-молл. В руках – пакет с чем-то только что купленным. Все бы ничего, но ее шаги в пустом коридоре разносились эхом, от которого у меня по спине разливался мороз.

Уж лучше бы она плыла по воздуху, как привидение. К сожалению, девушка выглядела совершенно обычной, земной, настоящей. И именно поэтому чем дольше я ее разглядывал, тем сильнее у меня колотилось сердце. Будто бы я включил старый фильм, и вдруг актер ввалился в мою комнату из экрана.

Девушка меж тем совершенно спокойно шагала мимо. Я отлип от колонны и бессознательно выставил руки перед собой, готовясь то ли помахать этому неправильному привидению, то ли отбиваться от него, если оно таки взлетит в воздух, завоет и начнет стрелять молниями из глаз. Девушка заметила движение, повернула аккуратно причесанную головку в мою сторону, самую чуточку вскинула брови – будто слегка удивилась. Улыбнулась мне и пошла дальше. Я остался стоять в полном недоумении возле все той же рекламной колонны. На колонне было написано: «Осень 2112: теплые скидки!»

В сити-молле играла приятная джазовая музыка.

Дочка

Как-то раз мой друг Сашка рассказал мне, что мама с папой купили ему маленького братика. Я спросила папу, почему мне не купят сестренку. Папа сказал, что он купит, когда появятся деньги. Потом он долго скучно объяснял, что меня тоже купили не сразу. Сначала купили мне комнату, потом машину, чтобы возить меня на природу. Без природы плохо. В общем, короче, чтобы у меня было все хорошее. А еще я слышала, как бабушка говорила маме, что я вообще-то могла бы быть вторым ребенком.

Я так поняла, что вместо старшей сестры мне купили машину.

Папа

Я отправился за ней. Коридор уже был пуст: идеально чистый пол отражал стеклянные витрины, а в витринах бликовали светильники, яркие рекламные вывески и гнутый хромированный металл перил. Вот она – едва слышно шуршит, двигая вешалки в одежной лавке слева.

Я зашел в магазинчик, пробрался вглубь, лавируя между рукавами и штанинами. Вот и девушка. Перебирает джинсы, не обращает на меня внимания. Я встал рядышком так, чтобы она меня видела, и приветливо улыбнулся. Ноль реакции. Я не знал, как с ней заговорить. «Простите, а вы не знаете… э-э-э… где мы?» или «Что вообще происходит?!». Глупо. У нее спокойный деловитый вид: она в торговом центре. Покупает. Я чувствовал себя маньяком с дикими глазами, который только что украл кусок пиццы и теперь подбирается к молоденькой девушке.

Черт, терпеть не могу, когда чувствую себя неловко. Как бы поступил на моем месте… ну хоть кто-нибудь? Я-то вообще не умею общаться с молодежью. Есть, конечно, Вика и ее друзья, но это совсем другое. Все-таки они с этой девушкой, скажем так, по разные стороны полового созревания. Надо вспомнить какую-то банальность. И ничего страшного: банальность – это кусочек логики, живущий сам по себе. Унылый, зато работает даже там, куда логика еще не добралась, либо уже не справляется.

Банальность не находилась. Девушка меж тем набрала несколько пар джинсов и пошла мимо меня, видимо, в примерочную. Я вспомнил, что говорил Макс, мой институтский друг: «Лучше пусть тебя потом простят, чем сейчас не заметят». Максу можно было доверять. Когда-нибудь я, как и он, открою свою медпрактику.

– Э-э-э… – сказал я.

– Поможете донести? – Девушка сунула мне ворох одежды, которая уже начала выпадать у нее из рук. Сказала она это с детской непосредственностью.

– А зачем вам столько?

– Одни джинсы моего размера, одни на размер меньше, другие на размер больше. И все это двух разных расцветок. Чтобы не ходить много раз в примерочную. Так быстрее.

– А вы куда-то торопитесь? – Я закинул удочку.

– В наше время все куда-то торопятся, – девочка улыбнулась.

– А вас как зовут?

– Меня все называют Птичка. Я так привыкла.

– А настоящее имя у вас есть?

– Конечно. А вас как зовут?

– Виктор.

– А что вы покупаете?

– Ну, я вообще-то здесь случайно. Я… как бы…

– Вам, наверное, в отдел электроники. – Девушка поняла меня по-своему.

– Нет, просто я тут свалился с трассы случайно, когда выпрыгивал из норы… которая тут рядом, – я указал взглядом на потолок, – и оказался на этой планете. Но тут…

– Надо летать осторожнее. – Девушка покачала головой, и мне стало стыдно. – Давайте!

Она забрала у меня свою одежду и нырнула за ткань, которой был закрыт проход в женскую примерочную. Я остался стоять у входа.

Черт знает что такое. Так я ничего не добьюсь. Мне простительно, конечно: я не психолог и не следователь. Я токсиколог. Мой пациент чаще без сознания, да и в целом не более интересен, чем его анализы. Но все-таки надо быть понастойчивее. Девушка, конечно, деловая: ходит, покупает, будто так и надо.

Я задумался: а ведь она сама по себе удивительная. Какая-то настоящая. Словно ее подбирали на роль самой обычной девушки, не вызывающей подозрений. Но не для молодежного сериала, а для черно-белого фильма. Вот это ее «Надо летать осторожнее». Такую фразу могла бы сказать и Вика, но она бы ее произнесла совсем по-другому: будто бы вытащила чупа-чупс изо рта, сказала и сунула чупа-чупс обратно. И каждое слово оказалось бы в липком. А вот эта Птичка – сказала, и ты сразу понял, какая она умница.

Да, заморочила она мне голову. И, кажется, уже куда-то исчезла.

Знать бы, работают ли здесь камеры наблюдения. Наверное, я уже вызываю подозрения: стою тут один в отделе женской одежды. Но это полбеды. Я караулю несовершеннолетнюю девушку. Может, это ловушка? Провокация? Надо бы побыстрее разобраться с этим. Решительнее. «Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Так говорил один мой…

Птичка вышла из примерочной, прервав мой поток мыслей. В одной руке она держала комок свернутой одежды, в другой – выбранную пару джинсов. Она улыбнулась мне так, как… я думал, так умеют улыбаться только диснеевские зверушки. И в то же время она была здесь, простой и домашней. И эта улыбка была честной.

– Поможете?

– Да, конечно, – Я поспешно перехватил у нее одежду. Девушка направилась к кассе.

– Скажите, – начал я, – а где ваши родители? Вы тут одна?

– У меня нет родителей, – спокойно ответила девушка.

– И никогда не было?

– Никогда. – Она помотала головой.

– А что вы здесь делаете?

– Здесь? – Она рассмеялась. – Покупаю джинсы!

Девушка наклонилась к терминалу и расплатилась. Все было таким простым и естественным, что я снова почувствовал себя дураком. И начал злиться.

– Так, знаете… Слушайте, мне нужно с вами поговорить. Давайте вы перестанете мне тут делать вид, что все в порядке. Сядем и поговорим полчаса.

– Но я не могу сейчас. Может, позже.

– Вы куда-то торопитесь? – Тут я понял, что уже задавал этот вопрос, и взорвался: – Куда вы, черт побери, торопитесь? Домой?! Здесь нет дома! Здесь кругом песок!

Я отшвырнул одежду, схватил девчонку за плечи и повернул ее к себе.

– Где мы находимся? Говори… Говорите! Что это за торговый центр такой?

Я заглянул в широко распахнутые глаза девушки. Она вроде бы открыла рот, чтобы что-то сказать, но только сдавленно ахнула.

– Отвечай!

Я почувствовал, что она меня боится: ее худенькие плечи в моих ладонях едва ощутимо дрожали.

– Ну! Я кому сказал…

У нее полились слезы, но лицо было как маска. Испуганная маска. Мыслей в глазах не было.

– Я… просто покупаю, – наконец сказала она сдавленно, – Птичка просто покупает. Джинсы. Птичке нужны новые джинсы.

– Как ты сюда попала?

Тут девушка заплакала по-настоящему. Словно вспомнила, как это делается. Лицо ее скривилось в несчастную гримаску. Она склонила голову, и слезы брызнули на мой пиджак.

У меня появилось чувство, будто я сделал что-то непоправимое: сломал статуэтку. Тоненькая ручка откололась, и теперь – все.

– А-а-а, черт! – Я отпустил девочку и отошел в сторону.

Она постояла с опущенной головой совсем недолго и стала вытирать слезы рукавом, оглядываясь. Потом принялась поднимать брошенную мной одежду с пола и вешать ее на ближайшую стойку. Как кошка, у которой всегда есть какая-то цель.

Я медленно вышел в коридор.

Мама

Он хлопнул дверью и уехал. А я осталась смотреть в телевизор. Наверное, это и называется несчастливый брак: смотришь на экран, а видишь только мужа.

Да прав он, прав. Хуже всего, что он всегда прав. Да, Викуська опять читала эту сказку. Да, он десять раз просил меня не давать ей такое. Да, сказка мерзкая. Но все Викуськины подруги с такими носятся. Он был прав, наверное, что не принимал этого в расчет. Да, я не извинилась, я сидела с кислым видом. Он был прав, наверное, и в том, что устроил разнос. Заставил меня что-то объяснять. Да, конечно, надо всегда обо всем пытаться договариваться. Что ж меня это всякий раз так бесит?

Вот, на экране двое держатся за руку. Влюблены. Красиво. Кажется, что они даже дышат в такт. А мы? А мы дышим в такт? Нет, всю нашу жизнь он делает мне искусственное дыхание.

Папа

Я вышел из бутика и опустился на скамеечку, стоящую напротив входа в этот магазинчик. Музычка в колонках замолчала, будто торговый центр присмирел, затих и стал смотреть, что же будет дальше. Хорошо, наверное, быть таким зданием: набил пузо персонажами и глазеешь, развлекаешься. Впрочем, у него тут с персонажами не густо: я-то не супергерой, я

простой врач, хоть и на грани умопомешательства. Девочка на вид тоже не Бэтмен, не стриптизерша и не шпагоглотатель. А больше никого нет: одни только невозмутимые роботы. Хотя…

Я щелкнул пальцами: черт, точно! Вот я недоумок. Девчонка тоже робот. Просто очень, очень хорошо сделанный, дорогой робот. Какая работа! Какая кожа! Какая мимика. А я чуть было не сломал хорошую вещь. Да она ж стоит как «феррари». Ох. А она ведь сразу сказала, нет у нее родителей. И не было никогда. «Пичтех Роботикс Инк» ее родители.

Ну, все понятно. А что она здесь делает? То есть как это «что»? Покупает! Обкатку проходит. Что нужно уметь молодой андроидихе? Ну, это смотря кем она будет. Любовницей или дочерью для престарелой бездетной пары. А неважно. Все равно джинсы должна уметь покупать. Радовать новых папу с мамой.

Я облегченно выдохнул. Все, хватит нервничать. Как-то расслабиться надо. О, кажется, я знаю как.

Официант со стуком опустил стакан на столешницу и придвинул его ко мне. Звук толстого стекла, скользящего по дереву. Ктр-р-р. Лучший звук на свете, основательный и настоящий. Мужской звук. Сегодня его ничто не заглушает. Не считая роботов, я один в маленьком открытом баре, расположенном в атриуме торгового центра. Влево и вправо от меня уходят коридоры, которые изгибаются, чтобы образовать круг и сомкнуться прямо напротив, у эскалатора.

Еще бы робот научился класть лед в бурбон, а не смачивать бурбоном лед. Только с третьей порции я начал согреваться и хмелеть. Несколько раз робот-привидение-девушка Птичка выходила из одного магазина, чтобы исчезнуть в другом. Коридор просматривался просто замечательно. Я следил за ней с ехидством. Бурбон растворил ехидство и превратил его сначала в злость, а потом в странное сочувствие к этому существу. И тут я заметил, что девушка, переходя из одного магазина в другой, споткнулась.

Ну да, решил я: андроид должен выглядеть натурально. Даже иногда ошибаться. Я крепко задумался о том, когда именно должен ошибаться робот и в чем. Вот как он, скажем, решает, в каком месте надо споткнуться. Насколько сильно? Нужно ли хоть раз в год падать так, чтобы ушибить коленку? Нужно ли уметь спотыкаться тогда, когда даже нет зрителей? Зачем это разыгрывать передо мной? Хм, ну а зачем было тогда разыгрывать слезы? Ну понятно: девушка, то есть робот, не знает, что она – робот. Она Птичка, и все тут. Покупает она, блин. Слишком смелый вопрос просто рвет ей крышу. Вот она и…

Стоп, что-то тут не так.

Я поставил стакан и потер лоб. Потом встал со стула и медленно вышел из бара. Сел на скамеечку в коридоре, дождался, пока девушка пройдет мимо. Улыбнулся ей. Она ответила кривоватой, но все же доброжелательной улыбкой. Чудо, а не ребенок. Я пересел на другую скамейку. Дождался, пока она пройдет еще раз. Жадно вгляделся в ее походку, когда девушка оказалась ко мне спиной. Птичка свернула в боковой коридор. Руки ее были свободны: пакеты с покупками она куда-то дела. Я не спеша проследовал за ней. Девушка зашла в туалет.

Я потоптался в коридоре. А потом старая барменская мудрость, воскрешенная в голове бурбоном, подсказала мне, что буква «Ж» на двери не делает помещение закрытым. Особенно, когда имеется острая необходимость. Я должен все выяснить или нет?

Я зашел вслед за девушкой.

Ага. Ну так и есть. Кресло вроде парикмахерского. На нем лежит девушка. Тело девушки. Неестественно напряженное, голова закинута. К затылку тянутся провода. Лоб и глаза закрывает какой-то щиток. В изголовье кресла находятся внушительного вида приборы, откуда и растут эти провода. В остальном – обычный ситимолльный туалет с умывальниками и зеркалами. В целом все ясно, можно не ломать себе голову. Но пережитые сегодня страхи, недоумения и досада, разогретые выпивкой, перебаламутились у меня внутри и превратились в еще более жгучее чувство: любопытство. Вы когда-нибудь видели такого дорогого, искусно слепленного робота вблизи? Я – нет. Подхожу, любуюсь ее жутковатой позой.

Какая работа, какая работа. А что если… Осторожно трогаю ее. Не просыпается. Щупаю ее кожу. Идеально. Рисунок вен, волоски, родинки. Невероятно. Ногти, подушечки пальцев, кутикулы! А внутренние органы? Пульс. Прощупывается очень убедительно. Повышенный, как будто тоже выпила. Нет, ну правда молодцы. Это ж, получается, и помпу для фальшивой крови надо было установить, и массу сосудов протянуть… Кладу ладонь на грудь роботу. Да, «сердце» стучит в положенном месте… У меня холодеют ладони. Расстегиваю на девушке кофту, задираю маечку. Мельком отмечаю великолепно сделанный пупок. Мои пальцы сами собой принимаются за пальпацию. Нормальная печень: ровный нижний край, никаких уплотнений, нижняя граница на месте, правая граница на месте. Хороший врач просто обязан без всяких новомодных штучек, на ощупь уметь отличать здоровую печень от циррозной, скажем. Вот это – здоровая. Желудок, поджелудочная, кишечник…

Я возвращаю маечку на место, лихорадочно застегиваю на

девушке кофту, ищу глазами выход: человек в зеркале бросает на меня дикий взгляд. Выбегаю в коридор.

Сердце стучит как бешеное. Да что ж это! Что это все значит? Я пытаюсь привести мысли в порядок. Это не робот, выглядящий как девушка. Это девушка, которая… что? Главное, зачем? С ней что-то не в порядке. И хотя я в некотором роде спец по тому, что и как бывает не в порядке с человеком, – меня загнали в тупик. Я вспоминаю диагностические приемы для тяжелых случаев. Ни один не подходит.

Бреду по коридору, подхожу к окну: даже сквозь затемненное стекло и муть купола видно, что желтое солнце планеты уже зашло за горизонт, а вместо него на небо выкатилось маленькое, синее и злое. Небо стало чернильным, а песок бурым, как засохшая ссадина на колене.

Все наоборот, думаю я. Может, не девушку тестируют, а торговый центр? Малышка покупает и покупает. То одно, то другое. Ей внушают желания. А потом изучают: все ли понравилось среднестатистической девочке. Удобно ли полки стоят. Приятны ли расцветки… Возможно ли такое? Не знаю. Приборы, которыми можно влезть в психику, настолько незаконны, что мы понятия не имеем, насколько они реальны.

Мои ладони становятся липкими, будто я только что щупал не живого человека, а какого-то злобного пришельца вроде тех, что показывают в кино. Лучше бы я в ее животе нащупал провода, шланги, микросхемы и бомбу. У меня был бы враг. Знал бы, от кого бежать, кого сдавать полиции. Но это жертва. А враг пока неизвестен.

Словно бы в ответ на мои мысли, темень за окном шевельнулась, и в ней показалось что-то белое. Жужжалка. К нам с Птичкой гости.

Чужой дядя, плохой дядя

То ли двигатель урчит, то ли у меня внутри приятно урчит, как у кота. Это хорошо. Я же добрый. Особенно перед устранениями. На этой планете не воздух, а пепси-кола, судя по цвету. Ну и местечко. А что делать: такая работа. Надо уметь разбираться с делами без конфликтов, тихо. Мы умеем.

Стали бы мы объект прятать, скажем, под землю и навешивать на него сто замков: сразу бы возникли вопросы. А куда это вы, товарищ, сто замков везете? Вот поэтому мы ничего не запираем.

У нас другой подход.

Кто и когда появится на этой планете? Ну разве что случайно раз в двадцать лет какой-то чертов бородатый путешественник, пересекающий галактику из принципа на утлой шлюпке. Понесло его сюда, гада такого… Стоп! Главное – никаких конфликтов. Вся наша работа только для того, чтобы люди жили друг с другом мирно.

Только не журналист, только не журналист. Если окажется, что это журналист…

Нет, не журналист.

А, ну с этим мы быстро. Обыватель. Недорогой пиджак, чуточку безвкусный, чуточку не по размеру. Явно семьянин. Явно правильный. Про таких говорят: «хороший человек». Хорошо, что правильный. Значит, играет по правилам. Осталось соорудить для него свои правила. Кто-то же должен ему их придумывать. Пусть сегодня это буду я. Мы работаем смышлеными портными в стране, целиком населенной голыми королями. Можно продать любую одежду, лишь бы клиент ничего не просек. Вот только иногда становится мерзко: они ж кругом голые.

Умный. Ну это мне даже на руку. Он уже все понял. Смотрит смело в глаза. Знает, что я ему ничего не сделаю. Знает, что его будут искать. Знает, что в стране каждая смерть, особенно на космолиниях, разбирается в КДСБ. Все знает. Какой умница.

Говорит, что я не смогу заткнуть ему рот.

Его взгляд скользит по моей фигуре. Да, он все видит. Еще не понимает, но уже точно чувствует. Я одет чуточку аккуратней, чем надо. Безупречная синяя рубашка, желтый галстук, костюм – вроде классический, но такого в этом торговом центре не найдешь. Я так гладко выбрит, что мужики из рекламы бритв завидуют. Это специально для таких, как он: пусть осознают. Я почти идеальный, чуточку нереальный. А значит – где-то над его реальностью. Не сверхчеловек – сверхобыватель.

Говорю, нет, конечно. Никто ему не будет затыкать рот. Но он, конечно, будет молчать о том, что видел.

Я ему угрожаю? Нет, конечно. Да что он такое говорит. Разве можно? Мы ж не звери какие-то. Да это и не законно. Так что ему никто из нас не сделает никакого вреда. Мы прячемся за складками вероятности. Мы управляем вероятностью. Наши действия невидимы. Почему? Да потому что они никогда не выбиваются из общего ряда.

Вот, скажем (как-вас-зовут-Виктор? – очень-приятно-Виктор), Виктор вернется домой. Все будет хорошо. Помирится с женой. Через пару месяцев он, как и планировал, отправится в отпуск с женой и дочкой (угадал: с дочкой). Ну, теперь, конечно, на общественном транспорте. И вот вроде бы тур он приобрел

дорогой и хороший, но в салоне первого класса сидит еще семья индийских нуворишей. Виктора напрягает, что дочка подружилась с сынком индуса. Но не объяснять же вслух, почему ей нельзя поиграть «с ее новым другом Парекхом». Загрызут. С тех пор как социальный прогресс стал идти под руку с техническим, ни один здравомыслящий человек ничего подобного себе не позволяет. А потом – как Виктор и опасался. К дочке цепляется вирус. Отпуск перечеркивается рвотой и температурой. Половина учебного года насмарку. Но вроде все обходится.

А потом выясняется, что девочка чуточку не успевает, и как вы ни стараетесь, но в намеченный колледж ее не берут. Вроде бы можно заплатить, чтобы исправить положение, но хедж-фонд, где лежит вклад на этот случай, промахивается мимо тренда, и вложенные деньги сейчас просто нельзя выводить в наличность. А выведешь – все равно не хватит. И вот дочкина жизнь уже идет немножко не так, как планировалось. Вроде бы не трагедия, верно? Могло бы произойти такое случайно? Могло. Но не очень понятно, почему папа так запустил дела, хмурится, не разговаривает с домашними. Уходит из дома, что-то пытается по телефону доказать каким-то людям из спецслужб. Почему взволнован.

Чувствую, что попадаю сразу в два его больных места: дочка и самооценка. Мальчик хочет быть хорошим. Что ж, пусть будет хорошим!

И вообще, говорю, Виктор, вы, собственно, почему хотите навредить государству?

Ага: виду не подает, но напрягается.

Вот, говорю, люди из правительства (не соврал) решают важные государственные задачи (почти не соврал), держат операцию в строжайшем секрете (не соврал), создают уникальное оружие (соврал, извините, зато как он вздрогнул!), а вы им тут осложняете жизнь (чистая правда!).

Оружие? Спрашивает недоверчиво.

Оружие, оружие. Против кого, как вы думаете, оно будет применяться?

Молчит.

Вот такая у меня работа. Вы пробовали когда-нибудь в персик вложить абрикосовую косточку, не повредив кожуры? А мне это приходится с человеками делать. Вот стоит один такой, прислушивается к ощущениям. Вроде ничего, целый. Позеленел только чуток.

Оружие, спрашивает. Психотронное? Но это все равно запрещено конвенцией.

Вы знаете, Виктор, говорю… Давайте пройдем в бар, выпьем,

обсудим. Думаю обнять его за плечи по-товарищески, мягко подтолкнуть в сторону бара. Нет, не надо: этот не любит фамильярностей. Впрочем, он сам кивает и направляется в нужную сторону.

И вот так с ними всегда.

Через два часа я выхожу из торгового центра. Держу на ладони персик с абрикосовой косточкой. Целехонький. У меня на костюме ни пятнышка. Размахиваюсь, кидаю персик в небо. Он летит. Выше и выше, и уходит в космос. Я машу ему вслед рукой. Хорошая работа.

Извините, что я так образно. Бурбон настроил меня на лирический лад.

Какие-то люди в новостях, говорят и говорят что-то непонятное

Прокурору задают вопрос:

– Правильно ли я понимаю, что мой подзащитный обвиняется в незаконной модификации личностных особенностей психики?

– Верно.

– Скажите, пожалуйста, в незаконной модификации чьей (адвокат подчеркивает последнее слово) психики он обвиняется?

Пауза.

– Своей собственной.

– Спасибо, я не имею больше вопросов.

Папа

Что-то непонятное внутри меня заставляло смотреть эти новости. Листать интернет. Прислушиваться к радио в жужжалке. Я что-то искал. Бывает, собираешь с дочкой пазл, а потом весь вечер по привычке выискиваешь взглядом недостающие кусочки во всем, что видишь. Но это ощущение длилось уже полгода с той дурацкой поездки. И я сам не понимал, что именно ищу. Но когда нашел, то сразу понял.

Они подготовили почву. Сняли несколько фильмов, запустили на радио несколько песен. Насочиняли детских сказок и раскрутили их в Сети, сняли несколько репортажей, спровоцировали несколько судебных процессов.

А потом приняли закон.

Правильно, нельзя без подготовки. Иначе рванет и забрызгает

так, что потом не отмоешься.

А я то-думаю, что за ерунда: живет себе известный молодой актер. Потом – внезапно! – все узнают, что он гей. Вы не замечаете? А я стал замечать. Не, ну надо же. Никто не ожидал.

А я думаю, может, и он сам не ожидал?

Может, ему помогли?

Как? А вот так. Подошли с приборчиком. Может, насильно. А может, и добровольно. Понравился богатому извращенцу молодой талантливый мальчик.

С другой стороны: бывает, что одни люди отдаются другим через силу, скрепя сердце. Терпят. А так – настоящая любовь. Небольшая операция, небольшой разъемчик на затылке размером с пуговицу – и ты уже преданный любовник, любящий муж, сын или, допустим, покупатель. Конечно, это возмутительно.

Было возмутительно. Теперь можно распечатать судебное решение, свернуть его в тугой комок и заткнуть рот всем недовольным. Теперь каждый будет иметь святое право любить то, что посчитает нужным. Менять ориентацию, менять привычки, менять пристрастия. Плати, покупай прибор. Делай себе на голове разъемчик. И никто, никто и никогда не скажет тебе ни полслова. Считай, добрая фея поработала.

Я понял, что тестировали на Птичке.

Все, что мне наплел этот аккуратный тип, рассыпалось. Прямо у меня внутри. И осколки стали впиваться в грудь при каждом вдохе. Нет, мне не было тревожно, обидно или стыдно. Просто я понял, что не смогу спать. А если усну, то мне приснится пустая комната, а в ней девочка из черно-белого фильма. А если я попытаюсь выйти из комнаты, то в дверях будет стоять безупречно выбритый человек в синей рубашке и желтом галстуке. И если он еще раз откроет рот, то из него вырвется что-то такое черное, что я проснусь в холодном поту. И тогда уже точно никогда не засну.

Я понял, что мне надо найти ее.

Зачем – второй вопрос. Первый вопрос – как. Я же не следопыт. С другой стороны – я медик. У меня есть доступ пятой степени к федеральной медицинской базе. Итак, девушка, четырнадцать-шестнадцать лет. Сирота, детский дом. Есть согласие на операцию. После операции транспортировка в сектор ЗСБ144. И если этот агент не солгал мне в том, что они никогда ничего не прячут, то…

Мама

Было именно такое утро такой апрельской субботы, в которое солнце чувствует себя просто обязанным заглянуть в окно каждой кухни, за которым можно найти семью, суетящуюся перед завтраком. Оно проверит, как вы намазываете на хлеб сливочное масло. Ну, или арахисовое масло. Или джем. А потом, довольное, переползет с вашей посуды на кота, чтобы заставить его пожмуриться.

Я все водила и водила ножом по тосту, хотя масло уже было достаточно хорошо размазано. Мне казалось, что эта серовато-коричневая масса, которая когда-то была крепкими и блестящими орешками – мои планы на день. Сегодня такой день, когда хорошо гулять и гулять по парку, сворачивая с дорожек в лес, где снег и лужи. И Викуська будет носиться по ним до упаду, а потом, довольная, уснет дома в кресле, не успев снять колготки.

Но мы поедем покупать ей новую одежду. Мы будем ходить полдня по душным магазинам. Потом накормим ее и сдадим в центр развития на еженедельное занятие, а сами отползем в некурящий зал какого-нибудь не слишком дорогого ресторанчика.

Так мы запланировали, и Витя точно ничего не отменит. Потому что Викуське нужна одежда, на занятия надо ходить регулярно, и вообще – мы же договаривались. Сейчас он войдет на кухню, чтобы не глядя щелкнуть кнопкой кофеварки. И кнопка окажется точно на месте.

Однако он появился в дверях и замер. Я подняла голову, чтобы пожелать ему доброго утра, но не успела ничего сказать, потому что увидела, какие черные мешки у него под глазами.

Я, наверное, плохая жена. Потому что обрадовалась, когда муж сообщил, что сейчас надолго уедет. Куда и зачем, не сказал. Просто он, видите ли, посчитал нужным предупредить.

Обрадовалась. Хотя и не подала виду.

Папа

– А после завершения всех экспериментов мне должны были вернуть прежние установки. Еще раз коннектор войдет в разъемчик на затылке, я снова потеряю сознание, а потом проснусь уже собой. Со всеми привычками, вкусами и предпочтениями. Но я отказалась.

– Почему? – спросил я.

– Я подумала… снова стать той, кто на это согласился? Нет.

Она сжала губы и стала теребить безымянный палец. Мне показалось, что она еще чуть-чуть похудела с нашей последней

встречи. По крайней мере, пальчики у нее были очень худые и удивительно длинные.

– Так… что же теперь ты будешь делать?

– Не знаю. Моей последней установкой была покупка водолазки. Вот… с тех пор я ничего не хочу, ничем не интересуюсь, кроме того, что было в том сити-молле. Даже не знаю, стоит ли он еще на том месте. Может, и стоит. Я часто представляю его себе. Как он заполняется паутиной и пылью… Но чаще думаю о белых водолазках. Вы знаете, кое-где их называют «бадлонами». А по-английски водолазка будет «turtleneck». Что означает «черепашья шея»… Что буду делать? Пойду учиться на специалиста по водолазкам. Выйду замуж за водолаза.

Она рассмеялась.

Что-то мешало мне говорить, будто кто-то невидимый третий, стоящий надо мной, сдавил мне горло. Мы сидели в парке возле ее детдома. Меня пропустили на свидание под предлогом липовой медицинской консультации. Птичка пришла и совершенно не удивилась ни мне, ни моим расспросам. Видимо, ей действительно все было безразлично, кроме водолазок.

А мне не было. И очень хотелось что-то с этим сделать. Но что? Поднимать шум? Я не забыл угрозы того аккуратного. Кто бы ни стоял за ним – правительство или клуб богатых извращенцев, – мне не побороть их в одиночку. У них хватило денег на сити-молл в пустыне. И, наверное, не на один. Я не сомневаюсь, что следующий построят на моих костях.

– О чем вы думаете? – спросила Птичка. Бойкий, дружелюбный голосок.

Вежливая. Ей ведь не интересно на самом деле. Что ей ответить? «Извини, но не о водолазках»? Рассказать, что я опять лихорадочно выискиваю в голове спасительные банальности? Что я чувствую себя обворованным покупателем, потому что начал понимать, какова цена всем этим фразам? Что я копил их десятки лет, принимая эти афоризмы за житейскую мудрость? Но, как выяснилось, стоят они не больше окурков с пола. И не потому, что легко достаются. И не потому, что не могут тебе помочь. Они не могут помочь тому, кто рядом с тобой. Хрупкому человечку с высосанной душой. Есть такое красивое выражение «политика малых дел». Это когда человек ничего из себя не представляет, но живет достойной жизнью, делает что-то хорошее в меру сил. И успокаивается этой гладкой фразой.

Я помотал головой.

– Ни о чем. Решительно ни о чем.

– Не переживайте за меня, – бодро сказала девочка, – через три года меня выпустят, как они выражаются, во взрослую жизнь.

Я присмотрю себе занятие. Когда заработаю денег на модификацию, то полюблю это занятие. Что-нибудь хорошее. Финансовую аналитику какую-нибудь. Или даже медицину. Расскажите мне про медицину!

Я готов был рассказывать ей обо всем. О своей профессии, о книгах и фильмах, об автомобилях, о зебрах, которых я фотографировал в Африке, о налогах, о самолетах. Говорить часами, только чтобы выболтать свою тоску, чтобы мои слова заполнили пустоту, которая жила в этой девушке. Но как? С чего начать? Как долго я могу говорить? Сколько у нас времени? Пустят ли меня к ней еще раз? Могут ведь и документы проверить. А я ей никто. Первый встречный. Я не отец и не опекун. И не стану им никогда. Зачем я ей, собственно? Ни за чем. Даже если с сегодняшнего дня буду носить только белые водолазки.

Какая-то мысль мелькнула на краю сознания.

– А сколько, говоришь, миллионов стоит перепрограммировать одну девушку с водолазок на что-то другое?

Птичка рассмеялась.

– Не надо. Что вы в самом деле. Мне будет неудобно. Вы же мне не отец.

– Да, – сказал я, – пока еще не отец.

Дочка

В общем, я сделала вид, что поверила в это. Они сказали, что копили деньги мне на сестренку. Ну вот и купили. Лиза, моя одноклассница, уже объяснила мне, откуда берутся дети. Я не всему из этого поверила. Но старшие сестренки точно не появляются на свет уже взрослыми.

Сосед Минин

В наши дни не принято такое говорить вслух. Да уже и в мыслях не принято осуждать людей. Но все-таки я никогда не пойму мужика, который вместо того, чтобы старым добрым способом заделать себе дочку, берет и покупает за безумные деньги робота. Он что, думает, я не вижу? Она и смеется не так, и говорит не так, и с собаками общаться не умеет. С одной стороны – дикая какая-то. С другой – ну не бывает таких идеальных детей в наши дни, тем более в столице. Слишком хорошенькая,

слишком покладистая, слишком скромная. Идет с утра в школу с младшей сестренкой мимо моего окна – я любуюсь. Выходит вечером во двор с книжкой – все затихает. И собаки стараются не шуметь, и жужжалки сбавляют скорость. Не верю. Подделка. На фабрике постарались на славу.

И уж очень старательно изображает любовь к папе и маме. Хотя как рассудить. Если робот думает, что он любит, – он и в самом деле любит?

Да какая разница: что запрограммируют, то и будет.

Земля. Космос. Виртуал

Дмитрий Федотов
День, когда исчезла ложь

Он пришел к доктору Павлову на прием, как у медиков говорят, «с улицы». То есть без предварительной записи и без направления от участкового врача. На вид посетителю можно было дать и сорок, и пятьдесят, и даже все шестьдесят лет. Есть такая категория людей – без возраста. Они давно вышли из молодости, но забыли, что существует старость.

– На что жалуетесь?…

– Сердце пошаливает, ноги болят, суставы в основном…

Павлов посмотрел на его изрядно стоптанные ботинки, на чистый, но далеко не новый костюм, слегка обветренное лицо.

– Много ходить приходится?

– Служба такая…

– А если на машине?

– Так ведь я с людьми работаю…

Доктор снял ему кардиограмму, провел терапевтический осмотр – результаты не обрадовали: застарелые рубцы на сердце, хронический обструктивный бронхит, артрозо-артрит коленных и голеностопных суставов.

– Сколько вам лет?

– Сорок восемь…

– Я бы посоветовал сменить работу. Ваш организм сильно изношен. Курите? Алкоголь употребляете?

– Давно забыл, что это такое! – Он вдруг улыбнулся и будто помолодел. – А вы, доктор, употребляете?

– Имею склонность, но стараюсь ее контролировать, – ответил Павлов неожиданно для себя, потому что собирался сказать совершенно другое.

– Правду говорите, – кивнул пациент. – Это хорошо. А теперь скажите правду о моем здоровье.

– Если вы не ляжете в ближайшее время в стационар на тщательное обследование и реабилитацию, то повторный инфаркт я вам гарантирую, – выдал Павлов не моргнув глазом и тут же выругался про себя: «Это же грубое нарушение врачебной этики! Что ты творишь?!»

– Спасибо, доктор. К сожалению, я не смогу воспользоваться вашим советом – мое служение… моя работа слишком важна. – Пациент снова улыбнулся, на этот раз грустно, и в ту же секунду Павлов осознал-ощутил, что это правда, а не поза или бахвальство. – Выпишите мне какие-нибудь лекарства, для

поддержания, так сказать…

Конечно, Павлов выписал все, что могло бы пригодиться в странствиях этому необычному человеку, но тоскливое чувство беспомощности, невозможности что-либо изменить не отпускало. Видно было, что пациент тоже прекрасно понял состояние доктора, поднялся, сунул рецепты в карман пиджака, а вместо них вынул и положил на край стола флешку.

– Будет свободное время, обязательно почитайте. Там всего один файл…

Свободное время, как всегда, появилось только дома, вечером. После ужина Павлов расположился в любимом кресле с ноутбуком на коленях, воткнул в него флешку и открыл вордовский файл, озаглавленный немного претенциозно – «День, когда исчезла ложь»…

* * *

«…Наверно, я никогда так и не узнаю, что же со мной произошло. То есть что произошло, как раз известно. А вот почему?..»

Это началось прямо на работе. Полдень в нашем издательстве – священен. Ровно в двенадцать часов прекращают посвистывать сканеры, шуршать бумагой принтеры, замолкает приглушенный перестук компьютерных клавиатур. По комнатам проносится звук отодвигаемых стульев вперемешку с хрустом затекших суставов, коридоры наполняются топотом и цоканьем каблуков и шпилек, и этот поток плавно стекается к зеркальной панели входа в кафе.

– Приветик, Мурзилка! – Меня подхватили под локоть, ко мне прижалось молодое, горячее даже через ткань рубашки тело Леночки Миловановой (отдел женской прозы). – Поболтаем?…

Мурзилкой меня прозвал друг и коллега Володька Макаров за мою любознательность и способность влипать в самые невероятные истории.

На самом деле меня зовут Андрей Петрович Первенцев, заместитель начальника отдела остросюжетной литературы. Лена Милованова полгода назад записала меня в свои ухажеры, и с тех пор не упускает случая публично демонстрировать это – прежде всего в кафе. Девушка она фактурная, и до сегодняшнего дня мне даже льстило такое внимание, поднимая самооценку.

По сложившейся привычке я открыл рот, чтобы выдать дежурный комплимент, но вместо сладкоречивой фразы вдруг брезгливо поинтересовался:

– Что за кошмарные духи у тебя?!

Леночка замерла, будто ее столбняк прошиб, наращенные месяц назад ресницы беспомощно затрепетали, а большие, как у куклы, бледно-голубые глаза наполнились слезами обиды.

Я готов был откусить собственный язык и попытался извиниться за грубость или хотя бы перевести все в неудачную шутку, но – увы!

– Лена, я не хочу с тобой общаться, потому что твои духи меня раздражают!

– Ты… ты… – Милованова отшатнулась и выставила ладони перед собой, будто защищаясь от меня. – Ты же говорил, что этот аромат тебя возбуждает! – жалобно всхлипнула она.

– Я солгал. Чтобы угодить тебе…

«Господи! Да что же это я несу?! Что со мной?!» – билось в голове, но на душе почему-то было спокойно. К собственному ужасу, я даже почувствовал что-то вроде удовольствия оттого, что наконец сказал Лене правду. Правду?! Вот же блин! Действительно, именно это я сейчас и сделал. Но почему?!

– Значит, ты меня совсем-совсем… ни капельки… не любишь? – Несчастная Милованова все еще надеялась, что я ее разыгрываю, что это просто злая шутка толстокожего холостяка. На миг я словно соединился с ней в одно целое – очень странное и жутковатое чувство! – и с пронзительной ясностью осознал, что Лена действительно меня любит. Значит, она говорила мне правду! А вот в себе я ответного порыва не обнаружил. Неприятно и стыдно.

– Нет. И пожалуйста, не обижайся, а постарайся понять, – ответил я и поспешил уйти.

Кофе мне уже не хотелось, все затмило острое желание немедленно уволиться из осточертевшего издательства. Именно так – осточертевшего! И это тоже была правда, которую я не позволял себе последние несколько лет.

Стало до жути страшно, словно я – уже не я, а кто-то другой, будто мне в один миг заменили личность. Из уверенного в себе, барствующего, в меру циничного и в меру общительного издателя средней руки я вдруг превратился в некий гибрид святого мученика, сумасшедшего и Дон-Кихота, в борца за правду против лжи. Голова едва не лопалась от обилия мечущихся мыслей, справиться с этим хаосом не было никакой возможности, и я понял, что надо срочно посоветоваться с кем-нибудь, кто разбирается в подобных делах.

* * *

Первым в моем списке, естественно, значился психолог. Издательство наше крупное, цену себе знает, поэтому о здоровой психологической атмосфере в большом коллективе вовремя озаботилось, заключив договор на обслуживание с Центром психологической разгрузки и коррекции поведения, который располагался буквально у нас «за стенкой» – в том же здании, но в другом крыле.

Договор есть договор. Приняли меня незамедлительно. Миловидная девушка в костюмчике медсестры проводила до кабинета с табличкой «Консультант». Им оказался плотный мужчина средних лет, страдающий одышкой и заиканием. Рыхлое лицо землистого цвета, рыбьи глаза и оттопыренные уши никак не способствовали созданию образа знатока тайн человеческой души.

– Что вас б-беспокоит, Андрей П-петрович? – сипло поинтересовался он, погружаясь в изучение моей электронной медицинской карты, открывшейся на экране его компьютера.

– Я говорю правду.

– Правду?… Это хорошо. П-правду желательно г-говорить всегда… Но не везде. И не всю.

– Вы неважно выглядите, доктор.

Он перевел на меня недоуменный взгляд.

– Собственно, что в-вы…

– Моя прежняя профессия – кардиолог, – пояснил я, почему-то совершенно успокоившись. – Я могу сказать, что с большой долей вероятности у вас, коллега, повышенное артериальное давление, атеросклероз и ишемия миокарда в ранней стадии развития. Отягощающими факторами могу назвать избыточный вес, гиподинамию и курение.

– П-погодите! – опомнился наконец психолог. – Кто из нас у кого на п-приеме?!

– А есть разница? Вряд ли вы сталкивались с подобным случаем. Я не знаю, что послужило причиной, но с сегодняшнего дня я могу говорить людям только правду. И это – большая проблема. Серьезная и опасная.

– Т-так. – Он уже справился с собой и принял прежнюю уверенную позу. – Спасибо за экспресс-диагностику, коллега, однако д-давайте-ка займемся вами. П-прежде всего, могу вас заверить, что ваш случай в моей п-практике не уникален. Стремление г-говорить только правду – один из видов психического расстройства…

– Я в курсе, – мягко прервал я его красноречие. – Но дело в том, что еще я одновременно чувствую ложь. Например, вы сейчас сказали неправду: в вашей практике мой случай – первый. И вы не

знаете, что делать, но пытаетесь сохранить лицо, поэтому солгали.

Психолог открыл было рот, чтобы возразить, но неожиданно сказал:

– Да, вы правы, Андрей П-петрович. С подобным я не сталкивался. Что делать – не п-представляю. Я вообще липовый специалист. Д-диплом купил. Курсы трехмесячные, п-правда, закончил – частные, тоже формальные. Потом книжечки п-почитывал, да головы клиентам д-дурил умными словами…

Он замолчал, зажав себе рот ладонями и дико уставившись на меня. А мне стало легко и весело.

– Поздравляю, коллега! Кажется, вас тоже накрыло!

– Что за бред?! – рявкнул психолог гулким басом, его лицо медленно приобретало багровый оттенок. – Что за шутки?! Ваша работа?

– И да, и нет. – Я улыбнулся. – Мне приятно, что я не один такой… ненормальный. А вот ваше… превращение… э-э, метаморфоза, наталкивает на мысль, что сие состояние – не игра природы, а некое направленное действие. Химическое, биологическое, энергетическое – не знаю пока, но факт! Возможно, источником являюсь я, но может быть, и нет. Во всяком случае, искренне желаю вам использовать свое новое состояние во благо себе и пациентам. Тогда вы станете уникальным специалистом!

Я направился к двери и услышал сдавленный всхлип:

– А вдруг это все-таки наваждение?… Индуцированный п-психоз?…

– Если источником являюсь я, то после моего ухода вы скоро придете в норму, – пожал я плечами и вышел.

Мой организм, похоже, уже адаптировался к новому состоянию и возможностям. И то, и другое теперь меня полностью устраивало. На душе стало легко и солнечно, страх растворился в радости. Осознание, что больше не придется притворяться, поддакивать, выкручиваться, обманывать себя и других и при этом не позволять обманывать себя другим, давало потрясающее ощущение свободы. Полной и всеобъемлющей.

Умом я понимал, что у всего есть оборотная сторона и от того, насколько быстро я научусь правильно использовать свои новые качества, будет зависеть очень многое, возможно даже моя собственная жизнь. А перспективы мне рисовались сказочные, сразу вспомнились нашумевшие в прошлом сериалы типа «Менталист» или «Обмани меня», где главные герои обладали сверхчутьем на малейшую ложь и всегда выводили оппонентов на чистую воду. Это ж сколько пользы я смогу принести обществу,

если буду применять свои способности для, скажем, выявления нечистых на руку чиновников?… А в качестве следователя или консультанта крупной корпорации?…

Меня прямо распирало от желания поделиться с кем-нибудь потрясающей новостью, поэтому я набрал номер своего старого друга:

– Привет, Володька! Дома?

– Дома… Моя очередь с сыном сидеть.

– Тогда я подскочу? Поговорить надо.

– Давай…

* * *

Володя Макаров недавно стал отцом. В сорок лет. Долгожданный и, как обычно, неожиданный ребенок вмиг перестроил всю жизнь Макаровых, и теперь родители вынуждены были делить рабочие и выходные дни, чтобы сынишка рос не обделенным теплом и лаской и обеспеченным всем необходимым.

Макаровы жили в Лобне, одном из небольших городков-спутников разрастающейся столицы. Собственно, столица уже пришла к ним и… обошла Лобню с трех сторон, оставив город на попечении области.

Володька встретил меня в старых линялых «трениках» и застиранной футболке. С сыном на плечах. Трехлетка улыбался до ушей, вцепившись в отцовские кудри и разглядывая с интересом нового дядю почти из-под потолка. Моя немаленькая ладонь по-детски утонула в огромной макаровской лапе.

– Проходи, Андрюха, прямо в комнату топай! – радостно гудел Володька, стаскивая отпрыска на пол. – Санька, знакомься: это – дядя Андрей! Мой лучший друг!

– Привет, Александр, – серьезно сказал я, протягивая мальчику руку. Малыш снова улыбнулся и смело подал мне свою крохотную ручонку.

– Какими судьбами к нам в Лобню? – Макаров сел на диван, усадил рядом сына и выбрал в телевизоре детский канал с мультиками.

– Посоветоваться хочу, точнее, сначала спросить: что бы ты сделал, если бы обнаружил у себя способность безошибочно распознавать ложь и говорить только правду?

Володька перестал улыбаться и посмотрел на меня с подозрением. Потом почесал лохматую макушку, потеребил кончик длинного носа, снова покосился в мою сторону, наконец произнес:

– Ну, я так понимаю, это какой-то тест… Ну, я бы, наверное, пошел в полицию работать – там такие способности в самый раз, – и выжидательно уставился на меня.

– Правду говоришь… – кивнул я. – То есть действительно так думаешь.

– И ладненько! – Макаров опять повеселел. – Давай-ка я сейчас быстренько чайку организую. За встречу, так сказать? Присмотри за Сашкой.

Он потопал на кухню, а я пересел на диван рядом с малышом. Сашка внимательно следил, как на экране шкодливая девочка Маша в очередной раз бессовестно подставляет лесного друга Мишку разгребать последствия своего очередного безобразия. С минуту я наблюдал за ребенком, потом спросил:

– Сколько тебе лет, Саша?

– Три года, – старательно выговорил он, почти не картавя. – И еще половина.

– Ага… А тебе нравится этот мультик?

– Нет.

– Почему же ты его смотришь?

– Потому что папа его любит…

Я слегка ошалел. Понятно, что трехлетний ребенок еще не умеет лгать, но вот мотивация его поступка повергла в легкий шок. Интересно, осознает ли Володька, насколько сильно сын его любит?

Из кухни появился Макаров со столиком на колесах. На столике притулились две чашки, заварник и маленькая вазочка с печеньем. Хозяин быстро разлил чай, вручил печенюшку сыну и сел рядом.

– Ну, за встречу! – Он поднял свою чашку. – Рад был тебя повидать, Мурзилка!..

– Нет, Володя, не рад, – покачал я головой. – Ты рад не встрече со мной, а тому, что я случайно скрасил твое однообразное существование.

Макаров замер с чашкой в руке, и я подумал, что сейчас он меня выгонит. Но в следующую секунду Володька как-то разом сник, поставил чашку на столик и кивнул:

– Ты прав, дружище. Так и есть! Да, у меня теперь не жизнь, а «день сурка», изо дня в день одно и то же. И у Марины так же… Но мы продолжаем делать вид, что у нас все прекрасно, что мы счастливы вместе, что нас все устраивает!..

– Вот теперь ты сказал правду.

– Погоди, – нахмурился он. – Я же не собирался тебе об этом рассказывать, тем более признаваться?!

– Не волнуйся. Это я тебя «заразил»… – Я успокаивающе

похлопал Макарова по плечу. – Понимаешь, я сегодня каким-то непостижимым образом приобрел странную способность – безошибочно чувствовать ложь и говорить только правду. Сначала решил, что схожу с ума и отправился к психиатру, но с доктором произошло то же, что и с тобой – я его индуцировал, то есть передал ему свою способность. Вот как тебе сейчас…

– Ага. – Володька вцепился в свои вихры обеими руками. Он всегда соображал очень быстро. – Что-то вроде инфекции, только не болезнь… Сверхспособность, блин! И что мне с ней теперь делать? Я же теперь Маринке всю правду-матку выложу о наших отношениях, о том, как она меня из классного специалиста превратила в няньку, о том, что ревную ее безумно к ее начальнику… Да она же меня из дома выгонит!

– Не выгонит. Она тебя любит. Я так думаю…

– Ты действительно так думаешь, но не знаешь наверняка. Я тоже, кстати, не знаю…

– Вот и проверишь сегодня вечером.

– Не хочу! Не хочу знать эту правду. Вернее, боюсь…

Макаров насупился и принялся цедить уже остывший чай. Я присоединился к нему, и несколько минут мы молча жевали печенье, запивая чаем.

– Собственно, я к тебе за советом приехал и с тем же вопросом: что теперь делать? – снова заговорил я.

– Что делать?… Жить дальше. – Макаров старался на меня не смотреть. – Не стреляться же и не прыгать с крыши!

– Думаю, нужно научиться контролировать это состояние, а главное, следить за языком и не резать правду-матку каждому встречному.

– Само собой. Но неплохо бы все-таки разобраться в природе этого феномена. Как думаешь?

– А что тут думать? Вариантов много, а информации мало. Например, как тебе такая версия: полевые испытания нового психотропного препарата, меняющего базовые социальные установки человека.

– А зачем? Зачем кому-то нужно их менять? – Володька всегда любил подискутировать на глобальные, как он выражался, темы. – Ведь изменение базовых установок неизбежно вызовет социальный коллапс. Разве что использовать такой препарат в качестве оружия?

– Ну, тогда, считай, что на нас напали! – развел я руками. – Нет, похоже, тут что-то другое…

– Ну а версия о вмешательстве инопланетного фактора?

– Типа, надоело им смотреть, как мы друг друга и планету уничтожаем? Так ведь крушение социальных основ приведет к

крушению государств и, как следствие, к всеобщей войне всех против всех!

– С чего бы? Если все разом станут честными, правдивыми провидцами – зачем война?

– В том-то и дело, что не все и не разом. При этом агрессивность-то никуда не исчезает.

– Ты проверял? – Володька подозрительно посмотрел на меня.

– Нет. Но это по логике: честность и воинственность не связаны между собой. От слова «совсем». – Я разлил по чашкам остатки остывшего чая.

– Пап, я писать хочу! – сообщил Сашка и сполз с дивана.

Макаров встрепенулся, вскочил, виновато глянул на меня. Я тоже встал.

– Ладно. Я пойду пока. Позже созвонимся. Держи меня в курсе!

– Хорошо. И ты тоже…

* * *

Разговор с Володькой надоумил меня встретиться еще с одним интересным и умным человеком. Заборские жили на другом конце нашей необъятной столицы – в Ясенево. С Машей мы вместе трудились на ниве книгоиздательства без малого пять лет, а вот с ее мужем Костей были знакомы не по работе, а по клубу любителей истории. Заборский в свои неполные сорок успел уже дважды стать доктором наук – исторических и философских! По выражению нашего главного редактора, Константин очень напоминал ходячую публичную библиотеку. Каким образом в его рано начавшей лысеть голове умещалось такое количество самой разной информации, оставалось загадкой для всех, кто его знал. Общение с Заборским неизменно вызывало лишь два чувства – восхищения и собственной неполноценности. В общем, если кто бы и мог помочь мне разобраться с неожиданным даром и дать дельный совет, так это Костя, он же Константин Эдуардович – тезка основоположника отечественной космонавтики.

Поскольку день уже клонился к вечеру, я счел разумным предварительно позвонить – мало ли какие планы могут быть у семьи на вечер пятницы?

– Машунь, привет! – весело, в привычной для нас манере, сказал я в трубку. – Костя дома?

– А где ж ему быть, Андрюша? Ты-то куда сегодня исчез средь

бела дня? – В голосе Маши мелькнула неподдельная тревога. – Случилось что?

От ее искренней заботы на душе стало тепло и уютно. А что она – искренняя, я мгновенно ощутил-понял-почувствовал прямо через телефон. Я тут же постарался загнать свою новую способность поглубже, как-то приструнить, чтобы не ляпнуть обидной ерунды, вздохнул и ответил:

– Случилось. Кое-что. Поэтому и хочу с Костей посоветоваться. Ты не против? Планов ваших не нарушу?

– Что ты, Мурзилка! Приезжай, конечно! Я как раз собираюсь греческий салат на ужин готовить. Ты ведь любишь его?

– О, Машунь, особенно в твоем исполнении! Уже в полете!

Маша и вправду чудесная хозяйка. Что бы она ни приготовила – любое, даже самое простое блюдо вроде гречневой каши, – вкус будет неизменно божественным, так что сразу захочется попросить добавки.

Про «полет» это я, конечно, переборщил: езда по МКАД в будний вечер даже летом – удовольствие сомнительное. Но все-таки через пару часов я припарковался в тихом дворе дома на Голубинской и набрал код домофона Заборских. Встретил меня младший член семьи – добродушный и крайне общительный мопс Врунгель. Процедура приветствия оставалась неизменной вот уже три года. Пес ткнулся мокрым носом в мою ладонь, подставил складчатый загривок, а потом плюхнулся на спину и зажмурился. Почесывая увальню упитанный животик, я вдруг подумал: «А ведь животные, наверное, тоже способны, ну, если не на ложь, то уж на хитрость точно! Вот, к примеру, Врунгель. Ну, что с того – почешу я ему живот или нет? Я ведь даже не друг семьи, захожу в гости раз-два в год. И тем не менее пес не упустит случая получить и от меня толику удовольствия, продемонстрировав симпатию!»

– Привет заслуженному работнику кнопкотычного производства! – заполнил прихожую рокочущий бас Константина Эдуардовича. Заборский воздвигся в арке коридора, заполнив ее всю. Огромная волосатая лапа, которую язык не поворачивался назвать рукой, потянулась ко мне и пригвоздила левое плечо – будто чугунную балку положила. Врунгель при первых звуках хозяйского голоса необычайно резво вскочил и опрометью кинулся вон, но, увы, крепко застрял между стеной и Костиной ногой. На его отчаянный скулеж из кухни немедленно явилась Маша.

– И не стыдно доктору наук обижать маленьких?

– Это он сам, Маруся, – поспешно сказал Костя и выпустил пса. – А, впрочем, извини, больше не буду. Проходи, Андрей, прямо ко мне в кабинет…

– Здравствуй, Маша, – улыбнулся я. – Мы немного побеседуем, а потом можно и поесть. Хорошо?…

– Ну, ладно… – Она недоуменно приподняла левую бровь. – Какой-то ты сегодня… загадочный, Андрюша. На себя не похож!

– Я действительно не похож на себя. С сегодняшнего дня, – вздохнул я. – За ужином все объясню, обещаю.

Мы с хозяином прошли в его рабочий кабинет-библиотеку, оформленный в стиле девятнадцатого века – массивные книжные шкафы, стол и бюро красного дерева с накладной резьбой, кресла с подлокотниками в виде львиных лап, обитые тисненой кожей, на полу узорчатый паркет, а под потолком пятирожковая люстра на цепях. Мы расположились в креслах у низкого резного столика, Заборский тут же принялся набивать любимую вересковую трубку, а я прикрыл глаза, составляя в уме первую фразу для разговора. Однако Костя прервал мои мысленные упражнения:

– Не напрягайся ты так. Рассказывай как есть!

– Хм!.. Ну, хорошо. Перед вами, профессор, – феномен, можно сказать, живой экстрасенс! И это не фигура речи, а факт.

– И в чем же фишка?

– Я мгновенно распознаю любую ложь и говорю только правду.

– Интересно! – Костя даже трубку набивать перестал, а я прямо кожей почувствовал, что он действительно удивлен и заинтересован. – Как же тебя угораздило?

– Понятия не имею. Потому и пришел к тебе. За советом, наверное…

– Почему ко мне?

– А никого другого с таким интеллектом я просто не знаю.

Костя снова вернулся к приготовлению курева, и с минуту в кабинете было слышно только тихое шуршание табачных крошек по расстеленной на столике бумаге. Я терпеливо ждал – знал, что Заборский уже в процессе анализа полученной информации.

– А как ты вообще понял, что с тобой произошло? – спросил наконец Костя, раскуривая трубку.

Я коротко поведал ему о приключениях этого длинного дня.

– К тому же я, по-видимому, дополнительно индуцирую эту же способность у людей, с которыми вхожу в близкий контакт. Только не знаю: временно или насовсем.

– А вот это еще любопытней! И кого же ты… индуцировал?

– Доктора из психологической консультации, Володьку Макарова, моего давнего приятеля, – этих точно… – припомнил я. – Про других не скажу, но было несколько мимолетных контактов.

– Расскажи-ка поподробнее! – Костя принял расслабленную позу, откинувшись на спинку кресла.

Я погрузился в воспоминания и с удивлением обнаружил, что помню все до мельчайших деталей – цвет, освещение, звуки, даже запахи! «Ух ты! А это уже похоже на сериал „Вспомнить все“! – пронеслась дурацкая мысль. – Дубина, нашел с чем сравнивать! – тут же осадил сам себя. – А ну, сосредоточься!»

– В общем, выглядит процесс именно как индукция, – подытожил я.

– Тогда почему ты меня не индуцировал?

Я замер. А ведь действительно! Ничего подобного предыдущим случаям с Костей не произошло.

– Ну, тут одно из двух, – неуверенно проговорил я, – либо поддаются индукции не все собеседники, либо… ты предельно честный человек!

– Ага! – Костя снова сел прямо и ткнул в меня чубуком трубки. – И вот это стоит проверить. Желательно немедленно!

– На ком? Маша отпадает. Она тоже не восприимчива к индукции, я успел убедиться.

– Отлично! Тогда на моем старом приятеле. У меня сосед – преподаватель истории средних веков в РГГУ, большой умница, эрудит!

Не успел я возразить, как Костя схватился за телефон.

– Привет, Михалыч! Занят? Вот и ладушки. Заходи, повечеряем. Маруся нечто невообразимое на ужин соорудила!

Михалыч оказался импозантным мужчиной – высокий рост, породистое лицо, смоляная шевелюра с благородной проседью на висках и проницательный взгляд темных глаз, в которых светился незаурядный ум. Немного портило впечатление наметившееся брюшко, однако рукопожатие у историка вышло неожиданно крепким и энергичным.

– Это наш давний друг и коллега, Андрей Петрович Первенцев, – представил меня Костя.

– Очень рад знакомству! – Голос у соседа тоже был под стать внешности, низкий и бархатистый. – Давид Михайлович Воленсон.

– Присаживайся, Михалыч, закуривай! – радушно предложил Заборский и подмигнул мне, дескать, давай, индуцируй.

Если бы я еще знал, как это делается! Похоже, процесс запускается во время беседы и желательно на какую-нибудь значимую для собеседника тему. Я припомнил обстоятельства встречи с психологом и с Володькой.

– Давид Михайлович, я работаю в крупном издательстве, в частности, занимаюсь выпуском художественной исторической

литературы. И теперь, пользуясь случаем, хотел бы узнать мнение специалиста о целесообразности издания этого жанра.

Костя картинно поднял брови на столь витиеватую тираду, но Волензон внешне остался строг и серьезен. Не спеша вынул из массивного серебряного портсигара тонкую коричневую палочку с двойным золотым ободком у фильтра, прикурил от зажигалки в виде древнегреческой амфоры и, лишь сделав пару медленных затяжек, заговорил:

– Видите ли, молодой человек, художественная историческая литература, безусловно, привлекала и будет привлекать интерес читателей прежде всего разнообразием сюжетов и обилием якобы подробностей жизни и быта наших предков. Однако вам, как и мне, наверняка известно, что в подавляющем большинстве случаев сие – выдумки чистой воды, ничего общего не имеющие с подлинной историей! А между тем многие любители исторической прозы искренне считают, что так все и происходило, как написали, скажем, Вальтер Скотт или Дмитрий Балашов. Про Александра Дюма, Мориса Дрюона и им подобным я вообще молчу!

– То есть историческая проза не нужна? – усмехнулся я, потому что буквально почувствовал: есть контакт, «поплыл» историк!

– Ну, я бы так не ставил вопрос… Все-таки между историей и исторической прозой очень большая разница… – Волензон запнулся, его смуглое породистое лицо посерело, а дорогая сигарета в пальцах задрожала. – Порой мне кажется… не только проза… сама историческая наука – сплошная выдумка… – Он передернул острыми плечами, судорожно затянулся и поперхнулся дымом, откашлявшись, пробормотал: – Господи, на что же я трачу жизнь! На обман!

Заборский нахмурился и сделал рукой отметающий жест.

– Ерунда, Михалыч! Ты же умный человек. А разве умный стал бы заниматься пустыми разглагольствованиями? Нет! Значит, твое дело нужное и правильное…

– Нет! – почти выкрикнул Волензон. – Я ответственно заявляю: то, что принято называть историей, исторической наукой, таковой не является! Это все суть – историография! То есть пустописание в угоду власть предержащим, и к подлинной истории цивилизации имеющее весьма косвенное отношение.

– Погодите, – вмешался я. – Давид Михайлович, вам, конечно, виднее как специалисту, но, по-моему, далеко не все, что написано в учебниках и научно-популярных изданиях на тему истории человечества, – выдумка.

– Андрей Петрович, о чем вы говорите! – Волензон всплеснул

руками. – Даже не погружаясь в античность, можно привести массу примеров исторических подтасовок и передергиваний. Одна только «Повесть временных лет» чего стоит! Это же уму непостижимо: использовать в качестве научного источника художественное произведение! А татаро-монгольское иго? А открытие Америки? А крестовые походы?

– Гм!.. Что не так с крестовыми походами? – удивился Костя. – Хочешь сказать, что их не было?!

– Нет. Были. Но сколько их было на самом деле и ради чего все было организовано?

– Давид Михайлович, но ведь вы преподаватель, много лет учите юных и любознательных, прививаете им любовь к истории. Это же замечательно!

– Андрей Петрович, что в том замечательного – изо дня в день рассказывать небылицы и перечислять официальные штампы, делая вид, что преподаешь историю! Это же… предательство!

Волензон вдруг резко ткнул окурок в пепельницу и вскочил. Заборский удивленно посмотрел на него:

– Михалыч, ты куда?!

– Пойду я, Константин Эдуардович, попробую что-нибудь придумать на тему, как исправить собственные ошибки и заблуждения и не натворить новых! Мне очень стыдно, господа! – Он гордо вскинул голову и вышел из кабинета – прямой, как палка.

С минуту мы оба молчали, пытаясь переварить произошедшее. Потом Костя сказал:

– Да, старик. Ну и кашу ты заварил…

– Я заварил?!

– Извини… стал невольным источником Большой Кучи Неприятностей.

– Я жертва, если ты не понял. Во всяком случае, чувствую себя именно так.

– Не-ет, ты не жертва, Андрей! – Заборский вдруг хитро прищурился и потыкал в мою сторону чубуком погасшей трубки. – Ты… пожалуй, ты новый машиах!

– Ты говори, да не заговаривайся! – Я невольно сглотнул. – С таким не шутят. Попробуй обойтись без религиозной мистики, а? Ты же умница, Костя. Найди другое объяснение!

– Хорошо. Ты не мессия, хотя ситуация отчасти похожая…

– На дар божий намекаешь?

– Почему бы нет? Раз был прецедент, отчего бы ему не повториться?

– Не смеши мои тапочки! Создатель выбрал редактора

издательства для высшей миссии: спасения заблудшего и погрязшего во лжи человечества!

– Ну, его первый избранник был всего лишь плотником… – Заборский поскреб чубуком трубки за ухом. – Ладно. Давай-ка лучше попробуем нарисовать перспективу твоего будущего служения, так сказать.

– А давай! – Я хищно улыбнулся и потер руки. – Допустим, я со своим… даром могу очень помочь нашим доблестным следственным органам – любого на чистую воду выведу!

– Как?

– Элементарно. На допросе сразу определю, что подозреваемый лжет… И – да! Я же его индуцирую! Вот он и сознается во всем содеянном!

– Отлично! – Костя вяло похлопал в ладоши и саркастически ухмыльнулся. – Но ты не учел главного: честность не подразумевает отсутствия агрессивности, мстительности, злобы и много еще чего. Честный человек просто верит в то, что говорит и делает. И вот до него доходит, что причиной всех его неприятностей являешься ты: заставил его сознаться, лишил свободы, денег, будущего… Как думаешь, станет он тебя за это благодарить? А в наш информационный век долго ли эта история останется неизвестной широким уголовным кругам? Дальше продолжить или сам догадаешься?

– Намекаешь, долго я не проживу? – Настроение у меня испортилось. – Пожалуй, ты прав. В органы дознания мне лучше не соваться.

Мы снова замолчали, обдумывая случившееся. Заборский опять взялся набивать трубку, но тут в кабинет заглянула Маша.

– Мальчики, мне скучно! Ужин готов, Врунгель обожрался и спит, по телевизору сплошная тягомотина.

Не сговариваясь, мы вскочили и хором заявили, что вели себя как последние эгоисты. Нам было позволено коснуться губами бархатных розовых щечек при условии немедленного перемещения на кухню для дегустации нового кулинарного шедевра – курицы по-французски.

За бокалом шардоне после сытного застолья разговор вернулся в старое русло, только теперь в нем приняла активное участие и Маша. Она, кстати, ничуть не удивилась моему новому состоянию.

– Ты же у нас Мурзилка, а значит, влипать во всякие невероятные истории – твое призвание и судьба, – сказала она, мило улыбаясь. И я снова ощутил исходящую от нее волну искреннего участия.

– Ну, на сей раз я, похоже, влип окончательно.

– То есть?

– То есть от этого дара я вряд ли смогу когда-нибудь избавиться, даже если очень захочу.

– А ты захочешь?

Вот она – способность женщин зреть в корень, точнее, в психоэмоциональную суть явления! Мужики обычно сразу начинают искать практическое применение открывшимся возможностям, а женщины – наоборот, сначала подумают о последствиях такого применения.

– Я пока не решил, Маша. Хотя, по-моему, глупо было бы отказываться от дара свыше. Важнее, как его правильно использовать. Один способ мы с Костей уже отвергли. Я говорю о возможности стать следователем в органах дознания.

– Чревато опасностью потерять не только дар, но и жизнь вместе с ним, – кивнул Заборский, снова берясь за любимую трубку. – Я бы добавил к списку и другие профессии, столь же опасные, типа журналиста, политика или дипломата. Хотя соблазн, конечно, велик! На таком поприще есть возможность «заразить вирусом правды» многих значимых людей, влияющих на жизнь общества.

– А с чего вы решили, что индукция становится необратимой? – поинтересовалась Маша, убирая со стола остатки пиршества. – Ты проверял, Андрюша?

– Н-нет… Но если это так, то все еще хуже. Получается, что я стал социально опасным индивидуумом, возмутителем спокойствия и стабильности в обществе.

– Ну, тогда есть еще один способ применить твой дар, – благодушно сказал Костя. – Можешь основать новую секту или даже церковь. Думаю, последователей у тебя появится немало.

– Шутишь? Хотя – нет. Ты действительно считаешь реальным этот проект!

Некоторое время я обдумывал необычное предложение, Заборский курил, отрешенно глядя в окно, а Маша разливала чай и нарезала домашний кекс, бросая на нас поочередно любопытно-тревожные взгляды. Но первым нарушил молчание не я.

– Мне сейчас пришла в голову мысль, – повернулся к нам Костя, – что вся твоя история, Андрюха, очень похожа на некое испытание…

– Вроде квеста? Типа: выполни ряд заданий и в конце получишь бонус? – грустно усмехнулся я.

– Не-ет! Это было бы слишком мелко. Я думаю, скорее, дар – это ключ для прохождения некоего жизненного пути. Точнее, для достижения вполне определенной цели. А вот путей-то как раз существует несколько, но только один из них – верный.

– И какой же?

– Не знаю… Тебе придется искать самому. Это может оказаться совершенно очевидный и потому не приходящий никому из нас на ум вариант. Знаешь, а ведь с философской точки зрения ты настоящий феномен: субъект, который в результате неизвестной манипуляции с его сознанием превратился в объект, способный изменить ход социальной эволюции субъектов. Ты, Андрюха, теперь даже не человек, а сингулярность – единичность существа, события и явления!

– И ты всерьез думаешь, что сейчас я возгоржусь, надую щеки и начну раздавать автографы поклонникам? – Я не стал сдерживать свой сарказм.

– Ну, по крайней мере, если постулировать вышесказанное, возможно провести логический и метафизический анализ твоего феномена. Глядишь, и нащупаем нечто стоящее?

– Вот и займись на досуге – ты же у нас философ. А я уж поищу решение из чего-нибудь попроще!..

Заборский на это развел руками, мы снова замолчали и принялись за чай.

– Я бы все-таки раньше выяснила, обратима ли твоя индукция, – тихо сказала Маша. – По-моему, это бы существенно упростило проблему выбора.

– Ты права! – Я решительно взялся за телефон и набрал номер Макарова. Сердце бухало в унисон с гудками вызова: а вдруг у Володьки все плохо, скандал, разлад с Мариной – из-за меня, из-за этой индукции, будь она неладна?

– Слушаю, Макаров, – услышал я наконец знакомый, с хрипотцой, голос.

– Володька, это я… – Мне пришлось с усилием сглотнуть, чтобы протолкнуть вставший в горле комок. – У тебя дома все в порядке?…

– И да, и нет, – не то хмыкнул, не то всхлипнул он. – В общем, осваиваем новую реальность, что ты нам преподнес.

– Ради бога, что у вас произошло?

– Да все уже в порядке, Андрюха. Твоя «зараза» сработала, первый шок позади, и ничего страшного не случилось… Мы даже в некотором роде благодарны тебе.

Я почувствовал, что он говорит искренне, и вздохнул с облегчением, но его тут же сменила тревога: а если бы Володька не индуцировал жену? И во всех ли случаях возможно такое «вторичное заражение»? Человек становится честным и правдивым, но остальные-то душевные качества никуда не деваются! Как насчет совести, например?

– Ну, как, есть результат?

Вопрос Заборского вернул меня к действительности.

– Есть. Даже больше – вторичная индукция.

– Ага! Это интересно! Репликация сингулярности?! Обалдеть! Нет, дружище, ты не феномен, ты самая настоящая новая философская проблема!

Костя, бормоча и цокая языком, принялся за трубку, рассыпая по столу душистые табачные крошки. Маша молча убирала со стола, потом вдруг замерла и строго посмотрела на меня.

– Ты хоть понимаешь, насколько все это серьезно, Андрей?

– Лучше бы не понимал! И я понятия не имею, что со всем этим делать, какой путь искать или выбирать, к чему стремиться… Или просто сидеть на берегу и ждать, когда мимо проплывет труп моего врага?

– Ну, из тебя мог бы получиться неплохой народный мститель, этакий современный Зорро, – улыбнулся Костя, раскуривая трубку. – Будешь вычислять преступников, являться к ним и заставлять идти с повинной с помощью индукции, будешь делать честными чиновников и полицейских…

– Опять шутишь? – Я горько усмехнулся. – Да меня самого вычислят через месяц, объявят или американским шпионом, или психом и упекут соответственно диагнозу. Если просто не шлепнут.

– А ты создай группу, тайную организацию борцов за справедливость…

– Уже было! Историю борьбы за справедливость ты знаешь не хуже меня и чем все заканчивалось – тоже… Ладно, ребята, пойду я. И так допоздна у вас засиделся.

Мы попрощались, и я вышел в теплую летнюю ночь. Мелкая ночная живность крутилась под фонарями, где-то играла музыка, доносились тихие голоса и смех. Над головой раскинулся темно-синий купол, усеянный крупными самоцветами. Я прошел через детскую площадку и присел на лавочку возле цветущего куста жасмина. Запрокинул голову и без слов спросил бархатную бездну: «Подскажи, что мне делать? Как найти верный путь?»

Некоторое время ничего не менялось в темно-синей глубине, а потом я вдруг заметил слабый, пульсирующий огонек, быстро перемещавшийся между неподвижных ярких собратьев. Огонек стремительно пересек весь ночной небосвод, ослепительно вспыхнул на миг и пропал. И в тот же миг будто кто-то начертал перед глазами огненные слова невидимым стилом: «Viam supervadet vadens…»

Понадобилось несколько секунд, чтобы осознать: вот он, путь! Не надо потрясений и борьбы тайных обществ, не нужно рисковать своей и чужой жизнью. Все гораздо проще и сложнее

одновременно, но именно так – правильно!

* * *

– Ты что, на самом деле увольняешься, Мурзилка?! – вытаращился на меня начпокадрам, принимая заявление. – Что случилось?

– Все в порядке, Лохматыч, так надо, – улыбнулся я. – Не расстраивайся, еще свидимся.

– Вообще-то, мне здесь тоже все осточертело! – неожиданно выдал он и тут же испуганно зажал себе рот.

– А вот это – истинная правда, – серьезно сказал я и вышел.

Работы предстояло много: впереди были сотни километров и тысячи случайных, но тем не менее очень важных встреч, а Россия – очень большая страна, пока ее всю обойдешь!

* * *

Доктор Павлов так и не смог толком заснуть, остаток ночи пролетел в странной полудреме. Ощущение недосказанности смешивалось с чувством бессознательной тревоги. Кое-как позавтракав, Павлов отправился на работу. Первым делом включил компьютер и открыл сводку поступлений в стационары по «скорой» за истекшие сутки. Спустя минуту взгляд наткнулся на короткое сообщение с двадцать девятой подстанции: «Первенцев Андрей Петрович, 1970 г. р.; диагноз: трансмуральный инфаркт миокарда в заднебоковой проекции; скончался по дороге в стационар в 23 часа 55 минут».

Павлов невольно прикрыл глаза, и ему показалось, что на секунду на экране компьютера вспыхнула надпись: «Viam supervadet vadens».

Игорь Минаков
Трехпалый

1

Грисс проснулся от холода. Не открывая глаз, он пошарил трехпалой рукой справа, потом слева, но мантии не нащупал. Тогда Грисс открыл глаза и сел, поджав под себя длинные, голенастые ноги. В отверстие, через которое он вчера на закате забрался в этот каменный мешок, заглядывало хмурое, холодное утро. Низкие, чуть подернутые кармином облака мчались по бледно-зеленому небу. С грохотом бился о каменистый берег океан. Соленые брызги залетали в пещеру.

Грисс посвистел, подзывая мантию. Она отозвалась еле слышным писком.

«В дальний угол забилась, – подумал Грисс. – Проголодалась…»

Они не ели уже третий день. Грисс надеялся найти пищу на отмелях, но берег в этих местах оказался обрывистым, с глубокими промоинами у основания скал. Все, что Гриссу удалось отыскать, это слегка подсохший налет из красной водоросли, сохранившийся выше линии прибоя, но от этой дряни отказалась даже мантия, и уж тем более не пристало ее слизывать трехпалому.

Грисс свистнул еще раз, чуть более раздраженно. Мантия нехотя подползла к нему, вскарабкалась на плечи, окутывая своего хозяина с головы до ног. Цепляясь за валуны, трехпалый поднялся к отверстию и выглянул. Со всех сторон, сколько хватало глаз, к берегу шли огромные волны. Они были бордовые, как облака, но с металлическим отливом и розовой опушкой по гребню.

Грисс ни разу в жизни не видел волн такой высоты. Правда, он никогда так далеко и не уходил от дома. Юный трехпалый жил в маленьком рыбацком селении на окраине Трескучего леса, что широкой подковой охватывал плоский песчаный берег Сонной лагуны. А лагуна потому так и называлась, что и в непогоду вода в ней оставалась вялой, будто перекормленная многоножка. Даже во время зимних бурь малыши-трехпалые могли без опаски бултыхаться на мелководье, а подростки – пасти радужных слизней, высасывающих из донного песка мелких рачков.

От вида яростных волн Гриссу стало тоскливо и страшно. Он

уже жалел, что оставил родное селение, где тихо потрескивают усеянные колючими шарами кроны трескунов, где под большим навесом женщины и девушки готовят похлебку из щупалец многоножек, где старые трехпалые кутают в сытые мантии свои костлявые тела, бахвалясь друг перед другом былыми охотничьими подвигами. Малышня возится в песке, а молодые ловцы чинят снасти, готовясь к большому промыслу. Надо было возвращаться, но узкая тропа, которой Грисс еще вчера пробирался вдоль обрыва, теперь исчезла в мутном вареве штормового прибоя. Конечно, если прижаться к скользкой от несъедобной водоросли скалистой стене и двигаться мелкими шажками, приставляя ногу, то можно попробовать выбраться из западни.

У юного Грисса, сына Олоса, были все качества, необходимые, чтобы в будущем занять место своего отца в команде ловцов, но имелся один недостаток – любопытство. Ему мало было Трескучего леса, что рос у подножия Зубчатого хребта, мало было мирных вод Сонной лагуны, которая кишела съедобной и несъедобной, хищной и безобидной живностью, Гриссу хотелось знать, что находится там, где песчаный берег упирается в гребенку скал, за которой дышит полной грудью Беспредельный океан.

Три дня назад Грисс ушел из селения, когда все еще спали. С собою он захватил только мантию и связку вяленых щупалец. Ловко перебрался через живой частокол – ни один сторожевой трескун не шелохнулся – и быстрыми шагами углубился в прибрежные заросли. Незнакомое пьянящее чувство охватило Грисса. Он впервые оказался совершенно один, без надзора старух, которые в селении присматривали за детьми. Сам решал, что ему делать и куда идти.

Когда Голубое солнце выставило краешек ослепительного диска из-за едва видимой черты горизонта, Грисс уже перебрался через скалистый гребень и оказался лицом к лицу с океанской ширью. Тем памятным утром Беспредельный океан был гладок, словно мантия, облитая древесным маслом. Голубое солнце отражалось в нем мириадами бликов. Грисс даже зажмурился – его большие глаза в глубоких, округлых глазницах не были приспособлены к такому сиянию. Селение круглый год укрывалось в густой тени трескунов, а над Сонной лагуной вечно стояла дымка испарений. Грисс даже испугался, что ослеп, но зрение подстроилось и через несколько мгновений он уже без опаски смотрел на бликующую водную даль, которой и в самом деле не было предела.

Сегодня Голубое солнце не должно было показаться, а

тусклое Красное не могло пробиться через хмарь непогоды. Океан бесновался. Воздух становился все холоднее. Грисс понимал, что голодная мантия не сможет согревать его весь долгий день и всю долгую ночь до следующего утра. Он пожалел, что так беззаботно слопал вчера последние волокна вяленого мяса. Лучше бы накормил досыта льнущее к нему животное! Теперь мантия не столько согревала его, сколько согревалась. Гриссу не оставалось ничего другого, кроме как рискнуть.

Он выбрался из пещеры, спустился к самой кромке прибоя, вздрагивая от ледяных брызг. Тропка, вьющаяся вдоль обрыва, была немного ниже. Грисс ухватился трехпалыми руками за острый гребень нависающего над прибоем валуна, осторожно сполз, погрузился в воду по пояс и нащупал ступнями тропинку. К счастью, ветер дул со стороны океана и прижимал Грисса к скале, а не отталкивал. Он постоял некоторое время, не отпуская удерживающий его камень, а потом осторожно двинулся в обратный путь.

Поначалу путь этот не казался ему столь уж трудным. Ноги с уверенностью нащупывали невидимую под мутной, бурливой водой тропу. Но холод пробирал Грисса насквозь, забирая последние крупицы тепла. Погибающая мантия дрожала мелкой дрожью, цепляясь за беззаботного хозяина из последних сил. Дрожь ее передалась Гриссу, и он уже подумывал, не сбросить ли несчастное животное в океан. Но он понимал, что ответствен за судьбу ни в чем не повинного создания, и это остановило его.

Грисс постарался ускорить шаг, но окоченевшие ноги плохо слушались. К тому же своенравный ветер сменил направление и теперь не столько прижимал юного искателя приключений к скале, сколько пытался столкнуть его в кипящий прибой. Оцепенение сковывало Грисса. Он уже не понимал, что происходит, и двигался инстинктивно. Даже не заметил, как мантия соскользнула с него и исчезла в ревущей воде. Оставшись один, Грисс не долго продержался у скалы. Подмытая прибоем тропка вдруг оборвалась – и юный трехпалый без звука канул в океанский котел.

2

– Замечательный мир! – Доктор ткнул нераскуренной трубкой в иллюминатор, уже залепленный красноватой пеной инопланетного океана.

– Да, – не оборачиваясь, отозвался Пилот. – Жаль, не нам придется его исследовать…

– Увы, – вздохнул Доктор. – Надо же случиться такому невезению. Землеподобная планета в системе двойной звезды – редкость из редкостей, а мы спустились сюда лишь для того, чтобы водички набрать… Расскажи кому в Комитете, засмеют…

– Да-а, хватает у нас зубоскалов, – поддакнул Пилот, которому было сейчас не до разговоров.

Он виртуозно управлялся с любой техникой, способной к полету, но мореход из него был никакой. Тяжелый космоскутер швыряло на океанских волнах словно щепку. Дюзы реактивных движков, пущенных на самую малую тягу, захлебывались обыкновенной морской водой, хотя без напряжения могли вознести многотонную махину на околопланетную орбиту. Будь его воля, Пилот ни за что бы не стал приводняться, но на пути к дому с дальним разведывательным крейсером «Орион» случилась неприятность. Неведомым образом из бортовых цистерн испарилась почти вся вода. При самой жесткой экономии, при условии безупречной работы регенерационных систем, если экипаж перестанет мыться, а питаться будет лишь всухомятку – удалось бы дотянуть до самых отдаленных окраин Солнечной системы. А там пришлось бы ловить заблудшую комету, в надежде вытопить из ее черного льда хотя бы пару тонн пригодной к употреблению H_2O. Однако разведкрейсера не были приспособлены для ловли комет, да и не понятно было, как из выловленной косматой странницы извлечь воду? Поэтому Капитан решил рискнуть и сделать сравнительно небольшой в космических масштабах крюк, чтобы посетить безымянную систему двойной звезды – обычно заслоненную от земных астрономов знаменитым Угольным Мешком.

И у него получилось. Еще на подлете, на орбите красного компонента двойной звезды обнаружилась планета, богатая кислородом и водой. Открытие это было ошеломляющим. Ведь, несмотря на шестьсот лет активных исследований в Коротационной зоне Галактики, пригодные для существования белковых организмов планеты встречались крайне редко. Воодушевленный этим открытием, экипаж «Ориона» рвался в бой, но Капитан был непреклонен. Никакой самодеятельности. Собрать основные данные, и – домой. Они слишком долго находились в Дальнем Космосе, чтобы изучать планетную систему, не предусмотренную программой полета. Даже «по воду» Капитан отпустил с Пилотом только Доктора, который отличался хладнокровием и рассудительностью. Во всяком случае, он не станет рисковать ни собой, ни судьбой всей экспедиции ради погони за какой-нибудь местной океанической живностью. Знал бы мудрый Капитан «Ориона», что кроется за флегматичной

наружностью Доктора.

Космоскутер, словно шалун на салазках в морозный день, в очередной раз скатился с крутобокой волны и тут же начал карабкаться на следующую. С океанской болтанкой с трудом справлялись даже инерционные демпферы, способные спасти экипаж при столкновении космического суденышка с астероидом размером с Весту. Доктор, надежно привязанный к креслу, попытался через плечо Пилота определить, насколько полны заправочные цистерны и когда уже можно наконец стартовать с этой замечательной планеты.

– Еще почти половина, – деловито сообщил Пилот, спиной почувствовав, как до хруста в позвонках вытягивает шею любопытствующий пассажир. – Приходится следить за плавучестью этой лоханки, – добавил он. – А то канем на дно, как допотопная субмарина…

Доктор хотел было высказаться в том смысле, что оно, может, и к лучшему. На глубине нет этой проклятой болтанки, а космоскутеру все равно, откуда стартовать – из надводного или из подводного положения, но он промолчал. Неэтично соваться со своими советами к человеку другой профессии. Ведь Пилот же не суется к нему в операционную и не учит, как накладывать швы. Кроме того, Доктор смутно догадывался, что Пилоту просто претит сама мысль затопить свой крылатый кораблик, чья судьба – сновать между планетами и кораблем-маткой. Доктор перестал вытягивать шею, будто нерадивый школьник, заглядывающий в тетради соученика за соседней партой, и вновь принялся глазеть в иллюминатор. В конце концов для того его сюда и отправили – наблюдать. За иллюминатором катились багряно-глянцевые горы, океанский ветер срывал пенные кружева с их лихо заломленных гребней.

Вдруг что-то мелькнуло в пустынных волнах. Унесенное прибоем дерево? Морское животное? Доктор прилип к иллюминатору. У него перехватило дыхание. В ревущем штормовом океане боролся за жизнь… ЧЕЛОВЕК! Доктор отчетливо разглядел круглую, чуть вытянутую в затылке голову и бьющие по воде руки. Кожа у пловца была серовато-зеленая, но это ничего не меняло. Кто-то крикнул отчаянным фальцетом: – Человек за бортом! – И лишь в следующее мгновение Доктор сообразил, что древняя морская формула, означающая, что собрат терпит бедствие в водной стихии, вырвалась из его уст.

– Где человек?! – ошеломленно переспросил Пилот, впервые за все время дрейфа, оторвавшийся от своих приборов.

– Там! В океане! – сообщил Доктор, возбужденно тыча трубкой в пластик иллюминатора. – Не человек, конечно, но…

явный гуманоид.

Неизвестно, поверил ли ему Пилот сразу или лишь выполнил свой долг, но он тут же запустил биолокатор, выпростав его длинные, тонкие, суставчатые щупы из-под брони космоскутера. Доктор, ни на мгновение не отлипающий от иллюминатора, увидел, как один из щупов мимоходом коснулся головы утопающего, отчего тот в отчаянии забился, видимо решив, что к нему прикоснулась какая-то морская тварь.

– Есть! – воскликнул Пилот, глядя на колонки чисел, бегущих на мониторе биолокатора. – Сложный белковый организм…

– Его нужно немедленно вытащить! – потребовал Доктор.

Пилот во второй раз повернулся к нему.

– Что?!

– Спасти! Он же тонет!

– Вы с ума сошли, Доктор! – отозвался Пилот. – Вы же знаете Устав… Никаких контактов без предварительной подготовки.

– В Уставе такие случаи не предусмотрены, – не слишком уверенно огрызнулся Доктор и добавил: – Я хочу до конца своих дней спать спокойно.

– Дьявол с вами, Доктор, – пробурчал Пилот. – В конце концов вы отвечаете за биологическую защиту корабля.

Он отвернулся и принялся манипулировать щупами биолокатора, которые при необходимости легко превращались в ловчие манипуляторы. Девятый или черт его знает какой вал вознес космоскутер на свою вершину. Хрупкие на вид щупальца крепко держали человекоподобное существо, вцепившееся трехпалыми руками в нечто, напоминающее кожаный плащ.

3

Сначала Грисс подумал, что опять оказался в пещере. Лежа ничком, он видел белый, натеками выпуклый потолок, который плавно переходил в такие же стены. Было тепло и необыкновенно тихо. Трехпалый напрягал слух, но так и не смог уловить шум прибоя. Тогда он прислушался к себе. Вроде ничего не болит. Попытался пошевелить руками и ногами. Слушаются. Попробовал встать. Не тут-то было. Его словно облепило вязкой, невидимой слизью. Гриссу стало страшно. Он решил, что произошло непоправимое: морская тварь, схватившая его тонкими, но невероятно сильными щупальцами, проглотила добычу и теперь он, Грисс, сын Олоса, медленно переваривается у нее в желудке.

А где же мантия? Трехпалый помнил, что успел подхватить ее, прежде чем потерял сознание. Он посвистел, но ответного

писка не услышал. По лицу его скользнула тень. Грисс глянул наверх и увидел, что над ним нависает нечто, похожее на голову гигантского змеекрыла-альбиноса. «Змеекрыл» внимательно посмотрел на трехпалого узкими ярко-зелеными глазами и быстро облизал ему лицо мягким белым языком. Прикосновение было влажным и немного щекотным. Грисс хрюкнул и… внезапно уснул.

Когда он проснулся, белые стены стали оранжевыми, а потолок – зеленым. «Змеекрыла» нигде не было видно. В теле Грисса исчезло ощущение скованности, наоборот – оно было легким, наполненным энергией через край. Трехпалый попытался подняться. Получилось. Соскользнул с ложа, и оно, как живое, расплющилось в блин и слилось с полом. Грисс оглядел себя, ожидая увидеть ссадины и синяки – ведь перед тем, как вынести в открытый океан, волны несколько раз чувствительно приложили его о береговые скалы, – но не увидел даже собственной серовато-зеленой кожи. Подпрыгнув от ужаса, он попытался содрать с себя серебристую слизь, которой был облеплен от шеи до ступней. Слизь не поддавалась.

Настоящий ловец не станет тратить силы на то, что нельзя изменить, поэтому Грисс успокоился и принялся осматривать свое новое обиталище. Меньше всего оно походило на желудок морского гада, скорее – пусть и отдаленно – напоминало округлые хижины родного селения. Правда, в обычной хижине не бывает таких странных оранжевых стен, которые, будто языки пламени, лижут зеленый полукруглый потолок. Трехпалому показалось, что это и в самом деле огонь. Он даже осторожно протянул к стене руку, опасаясь обжечься, но обнаружил, что от нее веет не жаром, а прохладой.

Раздался мелодичный звон. Грисс стремительно обернулся, напружинив мускулы, готовый драться с неведомым хозяином диковинной хижины, если тот решит напасть. В стене напротив открылся глубокий черный проем, словно резко отдернули полог, сплетенный из сухих водорослей, и за ним оказалась темнота, какой Грисс никогда не видел. Даже в дни, когда над Сонной лагуной не восходило ни одно из солнц, небо продолжало светиться. В проеме оказался невообразимо высокий трехпалый, завернутый в мантию редкого ярко-голубого цвета. Ошеломленный, Грисс немедля упал на колени – почудилось, что сам свирепый Бог океана предстал перед ним во всем своем грозном величии.

Оцепенев от ужаса, смешанного с религиозным восторгом, Грисс не сразу сообразил, что кожа на лице «Бога» невозможно бледного цвета, а на руках… на руках лишние два пальца и

совсем нет перепонок. А когда все-таки сообразил, то не удивился. Всем в Сонной лагуне известно, что божества не могут выглядеть, как обыкновенные трехпалые. Покровитель ловцов имеет на пальцах острые иглы, а на спине гребень, как у морского дракона. Всеблагой Бог неба обладает перепончатыми крыльями, как у змеекрыла, а глаз у него – не счесть, и все они сверкают, будто тысячи голубых солнц. А Бог океана – вообще не имеет определенного облика и способен принимать вид любого существа. Так что нет ничего странного, что пред юным трехпалым Ему заблагорассудилось предстать в облике пятипалого бледнокожего великана. Успокоив себя этими благочестивыми рассуждениями, Грисс произнес заветное заклинание:

– О Всемогущий Владыка Беспредельного океана, молю Тебя, позволь мне выкупить щедрой добычей свою жалкую жизнь!

Ответ «божества» вновь поверг его в ужас.

– Могу я войти? – спросил бледнокожий Пятипалый.

Голос его звучал сухо и холодно и доносился словно бы издалека. Грисс едва опять не потерял сознание. Бог спрашивает у него разрешения вступить в обиталище, которое никому, кроме самого Владыки океана принадлежать не может!

Не дождавшись ответа, Пятипалый шагнул в хижину. Черный проем за его спиной затянулся оранжевым. Бог оглядел обиталище, щелкнул пальцами. Из пола вытянулись два белесых сгустка, напоминающие дрожжевые грибы, что росли на гнилых стволах трескунов. Все еще пораженный странным поведением «божества», Грисс, онемев, наблюдал за его манипуляциями. Бледнокожий плавно поводил пятипалой рукой, и сгустки обрели форму глубоких сидений с округлыми спинками и пухлыми подлокотниками – такие вырезали для старейшин племени, когда те уже не могли из-за старости сидеть на корточках.

– Садись! – велел Пятипалый, указав на одно из них.

Грисс послушно перебрался с пола на пухлую мякоть сиденья, а Бледнокожий уселся рядом, закинув ногу на ногу и сцепив на мосластом колене костистые бесперепончатые пальцы.

– Можешь называть меня… Знахарем, – распорядился он.

– Да, Владыка! – смиренно отозвался Грисс, немного освоившись и уже предвкушая, как у себя в селении будет рассказывать об этих невероятных событиях.

– Есть ли у тебя имя? – осведомился Знахарь.

– Я Грисс, – отозвался трехпалый. – Грисс, сын Олоса.

Пятипалый кивнул.

– Будем знакомы, Грисс, сын Олоса, – сказал он и добавил: – Прости, я не могу назвать тебе своего настоящего имени… Ему

нет соответствия в твоем языке…

Трехпалый готов был сорваться с неудобного сиденья и снова пасть на колени. Разумеется, божество не может ему назвать своего имени. Это великая тайна, недоступная даже верховному шаману всех племен побережья. А Знахарь между тем продолжал:

– К сожалению, Грисс, сын Олоса, я не могу вернуть тебя домой.

Грисс лишь смиренно поклонился, едва не сверзившись на пол. Он понимал, что могучий Бог океана взял его к себе в услужение. Это великая честь, противиться которой может лишь безумец.

– Готов служить тебе, могучий Владыка!

– Служить?… – переспросил Пятипалый и растянул зловеще-красные губы, обнажив неприятно белые, разделенные вертикальными трещинами пластины, совсем не похожие на ровную режущую кромку, что синела во рту трехпалого. – Ты будешь учиться, Грисс. Прежде всего ты выучишь мой язык. Потому что в твоем нет слов, чтобы описать тот мир, в котором ты скоро окажешься…

– Я сделаю все, что Ты мне велишь, могучий Владыка!

– Хорошо, Грисс, сын Олоса. Прежде всего велю тебе не называть меня могучим Владыкой… Я уже сказал тебе, что я Знахарь.

– Да, могучий… Знахарь.

– Вот так-то лучше… – одобрил его покладистость Пятипалый. Он хлопнул в ладони, и с потолка спустилось белое тонкое щупальце, кончиком обвивающее прозрачную раковину, наполненную зеленоватой пузырящейся жидкостью.

– Выпей, Грисс! – велел Знахарь. – Это придаст тебе силы…

4

«Уважаемые пассажиры, – объявила робостюардесса, появляясь в проходе между креслами, – наш лайнер приземлился в космопорту Нижнеярска. Температура за бортом плюс тридцать градусов, скорость ветра три метра в секунду, солнечная, малооблачная погода. В ближайшие несколько часов осадки не предусмотрены. Спасибо, что выбрали „Сибирские Межпланетные Линии“. Будем рады видеть вас снова…»

Она повторила то же самое на английском, силингве, языке квадрогадов и втуки, но Доктор ее уже не слушал. Он беспокоился за подопечного. На борту «Ориона» Грисс, сын Олоса, понемногу освоился с миром людей, вернее – с крохотным

мирком, ограниченным корпусом корабля, но уже в Лунопорте юный трехпалый внезапно утратил душевное равновесие. Он старался спрятаться за спину Доктора, то и дело натягивал мантию на голову, хотя никто не обращал на него внимания – мало ли инопланетян в Солнечной системе?

«Как он воспримет Землю?» – в который раз спрашивал себя Доктор.

Нельзя сказать, что во время перелета между системой двойной звезды и Солнечной, Доктор не упрекал себя за легкомыслие. Нет, он не сомневался, что поступил правильно, уговорив Пилота спасти утопающего инопланетянина, но следовало ли брать Грисса на борт? Может, достаточно было высадить на ближайшем берегу? Никто из экипажа «Ориона» не задал ему этого вопроса, даже – Капитан, но Доктор все равно придумал на него ответ.

«Нет, – мысленно отвечал он воображаемым оппонентам, – недостаточно. Нам неизвестно, сумел бы выжить трехпалый в условиях дикой природы, вдали от родного селения или нет, и еще не факт, что несчастный не был изгнан из своего племени, а следовательно – обречен…»

Позже, поместив спасенного в реанимационный бокс, Доктор тщательно изучил мозг трехпалого. Установил возраст, проник в воспоминания и мировоззрение, расшифровал основные речевые конструкты. Он убедился, что имеет дело с подростком, удравшим из своего селения ради знакомства с большим миром и едва не погибшим от собственной глупости. Это открытие несколько утешило гложущую Доктора совесть. В конце концов Грисс, сын Олоса, сам рвался за горизонт, следовательно он, врач дальнего разведкорабля «Орион», лишь исполнил его желание. Впрочем, сейчас, когда роскошный лайнер «СМЛ» опустился на Нижнеярском космодроме, сомнения вновь одолевали Доктора. Ему даже казалось странным, что другие пассажиры ведут себя столь непринужденно. Неужели их ничего не гнетет?

Давление выровнено. Люк разгерметизирован, и можно сходить на берег. Солнечный берег Земли. Оживленно перекликаясь, разноплеменные пассажиры покидали свои кресла, брали с багажных полок шляпы, накидки, плащи, сумочки, рюкзачки и неспешной чередой тянулись к выходу. Не прошло и пяти минут, как салон лайнера опустел.

– Что ж, Гриня, пойдем и мы… – пробормотал Доктор, поднимаясь на нетвердых ногах. – Вставай, межзвездный народ…

Трехпалый повиновался. Он больше не считал Доктора божеством, понизив его до звания старейшины могущественного племени людей, но ведь старейшин тоже надлежит слушаться.

Вслед за Доктором Грисс выбрался в проход, но когда очутился перед выходным люком, из которого лился непривычно желтый, горячий свет, то метнулся назад, к своему месту, взобрался на кресло с ногами и накрылся мантией с головой.

– Ну что же ты, дурачок, – ласково пробормотал Доктор по-русски, подходя к нему. – Это всего лишь солнце… Там… – Он показал рукой в проем люка. – Тебя не ждет ничего плохого…

Трехпалый выпростался из мантии, повертел головой, прислушиваясь к шумам и принюхиваясь к запахам нового мира. Должно быть, звуки, льющиеся снаружи, напоминали грохот прибоя, хотя пахло не морской солью, а разогретым металлом и пластиком. Точно так же, как и на борту «Ориона», к которому Грисс давно привык. Видимо, это его успокоило. По крайней мере, Доктору не пришлось тащить подопечного волоком. Подрагивая, трехпалый сам шагнул на бегущие ступени трапа. Эскалатор его не удивил, ведь он был частью уже привычного корабельного мира. Грисс стоял спокойно, придерживаясь трехпалой рукой скользящих перил, и как завороженный смотрел вниз. Конечно, Доктор показывал ему фильмы с видами Земли, и юный трехпалый уже имел некоторое представление о ней, но увиденное все равно ошеломило.

Нижнеярский космодром был крупнейшим транспортным узлом Восточной части Евразии. Сюда стекались грузы и пассажиры со всей Сибири и Дальнего Востока. Не проходило и минуты, чтобы в небо не поднимался очередной космолет, а на его место тут же не опускался другой. Из-за этого казалось, что громадное взлетно-посадочное поле словно пришито к безоблачной июльской синеве разноцветными нитками – серебристо-белыми, темно-зелеными, желтыми в черную полоску, розовыми в крапинку. Доктора радовала эта яркая картинка – межпланетные корабли он любил с детства и опасался, что повсеместное строительство МТ-станций сделает их смешным анахронизмом.

Конечно, прогресс не остановишь. Вытеснили же квантобусы сначала обычные автобусы, троллейбусы и трамваи, а потом – поезда и самолеты. Автомобили и мотоциклы вымерли под напором гравилетов и гравициклов. Из архаичных средств передвижения выжили лишь велосипеды – ими, как и сотни лет назад, пользовались ради удовольствия и укрепления здоровья.

Космические корабли сопротивляются до сих пор, хотя сеть МТ-станций дотянулась и до Солнечной системы. Когда «Орион» уходил в очередной разведывательный рейс, неподалеку от Нижнеярска, в родном поселке Доктора Малые Пухты, начали строить одну из них. Сейчас, наверное, уже построили. И это

печально, потому что космодром постепенно утратит свое значение. Все реже будут стартовать с него похожие на китов лайнеры «СМЛ», дисковидные корабли амарогролов останутся лишь в визиофильмах о давней войне, а семейные яхты уутов, напоминающие драгоценные кубки, попадут в музеи. Конечно, останется нужда в кораблях класса «Орион», но, чтобы подняться на борт дальнего разведчика, придется вместе с толпами космических туристов тащиться от станции к станции, вплоть до окраин обитаемой части Галактики. Утешало Доктора лишь одно: случится это уже не на его веку.

Занятый печальными размышлениями, Доктор на минуту забыл о юном трехпалом. И напрасно. Грисса, сына Олоса, вовсе не интересовали штурмующие летнее небо космолеты, он с плохо скрываемым ужасом смотрел на толпу встречающих у подножия трапа. Спохватившись, Доктор приобнял инопланетного мальчишку за укутанные живой накидкой плечи и, шепча ласковые слова на родном наречии трехпалого, быстро повлек его к стоянке гравилетов. Нечего было и думать о том, чтобы воспользоваться квантобусом. В час пиковой нагрузки у него неизбежно образуются очереди. Доктор выбрал свободную машину – двухместную скоростную модель. Грисс, сообразивший, что в этой полированной до зеркального блеска «ракушке» можно укрыться от громкоголосой, разношерстной толпы людей и существ самого диковинного облика, с готовностью юркнул в открытую дверцу и умостился с ногами на пассажирском сиденье.

– Ничего, малыш, – пробормотал Доктор, – скоро мы будем дома.

5

«Галактику населяет множество разумных рас, – бубнил синтетический голос симпьютера. – Человечество активно сотрудничает с большинством из них. По договору две тысячи триста двенадцатого года Земная Федерация стала полноправным членом Объединенного Космочеловечества. За последние шестьсот лет удалось разрешить основные противоречия и уладить старые конфликты. Люди, ууты, втуки, триподы, кня, квадрогады, амарогролы, фомальгауты и неоны живут по законам дружелюбия и справедливости. За соблюдением этих законов внимательно следит Трибунал и лично господин Генеральный обвинитель. Мирные обитатели планет и спутников редко встречаются с ним. Ведь Трибунал появляется только там, где случилась или еще только назревает беда. Благодаря открытию

особых свойств пространства-времени, названных явлением мезотропии, в последние годы стало возможным создание широкой сети МТ-станций для сверхбыстрого перемещения между мирами. К сожалению, сеть расширяется не настолько быстро, насколько хотелось бы. Ведь при изготовлении МТ-генераторов используют кристаллы сирениума, редчайшего минерала, который растет на Призраке-V – свободно странствующем в Западном Рукаве планемо. После каждого МТ-перемещения кристалл требуется заменить. И если пользоваться МТ-станциями слишком часто, то месторождение сирениума будет опустошено в считаные годы. А на его естественное возобновление потребуются миллионы лет. В настоящее время ученые Галактики активно работают над выращиванием искусственных кристаллов сирениума, однако получить в них нужные свойства пока не удается. Поэтому по законам ОКЧ все МТ-генераторы находятся на строжайшем учете. Факты нелегального их использования расследуются весьма тщательно, и никому еще не удавалось совершить это преступление дважды…»

Незаметно вошедший в комнату Доктор, которого Грисс по привычке называл Знахарем, жестом велел обучающему симпьютеру замолчать.

– Никому – кроме Ороха-ан-Ороха, бывшего Генерального обвинителя, а ныне закоренелого преступника… – сказал он, опускаясь в заботливо выращенное старательным учеником мыслекресло.

– Что же он такого сделал? – жадно поинтересовался Грисс, который пристрастился к детективным историям из личной библиотеки своего наставника.

– Он совершил три серьезных правонарушения, – принялся рассказывать Доктор. – Во-первых, он нелегально воспользовался портативным масс-проектором, во-вторых, проник на планету, закрытую для свободного посещения, а в-третьих…

Доктор не договорил, остановленный внезапно осенившей его мыслью, но Грисс не заметил этого, потому что от восторга у него пересохло в горле. Он материализовал большой стакан с тархуном, сделал большой глоток и задал вопрос, который почему-то показался ему сейчас самым главным:

– А какая планета закрыта для посещения?

Доктор покачал головой.

– Разумеется, та, где растут кристаллы сирениума, – сказал он. – Не отвлекайся… Сейчас тебе важно понять другое. Законы мироздания таковы, что нельзя просто так переноситься из мира в мир, не заплатив…

– А разве у нас все еще в ходу платежные средства? –

попытался втянуть наставника в дискуссию Грисс.

Доктор лишь невесело усмехнулся.

– Речь идет не о деньгах, – сказал он. – Кстати, эти примитивные средства оплаты у некоторых галактических рас все еще, как ты выразился, в ходу… Речь идет кое о чем более ценном – о времени. Ты же изучал основы теории относительности: чем быстрее движется объект, тем медленнее течет для него время, тогда как на планете, которую он покинул, оно движется с прежней скоростью. Иными словами, если перемещаться между звездами на квантобусах, понадобилось бы мгновение, чтобы перенестись, скажем, из твоего селения сюда…

– Но в моем селении прошли бы сотни столетий! – подхватил юный трехпалый, не упускающий возможности блеснуть эрудицией. – Парадокс Эйнштейна-Соболева… Да, но ведь и «Орион» использует технологию квантовых скачков, а следовательно… – Доктор странно посмотрел на него, и Грисс осекся. До него дошел весь ужасный смысл сказанного. – Следовательно… в Сонной лагуне никого из моих не осталось… – упавшим голосом договорил он.

– Да, Грисс, – нехотя подтвердил Доктор, отводя взгляд. – Благодаря тому, что «Орион» перемещался все же не мгновенно, на твоей планете, малыш, прошла примерно половина земного столетия… То есть около сотни ваших лет…

Ответ Доктора прозвучал как приговор. Гриссу стало страшно. Страшно и холодно, будто его опять смыла штормовая волна. Он закричал:

– Это нечестно!.. Я не просился к вам!.. Верните меня домой!

Доктор поднялся во весь свой немалый рост. Навис над съежившимся в кресле трехпалым.

– Да, это нечестно, Грисс, сын Олоса, – твердо произнес он. – Правда, когда ты падаешь и расшибаешь коленки, это тоже не очень честно со стороны матушки-природы. Верно?! Однако ты не жалуешься, потому что понимаешь, не на кого жаловаться. Никто не хотел причинить тебе зла…

– Это совсем другое… – угрюмо пробормотал трехпалый.

– Нет, это то же самое… Если бы тебя сюда перебросил, скажем, Орох-ан-Орох, он был бы виновен и со временем – наказан. Но никто не виноват в законах времени и пространства. Мы можем тебя отправить на родную планету, но что ты будешь делать там один, в мире далекого будущего?

К этому вопросу Грисс не был готов. Да ни к чему не был он готов. Одно дело – с упоением читать земные приключенческие книжки, где герои лихо скачут по времени и планетам. Другое – самому оказаться в такой передряге.

– Я не знаю… – почти прошептал он и добавил упрямо: – Я только знаю, что меня отправил сюда не Орох-ан-Орох, а вы, Знахарь…

Теперь он не мог поднять глаз на Доктора, который молчал довольно долго.

– Да, ты прав, – признал тот наконец. – В твоем исчезновении из родного мира и – что хуже – времени виноват я. К сожалению, из-за аварии «Орион» не мог двигаться медленнее и сэкономить на времени не получилось. Однако не забывай, что от этого пострадали все, кто находился на борту нашего корабля. Мы потеряли около двадцати земных лет вместо семи, восьми… И все-таки… как полноправный гражданин Объединенного Космочеловечества ты имеешь право обратиться в Трибунал с требованием дать юридическую оценку моему поступку…

– А мне это поможет? – почти без иронии спросил Грисс.

– Нет, дружище, – произнес Доктор. – В прошлое не вернуться… Хотя я и сам бы не отказался от такой возмож…

Он осекся. Грисс понял, что Доктор чего-то недоговаривает.

– Может быть, все-таки есть такая возможность? – В глазах юного трехпалого загорелась надежда.

– Лишь эффект мезотропии дезавуирует парадокс Эйнштейна-Соболева, – задумчиво проговорил Доктор.

– Да, – кисло отозвался Грисс. – Только когда на моей планете построят МТ-станцию, я превращусь в дряхлого старика, и молодые трехпалые вырежут мне кресло из окаменевшего дрожжевого гриба…

– Есть и еще одно средство, – нехотя признался Доктор, – но если мы воспользуемся им, то уподобимся беглому преступнику Ороху-ан-Ороху…

6

Им повезло и не повезло в то же время.

На ближайшую сотню независимых лет Призрак-V обрел дневное светило – безымянного красного карлика. Собственными планетами карлик не обзавелся или давно уже потерял их, коротая вечность в окружении нескольких астероидных поясов. Они осеняли крохотную звезду тускло мерцающим ореолом, словно вокруг затухающего костра расселись путники, и огонь отражался в их усталых глазах. Вторгнувшись в эту идиллию, планемо разрушило стройный хоровод больших и малых каменюк. Путники у костра подрались. В мертвенном свечении холодного солнца разыгралась грандиозная космическая битва –

астероиды сталкивались друг с другом и карликовой звездой, образовывали временные коалиции, обрушиваясь на более массивных соседей, и тут же разрывали союзы, исступленно тараня недавних соратников. Покушались драчуны и на виновника схватки, но коварный Призрак-V на время отрастил плотную шубу атмосферы, которую пока не удалось пробить ни одному серьезному космическому снаряду.

Бортовому симпьютеру пришлось туго. Если избежать гравитационной чехарды, пробившись к блуждающей планете над плоскостью эклиптики, у него получилось без особого труда, то управлять крохотным кораблем в бушующей атмосфере он оказался неспособным. Пришлось Доктору перехватывать управление. Поневоле вспомнилось, как болтало космоскутер в океане родной планеты Грисса. Тогда за штурвалом сидел многоопытный Пилот. У Доктора летного опыта не было, но обязательные курсы управления малотоннажными судами для персонала Дальней Разведки он окончил достойно и теперь, насвистывая сквозь зубы популярный шлягер, лихо орудовал реактивными рулями, выравнивая раскачивающийся под порывами ураганного ветра кораблик. Доктору удалось втиснуть суденышко в узкое ущелье в горном хребте, откуда начиналась тропа, ведущая к месторождению сирениума.

Выбравшись из ложемента, Доктор отворил дверь в пассажирский отсек, где обнаружил измученного качкой Грисса.

– Я вижу, тебе досталось, малыш, – ласково обратился он к трехпалому. – Отдыхай, я сам отыщу кристалл.

Но Грисс, сын Олоса, упрямо помотал головой – этому жесту он научился на Земле.

– Я пойду с вами, Знахарь, – слабым голосом произнес Грисс. – Ведь из-за меня вы здесь…

– Хорошо, – согласился Доктор. – Пойду сварю кофе… Позавтракаем и отправимся с божьей помощью…

Они вышли через полчаса, облаченные в тяжелые скафандры, которые, впрочем, весили на поверхности планемо не больше обычного костюма. За бортом корабля их встретила метановая пурга. Оранжевые в свете далекого холодного солнца хлопья снега норовили залепить прозрачные колпаки шлемов, но подогрев скафандров справлялся, и потому путников сопровождали облачка рыжеватого пара. Правда, чтобы пробиться через сугробы, Доктору и Гриссу пришлось бы превратиться в раскаленные болванки. Несколько часов они барахтались в снегу, но не продвинулись дальше чем на километр. И Доктор сдался. Да и трехпалый изрядно выдохся. Удрученные, они вернулись к кораблю. Им пришлось еще повозиться, чтобы раскопать люк.

Совершенно обессиленные, Доктор и Грисс несколько минут лежали в шлюзе, прежде чем система дезинфекции очистила и высушила их скафандры.

Призрак-V вращался стремительно. Вскоре наступила глухая беззвездная ночь, озаряемая лишь вспышками метеоров, сгорающих в плотной атмосферной шубе. Наспех попив чаю, Грисс ушел к себе отсыпаться. А Доктор остался у иллюминатора, посасывая погасшую трубку. За обшивкой корабля бесновалась инопланетная пурга. Доктор нарочно включил внешние динамики, чтобы послушать ее вой. Недоставало лишь потрескивания поленьев в камине и пляшущих языков живого пламени.

По расчетам Доктора, на планемо, упрямо пролагающем путь сквозь им же взбаламученную систему красного карлика, в это время не должно было быть ни одного корабля. Постоянной добычи сирениума на Призраке-V не вели. Лишь изредка сюда прилетали рудовозы, и под охраной сотрудников Галактического Трибунала, при строжайшем соблюдении протокола, велась добыча строго ограниченного количества минерала.

Насколько Доктору было известно, нарушения тысячелетнего порядка случались всего несколько раз за всю историю разработки месторождения. Самым вопиющим был случай, когда на Призрак-V прибыл с инспекцией сам господин Генеральный обвинитель, принадлежащий расе фомальгаутов, Орох-ан-Орох. Никто не знает, что случилось с рассудком сего почтенного сановника, когда кто-то из сопровождавших его чиновников продемонстрировал ему уникальный черный кристалл сирениума. О черном кристалле в Галактике ходили разные слухи, одни утверждали, что он делает своего обладателя едва ли не бессмертным, другие говорили, что он только возвращает утраченную молодость, а третьи уверяли – и этим третьим Доктор склонен был верить больше всех, – что камушек перемещает вспять по оси времени. Неизвестно, к какой именно из теорий склонялся Орох-ан-Орох, к тому времени уже достигший весьма почтенного возраста, но, как установило следствие, он похитил у одного из своих сотрудников портативный масс-проектор, вставил в него черный кристалл сирениума и… исчез.

Когда робослуги обеспокоились, что Генеральный обвинитель слишком долго не покидает своей каюты, они ворвались в нее, но хозяина там не было. Поначалу Ороха-ан-Ороха искали по всему кораблю, потом – за пределами корабля, в ледяных отрогах планемо, которое в то время скиталось в межзвездном пространстве, а потому было тихо и пустынно. Тщетно. Генерального обвинителя и след простыл. Единственным

правдоподобным объяснением могло быть лишь то, что фомальгаут переместился в неизвестном направлении. Орох-ан-Орох был объявлен в галактический розыск, но так и не был найден. Дело пришлось замять. Ведь не каждый день Генеральный обвинитель становится беглым преступником. И все-таки слухи о его бегстве попали в Векторы Контакта и разлетелись по всей Галактике. Достигли они и ушей Доктора, который верил, что черный кристалл способен возвращать в прошлое.

И вот теперь, сидя у иллюминатора и тоскливо глядя на собственное отражение в темном стекле, Доктор спрашивал себя, на что он рассчитывал, затеяв эту авантюру? И ладно бы вляпался в нее сам, ему, дальнему разведчику, не впервой попадать в разные передряги, но он втянул в это сомнительное предприятие еще и мальчишку, которому расти да учиться. Зачем Гриссу, сыну Олоса, возвращаться в прошлое? Не лучше ли, получив соответствующее образование, вступить в Корпус Миссионеров Разума – недавно созданной организации по распространению знания и прогресса среди отсталых миров, – чтобы принести на свою планету факел просвещения или как это они там называют? Разве можно, поддавшись детской истерике, кинуться очертя голову на край света лишь для того, чтобы заглушить чувство давней вины? Доктор не находил ответов на эти вопросы, но, будучи человеком импульсивным, стремительно принимал решения.

Скорый рассвет занялся над заснеженными отрогами. Метель утихла. Оранжевые снега, выстилавшие дно ущелья, вспыхивали крохотными рубинами в лучах восходящего солнца. Одинокая фигура в скафандре пробивала дорогу в сугробах. Труднее всего пришлось Доктору на первых трех километрах, потом сугробы стали ниже, а местность – заметно ровнее. Миллиарды лет назад древние звезды исторгли из своих недр кристаллы сирениума. Колоссальная энергия сверхновых таинственным образом сохранилась в структуре минерала и целиком высвобождалась при активации, но и когда сирениум оставался в состоянии покоя, энергия понемногу сочилась из него. Неудивительно, что никакая метель не могла замести месторождение, поэтому Доктор обнаружил его еще издали. Невзрачно-серая уступчатая равнина поднималась к близкому горизонту. Из-за атмосферной рефракции казалось, что месторождение лежит в глубокой котловине.

Когда толстые подошвы скафандра коснулись кристаллических друз, в буквальном смысле лежащих под ногами, Доктор почувствовал себя святотатцем. Повсюду, сколько

хватал глаз, были залежи сирениума. Багровое солнце поблескивало в синеватых гранях сирениума, рождая над месторождением множество радуг. В струях нагретого воздуха они дрожали и переливались, рисуя причудливые миражи. Наклонившись вперед, Доктор принялся медленно обходить участок за участком, высматривая среди обыкновенных кристаллов легендарные черные. Во всей этой авантюре попытка отыскать черный сирениум была самым опасным делом. Хотя честнее всего было признать, что проникновение на планемо не авантюра, а преступление. Доктор и не собирался это скрывать ни от собственной совести, ни от Галактического Трибунала. Главное, найти заветный кристалл и вернуть мальчишку на родину, а там можно и под суд.

Доктору повезло. Не прошел он и двух километров, как обнаружил одинокий кристалл, цветом заметно отличающийся от остальных. Правда, он был скорее не черным, а темно-фиолетовым, но сомнений быть не могло – это он! Затаив дыхание, Доктор вынул из кармашков на бедре молоток и зубило. Сирениум не отличался высокой твердостью. Несколько точных ударов, и черный кристалл лежал на ладони нелегального добытчика. Теперь осталось вставить его в гнездо в портативном масс-проекторе, установить на шкале галактические координаты родной планеты Грисса и отправить найденыша домой, свалив с души одно бремя и приняв другое. Но пока нужно было вернуться к кораблю, разбудить трехпалого и морально подготовить его к переброске. Доктор спрятал добычу в карман и, насвистывая «Волшебную тарелочку Галактики», отправился в обратный путь. Он был уже почти у входа в ущелье, когда всю долину накрыла густая тень.

Это был корабль неизвестной Доктору конструкции. Разумеется, всех типов космических кораблей знать он не мог, мало ли их сходило со стапелей, но в длинной, непроницаемо-черной, веретенообразной конструкции, стремительно снижавшейся над оранжевоснежной долиной, было нечто глубоко чуждое, вызывающее тревогу. Не похоже, что странствующий мирок удостоился официального визита правительственного корабля. Скорее всего, это были злоумышленники. Такие же, как и Доктор, нелегальные рудокопы. И что-то подсказывало нелегальному рудокопу с медицинским дипломом, что «коллеги» вряд ли ограничатся одним-единственным кристаллом. Опасаясь, что его заметят, Доктор поспешно отступил под защиту стен ущелья.

Неизвестный корабль неумолимо надвигался. Он был менее чем в полукилометре от поверхности, когда внезапно окутался

облаком ярко-голубого света, от которого по оранжевой долине разбежались контрастно-зеленые тени. Посредине днища вспыхнул треугольник красных огней, выпуская вниз пульсирующие алые нити, вдоль которых, словно деревянные паяцы на веревочках, начали спускаться темные фигуры. Доктор невольно принялся их считать. Один, два, три, четыре… пятнадцать… двадцать пять… Кем бы ни были незваные гости, они высаживали серьезный десант. И не стоило уточнять – с какой целью. Доктор и не стал. Со всех ног бросился он к своему кораблику, думая только о том, чтобы довести начатое до конца, а дальше будь что будет… Он успел добраться до шлюза. Люк вдруг распахнулся – и навстречу Доктору выскочил Грисс в скафандре.

– Грисс, малыш! – выкрикнул Доктор. – Хорошо, что ты здесь!

– Я проснулся и увидел, что вас нет на месте, Знахарь, – откликнулся трехпалый по радио. – Я испугался, что с вами что-нибудь случится…

– Все в порядке, Гриня, – пробормотал Доктор, вынимая из кармана заветный черный кристалл. – Масс-проектор при тебе?

– Да, Знахарь, вы же велели с ним не расставаться…

Грисс расстегнул внешнюю, негерметичную оболочку скафандра и показал укрепленный на поясе кожух портативного передатчика материи.

– Молодец, малыш, – похвалил Доктор. – Теперь открой вот эту крышечку… Ага… А теперь мы вставим сюда этот кристаллик…

– Вы его нашли, Знахарь?… – волнуясь, спросил трехпалый. – Он тот самый, да?! И скоро я буду дома?!

– Ты даже не подозреваешь, как скоро… – отозвался Доктор. – Все готово! Отойди от корабля метров на двести и нажми вот эту клавишу.

– Но как же, Знахарь… – удивился Грисс. – Вот так, сразу? Я не готов, я думал… Вы прилетите ко мне еще раз?!

– Прилечу, мой мальчик… Обязательно прилечу… Ты будешь уже совсем взрослым… А теперь делай, что я сказал!

Грисс, сын Олоса, трехпалый уроженец безымянной планеты в системе безымянной двойной звезды, подчинился приказу землянина. Потому что и теперь, когда он узнал столько нового об окружающем мире, Знахарь оставался для него божеством. Но не жестоким Владыкой Беспредельного океана, а добрым божеством врачевания, которому в Сонной лагуне поклонялись лишь знахари и матери, обеспокоенные здоровьем своих детей.

Трехпалый отошел к стене ущелья, как можно дальше от корабля и человека.

– Я буду вас ждать, Знахарь!

– Прощай, малыш! – отозвался Доктор.

Блеснуло фиолетовое пламя. Горячий порыв ветра смахнул снег с уступов скалистой стены. Грисс, сын Олоса, отправился домой. А его попечитель остался у корабельного люка в глубоком раздумье. Доктору очень хотелось забраться внутрь надежного корпуса, не снимая скафандра, кинуться в ходовую рубку и немедленно стартовать. Пусть потом будет Трибунал, не страшно. За содеянное нужно отвечать. В конце концов, если ему предложат выбрать место ссылки добровольно, он попросит разрешения отправиться на родную планету своего воспитанника… Да что там – воспитанника… сына! Однако идея эта была хороша еще какие-то десять-пятнадцать минут назад, когда он, бывший бортовой врач корабля Дальней Разведки «Орион», был единственным правонарушителем на этой блуждающей планетке. Теперь же, благочестивое намерение сдаться судебным властям попахивало трусостью и дезертирством.

Доктор дистанционно подключился к передатчику корабля и передал в эфир кодовое сообщение для Галактического Трибунала, известное каждому дальнему разведчику. Он знал, что те, кому следует, обязательно откликнутся на сигнал тревоги. Не пройдет половины независимого часа, как на Призрак-V вылетят патрульные корабли. Но в эти полчаса следовало помешать неизвестным совершить задуманное, что бы они там ни замыслили. Пусть на первый взгляд залежи сирениума выглядят неисчерпаемыми – это лишь небольшое месторождение на крохотной планетке, от существования которого зависит судьба всей Галактики, жизнь, здоровье, семейные и дружеские узы, безопасность, культурный обмен сотен обитаемых миров, объединенных сетью МТ-станций.

В наушниках скафандра пропел ответный кодовый сигнал. Диспетчерская Галактического Трибунала приняла сообщение. Насвистывая «Волшебную тарелочку Галактики», Доктор отправился разбираться с незваными гостями.

Янь Данко
По ту сторону двери

«Продай корабль», – говорили старшие.

«Продай уже развалюху, – говорили молодые. – Кого собрался возить на ней? Таких же нищих?»

«Это настоящий раритет! – говорили музейники. – Продашь его – купишь новый, посовременней. За нами не заржавеет».

«Ничего, – кряхтел сторож, – сломаешься, плюнешь на принципы. Родную мать продашь, не то что старый челнок. Музейники, поди, заждались».

Клим качал головой. Продать «Врана»? Память об отце? Перед внутренним взором сразу же возникал корабль. Клим будто оказывался на космодроме. Слух баюкало ворчание двигателя, пахло бором и сваркой, чуть заметно вибрировал корпус, перемигивались прожекторы, чертя впереди световую дорожку, словно красный ковер для важных особ. И знал пилот – продай он корабль, купи новый, это будет уже не то ворчание, не тот блеск, не та дорожка из света и пыли. С «Враном» его душа обретала крылья. Клим сам назвал корабль. Раньше у этого космического бродяги был только номер. А вместе с именем появился характер, появилась душа.

Продать? Никогда!

Нетерпение корабля, его безмолвную готовность к полету Клим ощутил за несколько километров до космодрома. Мчась по ночным улицам, он словно бы слышал рокот двигателей. И, уже ныряя в пилотское кресло, вновь прислушался к дремлющей машине. Рано, рано еще списывать кораблик!

– Ничего, потерпи, старина. Еще один рейс, теперь – последний, – приговаривал он, пробуждая корабельные системы, – ожили экраны, засветились кнопки, тумблеры и контрольные датчики.

Клим не торопился, мягко жал клавиши. «Вран» отвечал надсадным кашлем, сипел и жаловался на судьбу. Это уже превратилось в игру – вначале поплакаться, отнекиваясь от работы, потом лихо взмыть в небо и петь от радости, забыв о «болячках». «Сегодня – последний раз», – успокаивал себя Клим. И так все время. А завтра будет новый день, новые задачи, новым людям понадобятся перевозчики. Не качеством бери, так количеством.

– Сегодня у нас – тонна. Не веришь? А ведь обещали хороший

куш. Да, Вран, за какую-то тонну. Вот, смотри, вот он, транспортный лист. Сгоняем на Планету Двери?

Заказчиков не остановил даже сертификат безопасности второго уровня, не остановила юность пилота, и даже ночь не была помехой. Клим и не спорил, срочно значит срочно. Доставка освежит «Врана», а на вырученные средства Клим подарит ему новый энергоблок.

По-хорошему следовало заменить двигатель. И бортовой компьютер. И корпус. Интересно, с какого времени можно будет считать, что это уже другой корабль? Не Вран, не его старый друг.

Хватит и энергоблока для начала. Они будут брать заказы безостановочно, любые, даже самые сомнительные, отобьют покупку, еще подкопят, и тогда пилот обзаведется квартирой. И заберет мать с зараженных территорий. Осталось только доставить этот груз.

Клим ощутил мелкую противную дрожь, завидев необъятный контейнер, въезжающий в грузовой отсек. Словно кошки заскребли на душе. Трое человек в деловых костюмах старались не касаться контейнера.

Уверенными шагами, не толкаясь, наниматели поднялись на борт. С первого взгляда Клим определил в них «холодных» людей. Он не мог объяснить это чувство, но всех людей делил на «холодных» и «теплых». Присмотревшись, Клим понял, что ошибся. Гости на корабле не были «холодными» людьми. Они – не люди вовсе. Они роботы. Бьются сердца, вздымается грудная клетка, а внутри – бездонный колодец, пожирающий деньги, знания и чужое тепло.

– Готовность к старту? – безо всяких приветствий спросил старший, со следами пластики на фальшиво бодром лице, и протянул Климу сопроводительный лист. Перед взглядом пилота возникли руки с синюшными вздутыми венами и костлявые пальцы.

Клим принял документ с таким же каменным выражением. Эта игра казалась нелепой, будто нормальные люди вдруг нацепили картонные маски. Но, похоже, нанимателей «игра» устраивала.

– Есть готовность к старту!

– Расчетное время прибытия?

– Шесть часов, господин.

– Можешь не выделываться перед нами, Климентий, – дребезжал голос старшего. – Доставим и разбежимся, ты забудешь наши имена, а мы – твое. Контракт подписал?

Пилот молча протянул мятую бумажку. Предметные отношения: ты машина, я машина, наша вотчина рутина.

Обслужись – и по домам.

– Отказ от ответственности, отказ от гарантий, не требовать медосмотра, не вскрывать контейнер, не вставать на заправку, максимально доступная скорость, режим радиомолчания. Хорошо, Клим.

Похоже, всерьез его не воспринимали. Отсюда это пренебрежительно-покровительственное отношение, «тыканье» и тот жирный след от ботинка посреди палубы. Клим смолчал. Даже «Вран» притих, закончив проверку систем. Клиент всегда прав, не так ли? За все годы работы ни одной жалобы, что от клиентов, что на клиентов. Но Клим нутром чуял: сегодня безупречной репутации придет конец. Слишком темна эта апрельская ночь.

Разрешение на взлет получено. Взревели движки. Корабль помчался над взлеткой и устремился в небо. Сидящие на «галерке» наниматели кряхтели от перегрузок. Вот он, еще один недостаток старых судов – отсутствие противоперегрузочных камер. Вдаль ушли огни космодрома, города и поселки подмигивали ровными линиями фонарей. Паутина жизни, так прозвал эти линии Клим.

Спустя четверть витка вышли на дневную сторону. Внизу рыжим мочалом цвели зараженные земли. Ужасающая красота заполнила иллюминаторы. Разбитые дороги, пустые глазницы небоскребов, пожелтевшие озера, выжженные поля и леса. Всякий раз Клим включал телескопы, заставляя себя снова и снова рассматривать запустение.

Кое-где еще были живы электростанции. Не все могли покинуть опасные сектора, благо причина запустения – не радиация. Всего лишь очередная ошибка эволюции, перешедшей в неосторожные человеческие руки. Новый сорт злаков, быстрорастущий и вытесняющий сорняки, должен был принести высокие прибыли, а принес болезни и смерть, повсеместно отравляя воздух. Но даже под постоянной угрозой смерти не все готовы были покинуть насиженные места, родовые поместья и могилы близких.

Его пассажиров не занимали ошибки прошлого. Их вообще ничего не занимало. Сели, уставясь прямо перед собой, не переговариваясь, не двигаясь, словно хотели исчезнуть из этого времени и проснуться в будущем. Клим задавался вопросом – зачем целых трое? Что они такое сторожат?

Тайком наблюдая за клиентами, пилот выводил корабль на орбиту, рассчитывал гравитационные маневры, разгон и торможение. Он и корабль дышали в унисон, обмениваясь цифрами и командами. Климу нравилось это чувство единения с

машиной. Он не верил, что наступит день, когда полет станет рутиной. Тогда и жизни не будет – останется глупое, механическое существование.

Иное дело – ученые. С ними не соскучишься, и даже через триста лет они не останутся без работы. Должен же кто-то изобретать продвинутые двигатели, изучать звезды и другие цивилизации.

И Планету Двери, да.

Так это загадочное место прозвала пресса. На скромном куске камня обнаружили следы чужих технологий. Атмосфера поддерживалась искусственно, потому что никакой естественной атмосферы на маленьком каменном планетоиде существовать не может. Местами скальная порода была срезана непостижимо ровно. На планетоиде было только одно направление – сквозь множество парадоксов и пространственных искажений гости приходили к Двери, вплавленной в гору. Ученым только раз удалось попасть вовнутрь, но они тут же обнаружили себя на противоположной стороне планетоида, так и не успев ничего понять.

С тех пор миновали десятки лет, и почти каждый год к Двери отправлялась очередная экспедиция. Все тщетно. Диковинка упрямо хранила свои тайны.

Даже не вскрывая грузовой контейнер, не задавая вопросов, Клим знал цель полета, и это убаюкивало подспудную тревогу.

Спустя пару часов наступило затишье. Автоматика делала свое дело, позволив Климу небольшую прогулку. Сказать по правде, он не собирался сворачивать к грузовому отсеку. Но с некоторых пор события приняли необратимый ход.

Всего лишь стук, как будто дребезжит металл. Так случалось, если груз плохо закреплен и мелкая дробь просыпалась на пол.

Вот только вскоре Клим понял: никакая это не дробь. Из-за рельефной стенки доносился крик, настолько тихий, что Климу пришлось перестать дышать, чтоб расслышать. Крики, а потом снова стук, столь отчаянный, что пробился даже сквозь звукоизоляцию. Что они везут в этом ящике с собственным мотором и колесами? А вернее – кого? Кто отчаянно бьется об стены и зовет на помощь?

Словно чугунный молот ударил по голове: нужно вытащить пленника! Забыв обо всем, Клим рылся в ящике инструментов. Отвертки, разводные ключи, даже резцы по металлу вряд ли спасут. Клим попробовал вскрыть панель управления, жал на кнопки разгерметизации. Бесполезно.

Вот, нашел! В его руках оказался миниатюрный ЭМИ, самодельный излучатель. Без колебаний пилот направил его на

груз. Как и следовало ожидать, капсула аварийно открылась. С шипением из металлической коробки повалил пар. А внутри… Клим выругался.

Серебристые стены и ремни перемазаны кровью. Человек забился в угол, обнимая себя разбитыми руками. Клим не увидел лица, не увидел одежды, но глаза незнакомца… В них такая печаль, такая безысходность, что Клим невольно подался назад. Зачем он его выпустил? Надо закрыть поскорее и уходить. Сейчас их застукают, и контракту конец.

Только не мог он сдвинуться с места, напуганный чужим страхом. Безнадежность, густая, как деготь, останавливала и не отпускала. Незнакомец едва шевелился, хотя еще недавно бился в отчаянии. Господи, что с ним сделали?! Как вообще такое бывает на свете?

– Ты… кто?

– Андрей. – Парень махнул рукой. – Помогите мне. Я… помогите! Выпустите меня!

– Я открыл. – Клим облизал губы. Вот и все, достигнута точка невозврата. И это придало голосу Клима твердости. – Ты больше не в железной коробке. Выходи.

На какой-то миг Андрей просиял. Руки шустро расстегнули ремни, ноги, точно пружины, бросили парня на свободу. Но вдруг пленник застыл, словно не понимая, где находится, почему и зачем. Он уперся кулаком в стену, потом коснулся стены лбом и стал медленно опускаться на пол.

– Тебе плохо? – Клим подался вперед. – Эй, Андрей, ты слышишь меня?

Собравшись было протиснуться в капсулу, пилот услышал шорох. Не от его нового знакомца, нет. Клим обернулся. За его спиной, как тени, стояли все трое нанимателей. Их лица ничего не выражали.

– Вы нарушили обязательства исполняющей стороны. Пункт «не вскрывать контейнер». Штраф за нарушение обязательств составит пятьдесят процентов вознаграждения.

Резкий переход с ты на вы огорошил Клима даже больше, чем сказанное. Деньги его сейчас не волновали. Все вылетело из головы.

– Что… да что вы с ним сделали? Что происходит?! Я сообщаю в полицию!

– Клим, – старший двинулся прямо на него, – ты не понимаешь. Он подписал контракт. Его тело завещано науке. Будет выплачена страховка, все бумаги в порядке. Не смотри на него. Это живой мертвец. Кто-то рождается, кто-то умирает. Разве тебя должно это волновать? Лети, куда велено. Избавимся от

груза, получишь свои бабки, и свободен.

Вдруг пленник напомнил о себе. Он сипел – несчастный сорвал горло, крича в этом проклятом контейнере.

– Доктор, мне плохо. Доктор, я…

– Пациент номер три-пять-четыре-восемь, потерпи!

– Ему плохо. – Клим подступил к доктору, с вызовом впившись в него взглядом.

– Да не плохо ему, ерунда. Он совершенно здоров. Клим, займи свое место. А ты – свое. – Наниматель кивнул Андрею, поднимающемуся с пола. На миг пленник воодушевился, но сразу стал безучастным. Уронив голову на грудь, Андрей уснул на полу.

– Он умер? – Клим пошатнулся.

– Да нет, дышит. Идем.

Держа за локоть, его сопроводили в пилотскую рубку. И вовремя – наступило время последних маневров и финального разгона. При всем желании помочь Андрею Клим не мог позволить кораблю сбиться с маршрута. Ресурсы ограничены, умная автоматика могла запросто дать обратный ход, не окажись пилота на месте вовремя.

И все-таки Андрей не выходил из головы. И этот доктор, для которого весь мир – словно живые мертвецы, вроде его пациента. Получается, они везут не оборудование, а этого парня на необитаемый планетоид. Стоянка две минуты, а значит, его там оставят. И с этим ничего не поделаешь, контракт есть контракт.

Будь проклята эта работа! Не зря сверстники говорили: это не его.

Взгляд Клима уткнулся в экран. Нет, они не правы – его. Иначе он бы не сливался в одно целое с «Враном», чувствуя корабль лучше, чем себя. Космический зверь мог бы и взбрыкнуть, не признавая воли хозяина. Мог бы показать всю свою мощь! Так нет же! Слушается! Достаточно легкого нажатия клавиш.

В отчаянной надежде Клим бросил взгляд через плечо. Трое мужчин в костюмах сидели, дымя электронками. Лица нанимателей так и остались пустыми.

– Не курите в салоне, прошу вас!

– Клим, – голос старшего звучал устало, – у тебя первоклассные регенераторы воздуха, ты даже не почувствуешь.

– Я не почувствую, зато он… – Пилот многозначительно глянул на железный потолок, погладив край панели управления.

На него смотрели как на чокнутого. Клим узнавал этот взгляд – точь-в-точь как сторож на том космодроме.

«Вы, молодые, – говорил сторож, – привязываетесь к технике, думаете, у нее душа есть. Но все это бабкины сказки, слышишь? Как и любовь, долг, родина. Главное – куш побольше, чтоб кредит

дали. Тебе, кстати, одобрили?»

Разумеется, пилота не послушали. Продолжая пускать ароматный дым, трое не смотрели друг на друга.

– Этот пациент – научная неудача, – наконец заговорил старший. – То, что ты наблюдал, это агония эмоций. Она не убьет парня, просто он утратит всякую мотивацию, и постепенно все его жизненные функции угаснут. Но мы летим к Планете Двери, а значит, у пациента еще есть шанс.

– Шанс выжить?

– Шанс протянуть подольше. Излучение Двери замедляет регресс эмоций, несмотря на все вживленные чипы. Мы не сможем их вытащить при всем желании – операция была необратима, функциональная часть мозга и органов пациента заменена имплантами, взаимодействующими как единая сеть. Мы не можем вернуть все назад. Но можем помочь ему продержаться дольше, осознать себя в новом качестве. Мы милосердны, видишь? А могли бы просто усыпить в лаборатории.

Термин «усыпить» Клим уже слышал. Он относился к животным – кошкам и собакам, – которые смертельно больны. Но чтобы применять его к людям, даже просто на словах… Пилот вцепился в подлокотник. Его взгляд застыл.

– Это уже не человек, пойми, Клим. Его мысли путаются, чувства угасают, но иногда вспыхивают гораздо ярче, чем у любого из нас. Он сгорает во имя науки, подсветив нам верный путь. Однажды мы найдем решение. И тогда поступок Андрея оправдает себя. Да и что светило бы ему в этом мире? Он не ученый, не актер, не астронавт, не художник. Таких миллиарды.

– Но ведь так нельзя!

– Еще один Валлерстайн нашелся, – донесся голос другого человека в костюме. – Этот старый зануда.

– И зануда молодой. Два сапога пара.

Старший строго обернулся на спутников, тонувших в мутном дыму. Убедившись, что те замолчали, кивнул пилоту:

– Клим, он знал, на что идет. Андрей принял решение самостоятельно, без давления, без навязывания. Уверен, у него были свои причины. Разве это не свобода выбора?

Взгляд Клима заплутал меж трех пассажиров. Ни один из них не поддержал его, только потупился самый молчаливый.

– Но нельзя же его просто взять и бросить!..

Эх! Кто будет слушать вчерашнего выпускника, простого извозчика? В этом большом мире, чтобы решать хоть что-нибудь, нужно пробиться наверх. Деньги, связи, должности. Надо было послушать друзей, пробивать себе дорогу. Что может, в сущности, маленький человек?

Ничего.

А если маленький человек – прирожденный пилот, летающий на собственном космическом корабле?

Нет, все равно не складывается.

Клим отвернулся. Экраны, цифры, орбиты, редкие приезды к матери с целым багажником лекарств. Это его жизнь. Ему есть о ком заботиться. Дался ему какой-то Андрей!

Чтобы отвлечься, Клим запустил проверку всех систем.

«Груз» никак не шел из головы.

Клим взялся проверять маршрут, снова и снова пересчитывал формулы. Корабль уже тормозил. Пришли результаты самодиагностики: «Вран» в полном порядке. Парой незаметных движений Клим дал команду готовить шлюпку, потом начал перепрограммировать автоматику.

«Ничего, сломаешься, плюнешь на принципы», – стучало в голове.

«Угу. Конечно. Уже сломался», – отвечал Клим воображаемым собеседникам.

Никто не видел, разве что сам корабль: голубые глаза пилота заволокло мраком и лишь на самом дне редкими проблесками мигал огонек.

Заходили на посадку молча. «Вран» лег на орбиту, начав снижаться витками. Клим полностью сосредоточился на управлении, а пассажиры глазели в иллюминаторы. Словно издеваясь над нанимателями, «Вран» закрыл иллюминаторы керамическими пластинами.

Внезапно корабль тряхнуло. Но ни один мускул на лице Клима не дрогнул – он предвидел это смещение и учел в расчетах. Зато наниматели запаниковали, топот трех пар ног за спиной явственно выдал клиентов. Пилот включил камеру наблюдения на входе в грузовой отсек. Любо-дорого смотреть на выражение их лиц.

– Здесь. – Старший был потрясен. Подтянутое лицо исказилось и будто постарело.

– Он здесь. – Самый молодой даже подскочил к капсуле, где по-прежнему сидел Андрей.

– Тогда какого черта?! – Третий клиент яростно сжал кулаки, обернулся, уставясь прямо в камеру наблюдения.

Клим потупился, даже уверенный, что его не видно. Прожигать взглядом – редкий талант начальников и деспотов.

Убедившись, что их ценный пассажир, по совместительству – груз, на месте, «пиджаки» поспешили в рубку. Снова топот ног, опять грязные следы в начищенных коридорах «Врана».

«Извини», – прошептал пилот, касаясь панели управления,

прежде чем в рубку ворвались сердитые наниматели.

– Клим, что вы задумали? Это ведь шлюпка? – с ходу подскочил к нему старший.

Пилот даже не оторвался от пульта. Знал, что иначе он не решится. Он ведь не герой какой-то, он – простой извозчик.

– Ничего я не задумал, господин. Просто… я отправляюсь с ним.

– Что вы сказали?!

Клима попытались схватить за плечо – он едва увернулся.

– То и сказал, что нельзя его так просто бросить. Нельзя, понимаете? – Пилот вздохнул, затылком чуя очередную точку невозврата. – Я с ним, хотите – верьте, хотите – нет.

– А корабль?

– Все продумано. Автопилот довезет вас обратно. Сторож позаботится о корабле. Вам не о чем беспокоиться.

Взгляд старшего говорил: «Правда, что ли? Не сдурел ты часом?» Наниматель стоял рядом и в то же время бесконечно далеко.

– Не делайте этого, Клим. Мы готовы простить вам эти выходки и выплатить полный гонорар. Забудьте о своей глупой затее.

– А чего вы испугались? Разве это не свобода выбора?

– Похоже, тебя не убедить.

– Ну и пусть себе остается, плевать.

Клим уже не слушал их, корабль стоял на струе, а потом плавно опустился на ровную площадку, выжженную множеством судов.

Сели.

Последний взгляд на пульт, последние команды кораблю, последнее касание упругого кресла, последние шаги по родной палубе. Стоянка всего две минуты, и Клим собирался вписаться в расписание. Он не успеет переодеться, захватит немного вещей и вскоре будет стоять вместе с Андреем на безопасном расстоянии от взлетающего «Врана».

Поразительно, его план удался. Но лучше бы все провалилось. Лучше бы эти трое наставили на него оружие. Ведь наверняка носят, было бы странно, если б не носили. Может, им просто плевать? В суд он на них подаст, что ли? Молодой человек, нарушивший условия контракта, против мегакорпорации.

– Прощай, Вран, – шептал Клим, вжимаясь спиной в скалу.

Здесь не было ничего, кроме серого неба и такого же серого камня. Хмуро и безжизненно.

На Андрея он старался не смотреть. Все это из-за него –

какого-то психа, что пошел на безумный эксперимент. Парня, который и двух слов связать не может. Но злиться не получалось. Странное чувство, незнакомое доселе, что он все сделал верно, охватило Клима.

– Зачем ты это сделал?

Пациент, обреченный на смерть, смотрел на пилота вполне трезво, опираясь на скалу пораненными руками. Клим долго разглядывал Андрея с удивлением и гордостью. Значит, чудеса все-таки бывают?

– Я не мог иначе.

– Твой корабль. – Андрей указал на глубокий след в темнеющем небе. – Они могут сделать с ним все что угодно.

– Зачем деловым людям лишние хлопоты? Мой корабль для них – старая развалюха. Груз доставлен, автопилот вернет их обратно. Все. Контракт выполнен.

Парень не ответил. Так и смотрел на Клима.

– Он мне от папы достался.

– Корабль?

Клим кивнул. Ему не хотелось об этом говорить.

– Идем к спасательной шлюпке. Поедим, обработаем твои раны и…

– Оставь. Я не ранен. – Андрей мельком глянул на руки. – Это так, ерунда. Гораздо хуже, что от меня скоро и следа не останется. Пустая оболочка, способная дышать, двигаться, мыслить. Но я… моя личность исчезнет.

– Почему ты на это пошел?

Андрей опешил, задумался.

– Это все Милана, сестра, – сказал он нехотя. – У нее есть проект по очищению зараженных территорий. Ну, знаешь такие? Грант ей не дали, и нам в жизнь столько не заработать. Вот я и… Нет, все были настроены на успех, понимаешь? Супервозможности, создание сверхчеловека. В контракте было про провал, конечно, но как иначе? И я подписал. Только потом узнал, что это не первый эксперимент. И неудача тоже не первая. Посмотри на эту планетку. Они десятки лет ссылают сюда всех тех, кто не прошел преобразование. Не удивлюсь, если мы найдем кости.

Клима передернуло.

– Андрей, у меня мама на зараженных территориях.

– Сочувствую.

До шлюпки они все же добрались. По пеленгу. Шли несколько часов. Не заметили, как стемнело. Последние полчаса блуждали в потемках, спотыкаясь о продолговатые камни, очень тонкие и

хрупкие. Клим старался не думать, *что* это может быть.

Холодные скалы пугали. Клим чувствовал себя чужаком, которому здесь не рады. Даже под прикрытием шлюпки ему было боязно.

Он накормил Андрея и принялся обрабатывать его раны.

– Так что это за эксперимент все-таки? – спросил Клим с опаской, вполголоса.

– Создание гибрида. Человека с компьютером, так они сказали. Гибрида, способного пропускать через себя электричество. Супергерои и все такое. Как в сериалах. Мечта идиота.

Андрей виновато потупился. Слова звучали отстраненно, насмешливо. Клим засмотрелся на его задумчивое лицо: скулы, вздрагивающие при каждом слове, глаза с болезненным блеском…

– Ну, знаешь, очередная попытка применить технологии продвинутых цивилизаций, чтоб достичь их уровня. Ай!..

Андрей подул на царапину, которую пилот как раз пытался обработать.

– Говорят, это место посетила цивилизация второго типа, если по шкале Кардашева. То есть цивилизация, энергопотребление которой сравнимо с мощностью звезды. Да не смотри на меня так. Я не ученый. Доктор Валлерстайн мне все объяснил. Любит общаться с подопытными, не то что этот в костюме, который меня за куклу считал.

– Я заметил. Меня как бы тоже.

Андрей сочувственно кивнул. Но пузырек с перекисью отнял и отставил подальше.

– Если б не Валлерстайн, я б и не продержался столько. С сестрой общаться не давали, из лабы не выпускали… Слушай, зачем я тебе все это рассказываю?

«Потому, что я последний, кто тебя видит», – подумал Клим, но промолчал. Пилоту не довелось еще столкнуться со смертью. Телевизор, новости – это совсем не то. Думал, он готов ко всему. Но такого и представить не мог! Мертвец как ни в чем не бывало читает ему лекции и отказывается от медпомощи. Клим задумался. Что отличает обреченных от тех, кому еще жить и жить? А ничего не отличает.

– Зачем вообще все это нужно? – продолжал Андрей. – Я имею в виду общение, дружбу, делиться. Нецелесообразно! Только трата энергии. Ну, почему ты молчишь? Не стесняйся. Хотя, знаешь, я понял. Валлерстайн еще говорил что-то о морали. В том плане, что прогресс – это не только изобретение более крутых железок. Ну, придумаешь ты прибор, потом –

суперприбор, и что с того? Есть еще и прогресс морали. Только высоконравственная цивилизация пойдет правильным путем, бла-бла-бла. А в другом случае начнется война, катастрофа, эпидемия и цивилизация откатится в развитии. Это как предохранитель, встроенный в устройство мироздания. Старик так и назвал его – «предохранитель Валлерстайна». Клим, ты мне ответь, почему так важна эта нравственность? Почему в нее вечно все упирается? Это же нелогично. Вот улей, там каждая пчелка готова собой пожертвовать, и одна жизнь ничего не значит, кроме разве что королевы.

Клим опять не ответил. Для него слова Андрея были проявлением болезни. Его новому другу становится хуже с каждой минутой! А значит, скоро конец.

– Нужно добраться до Двери. – Клим накрыл ладонью крупную руку Андрея.

– Заче-е-ем?

Удивление в голосе Андрея мешалось с ленью.

– Надо.

Луч прожектора освещал дорогу. Они карабкались по пустынным холмам, потом придерживались подозрительно ровной скалы, обходили места, где под землей рождалась вибрация. Шли молча и даже не переглянулись.

Заговорили, наткнувшись на кости.

– Клим, видишь это? Вот оно, наше племя. Выкидыши прогресса.

Пилоту не понравился этот смех – злой, выморочный, черный. Хотелось плюнуть на все и сбежать, завести шлюпку и лететь куда подальше. Зачем он сюда подался? Сидел бы дома, считал деньги, помогал матери. Это не только логично, но и правильно. А здесь он чего ради?

Обратно не отмотать. Надо идти до конца.

Он просто не будет «холодным» человеком. Как Андрей. Стоит над костьми собратьев и со словами про Бедного Йорика карикатурно поднимает череп. Кого тут, спрашивается, защищать?

Дверь они увидели на восходе. Черная скала без каких-либо зазоров, замочных скважин, ручек, кодовых замков. Но каждый школьник знал, что вот это – Дверь с Планеты Двери. Ее показывали по телевизору, рисовали художники, вставляли в учебники. Вот только цвет Двери был не черный. Простая чернота не может казаться провалом в ничто. Для изображения Двери использовали краску вантаблэк, но даже она не могла передать истинный цвет артефакта.

– Клим, а Клим? Что с твоим папой? Что случилось?

Пилот вспомнил «Врана». Вопросы об отце напоминали ему о корабле, а корабль – об отце, навеки связанные, словно в этом металле, керамике и кремнии сохранилась душа родителя.

– Он был среди ликвидаторов. А потом заболел. Похоронили у дома, где мама сейчас живет.

– Отважный мужик был. Ты весь в него. Жаль, что такие…

Клим почувствовал напряжение, разлитое в воздухе, нарастающий гул отдавался в костях черепа. Пространство стало густым, осязаемым и нестерпимо громким. Клим упал на колени и, скорчившись, зажал уши ладонями.

А потом Дверь пропала и открылся проход. Стало тихо. Теплый оранжевый свет заполнил пещеру. Не сговариваясь, они с Андреем шагнули внутрь, боясь даже вздохом нарушить воцарившуюся тишину. Им почудились голоса. Родителей, друзей, недавних нанимателей в пиджаках. Тех, кто есть и кого никогда не будет, и тех, кто был, но уже пропал. Шум собственных мыслей, шум памяти в лицах, словах и событиях.

Когда Клима отбросило, он как раз пытался дернуть Андрея за плечо, чтоб указать ему на танцующий камень. Но камень успел быстрее. Подскочил, вывернулся наизнанку и воспарил. А вместе с ним воспарил и Андрей. Что-то вроде силового поля держало его, а из камня били яркие лучи. В голову, в грудь и в живот.

Все закончилось через минуту. Или Клим утратил чувство времени. Андрей плавно опустился на пол, камень захлопнулся, спрятав нутро, и вернулся на свое место.

Клим взвалил друга на плечо и вынес на свежий воздух. Казалось неправильным держать его в этой пещере, будь она даже сто раз высокотехнологичной.

Дыхание бедолаги, исчезающе редкое, наконец пришло в норму. Лежа на коленях пилота, он открыл глаза. Расширенные зрачки выдали – парень витает в совсем иных мирах.

– Андрей, Андрей, ты слышишь меня?

Клим шлепал его по щекам до тех пор, пока тот не взглянул на него осмысленно. Почему-то пилот вспомнил детство, как говорил маме, что хочет брата. Мама отвечала, что они будут постоянно ссориться, драться за игрушки, а Клим смеялся и говорил, что пусть хоть такой, но все же – брат.

– Да хватит уже лупить меня! Зануда. То перекись свою суешь, то… – Глаза Андрея сделались лукавыми, в них заиграли смешинки. Хоть что-то живое! Так чудеса бывают все-таки? – Ну, что уставился? Цел я, цел. Они что-то сделали, сказали, теперь я свободен. Убрали все железки, заменили живыми органами. Иначе я бы не проснулся больше.

– Как?

– Телепортация, наверное. Как иначе? Здорово, правда? Но знаешь, что главное?

Должно быть, выражение лица Клима о многом говорило, так что Андрей прыснул. Потом откинулся назад. Все же он был еще слишком слаб.

– Главное, что я был не один на планете. Мы пришли к Двери вдвоем. Они сказали – это было испытание, сможем ли мы распорядиться совершенными технологиями по чести и совести? И знаешь, мы провалили испытание. Мы – это все люди. Предсказуемо, правда? Но с твоим приходом они поняли, что не все потеряно для человечества. И спасли меня. Я чувствую себя самим собой. Не понимаю, они что, годами сидели там, за Дверью?

– Не знаю… Но я все время чувствовал, что за нами кто-то наблюдает.

– Я тоже. Они дождались нас, а могли давно разувериться и улететь.

– Может, это автоматика?

– Кто его знает. Но теперь я буду жить и вернусь к сестре. Не такой, каким обещал, ну что ж теперь. – Андрей оглядел себя, потом вдруг уставился на товарища. – А вот ты, Клим, настоящий супергерой.

– Спи давай. Потом поговорим. Ты должен набраться сил. Нам еще к шлюпке топать и спасателей дожидаться.

За их спиной, очерченная рассветными лучами, стояла Дверь, такая же, как и прежде, не пропуская внутрь ни человека, ни робота, ни даже свет.

Александр Градов
«Джек, ты любишь мороженое?»

Я работаю смотрителем на кладбище: убираю могилы, протираю пыль на памятниках, ставлю живые цветы в вазы. Участок у меня – более ста захоронений, и за каждым требуется тщательный уход. Особенно перед посещением родственников. Кладбище-то наше непростое, что называется, не для всех, сами понимаете… Большинство родственников еще ничего, но есть среди них такие… Чуть что – сразу жалуются директору: почему, мол, цветы несвежие, пыль не вытерта, жухлые листья на дорожке? Хотя на самом деле я все убираю, а цветы вообще меняю каждый день – как положено. Просто хочется им погонять смотрителя, норов показать. Пусть терпит и улыбается, работа у него такая…

С утра пораньше я беру тележку, щетки, тряпки, метелки – и вперед, на участок. Пока все обойдешь, приберешься… А если в этот день еще и посещение, так вообще забот полон рот. Два часа пройдет, пока блеск наведешь. И перед завершением надо непременно проверить сенсорную панель, чтобы работала. А то как бывает: придет посетитель, а голограмма барахлит, изображение плывет. Скандал, да и только! Родственники возмущаются: они же за тем приходят, чтобы со своими усопшими пообщаться, а не просто так у могилы постоять. За это и деньги платят, причем немалые.

Пока посетители со своими общаются, я тихонько в стороне стою, не мешаю. В строгом черном костюме и белой рубашке. На лице – подобающее случаю скорбное выражение. А затем подхожу и вежливо спрашиваю, не нужно ли чего, нет ли каких пожеланий. И обязательно провожаю посетителей до выхода, где, как правило, получаю чаевые. Но дают далеко не все – богатые, знаете ли, часто жадные… Но все равно я стою и кланяюсь – работа у меня такая.

У каждого из нас, смотрителей, есть свои любимые могилы. Нет, вы не подумайте, это не связано с чаевыми, тут совсем другое… Как бы это объяснить? В общем, убираешь такую могилу, и чувствуешь какую-то особую ауру. Словами не передать, это самому ощущать надо… У меня тоже такая есть – семьи Имамото. Выглядит она очень скромно: простая черная базальтовая плита с двумя именами: Лиза Имамото, тридцать восемь лет, и Джек Имамото, десять лет. Мать и сын.

Я хорошо помню ту историю, о ней много говорили. Лиза и

Джек погибли в автомобильной катастрофе – в их прогулочный мобиль на полном ходу врезался тяжелый грузовик. Что-то случилось с тормозами, не успел остановиться. В общем, двадцать пять тонн металла и бетона (а грузовик перевозил балки для нового небоскреба) смяли легкий мобиль в лепешку…

Хоронить оказалось почти нечего – сплошное месиво из человеческой плоти и горелого пластика. Но все-таки похоронили, а затем господин Имамото заказал голограмму. Очень дорогую. Хорошая получилась, Джек и Лиза на ней как живые. Господин Имамото денег не пожалел… Посмертная голограмма – дорогое удовольствие, не каждый может себе позволить, но он уже тогда был богатым человеком, президентом крупной корпорации. А затем поднялся еще выше, стал министром…

После похорон господин Имамото часто навещал могилу своих близких. Придет, бывало, сядет на скамеечке и разговаривает с женой и сыном. Час, два – как позволяет время. Такому деловому человеку времени всегда не хватает. А у ворот кладбища его всегда ждал большой черный лимузин с личным шофером – везти на заседание совета директоров или на совещание в министерство. Занятой был человек, что и говорить. Кстати, чаевые он давал всегда хорошие, никогда про них не забывал.

* * *

Со временем господин Имамото стал бывать реже, иногда не появлялся по несколько месяцев. Я понимал – дела, заботы, министр все-таки… Но на День поминовения он всегда приходил и возжигал свечи – как положено.

Однажды мне сказали, что господин Имамото придет на кладбище в обычный, будний день. Я удивился – а как же работа, он же такой занятой человек? Но потом понял: господину Имамото, видимо, хочется побыть наедине, пообщаться с Лизой и Джеком без лишних глаз. И ушей тоже. Хотя у нас и закрытое кладбище, посторонних людей не бывает, но все-таки…

В традиционные поминальные дни народу всегда много, как ни скрывайся, а все равно будешь у всех на виду. В будни же почти никого нет, тихо, спокойно… Вот господин Имамото и решил прийти в такой день. Тем более что пошли слухи о его скором назначении премьер-министром, и внимания к нему стало еще больше. Как тут спокойно поговорить со своими родными?

И вот с раннего утра я ждал его. А до того еще раз прошелся

тряпочкой по плите, подмел дорожки и освежил цветы. Затем переоделся в черный костюм и встал у ворот. Смотрю, в десять часов он идет. Но не один, а с молодой красивой дамой. Та цепко держала его за руку и буквально висела на нем. И вообще вела себя так, будто имеет на него какие-то особые права. Ну, вы меня понимаете…

Я поклонился и, как положено, проводил господина Имамото и его спутницу к могиле. Молодая дама оставаться не захотела – сразу же пошла гулять по кладбищу. Что понятно: многие наши памятники – настоящие произведения искусства – сделали известные скульпторы. И за очень большие деньги… Господин Имамото грустно посмотрел ей вслед, но ничего не сказал. Только вздохнул тяжело и вызвал голограмму жены. Он всегда так делал – сначала с ней говорил, а потом уже с сыном. Такой уж у него был заведен порядок…

Значит, вызвал господин Имамото Лизу, поговорил. О чем, я, разумеется, не слышал – нам запрещено близко подходить. Однако заметил, что Лизе разговор этот очень не понравился – хмурила брови и сердито поджимала губы. Но потом все-таки кивнула. А что ей оставалось делать? Голограммы ведь не для того созданы, чтобы спорить с родными, а для того, чтобы только общаться…

Потом господин Имамото вызвал сына. Он обрадовался, стал, как всегда, что-то говорить, но господин Имамото прервал. Опустил виновато голову и прошептал что-то. «Нет, ты не можешь!» – воскликнул Джек. Да так громко, что даже я услышал, хотя и стоял на приличном расстоянии.

Господин Имамото снова тяжело вздохнул и развел руками – прости, мол, сынок. Попрощался с ним быстро и выключил голограмму. А тут и его молодая спутница пришла – нагулялась уже. Подхватила она господина Имамото снова под руку и потащила на выход. Тот шел и спотыкался, еле ноги переставляя, так плохо ему было. И даже забыл дать мне чаевые, впервые за многие годы. Впрочем, я не обиделся – понимал, что ему сейчас не до того. Даже жалко его было…

Конечно, если разобраться – жизнь есть жизнь, живые должны думать о себе, а не о мертвых. Но, как бы вам сказать… Одним словом, в тот день у меня на душе было очень грустно, как будто пошел серый осенний дождь…

* * *

После этого господин Имамото долго у нас не появлялся,

целых пять лет. В поминальные дни вместо него приходил специальный человек – возжигал свечи и следил, чтобы все было так, как надо. Но я всегда прилежно исполняю свои обязанности, и претензий ко мне не было.

Накануне очередного Дня поминовения мне сказали, что господин Имамото посетит кладбище. Я очень обрадовался – давно пора, а то Джек с Лизой начали скучать. Конечно, голограммы чувств не имеют, это так, но я давно заметил, что если могилу долго не посещают, то они как бы тускнеют, выцветают. И дело тут вовсе не в технике…

В десять часов утра я, как всегда, был у ворот кладбища. Вот появился господин Имамото, а с ним – девочка лет четырех, маленькая, хорошенькая, просто загляденье. Очень на господина Имамото похожая. Я проводил их до могилы, а затем встал неподалеку, чтобы послушать. Впервые за много лет я нарушил строгую инструкцию…

Господин Имамото сначала вызвал жену, Лизу. Та бросила короткий взгляд на девочку, понимающе кивнула и попросила выключить ее голограмму. Что господин Имамото и сделал. Затем он вызвал Джека. Тот также посмотрел на девочку, улыбнулся и произнес:

– Здравствуй, как тебя зовут?

– Юми, а тебя? – спросила малышка.

– Джек.

– Джек, ты любишь мороженое?

И они стали беседовать. Я хотел еще послушать, но меня неожиданно вызвало начальство, а когда я вернулся, то Джек и Юми уже прощались.

– Пока, приходи еще! – махал рукой Джек.

Юми кивнула. Джек, видно, ей очень понравился. Господин Имамото был очень доволен, просто сиял. После этого он стал часто бывать у нас, почти всегда – с маленькой Юми. Лиза держалась с девочкой прохладно, а Джек болтал охотно и подолгу.

* * *

Прошло несколько лет. Юми потихоньку росла, господин Имамото старел, только Лиза и Джек не менялись, оставались все такими же. Мертвые, знаете ли, не стареют. Новая жена господина Имамото больше ни разу у нас не появилась – наверное, некогда ей было.

Затем господин Имамото опять надолго пропал, на полгода. Я

уже начал волноваться – не случилось что? Хотя, с другой стороны, сообщили бы, ведь он человек богатый, известный. Наконец господин Имамото снова появился, и я заметил, как он сдал, постарел. Наверное, долго болел… Потом жизнь снова вошла в привычное русло…

И вот настал день, которого я ждал и боялся. Юми пришла на могилу вместе с матерью, обе они были в траурных платьях. Я низко поклонился и, как обычно, проводил до могилы.

– Ты уверена, что тебе это надо? – нервно спросила госпожа Имамото.

– Да, – твердо ответила внезапно повзрослевшая и очень серьезная Юми, – это моя обязанность, мой долг.

– Ну, как знаешь, – пожала плечами госпожа Имамото.

И Юми осталась одна. Она подождала, пока мать отойдет, а затем вызвала голограмму Лизы. Та мельком взглянула на ее траурное платье, черную вуалетку и все поняла.

– Где его похоронили? – только спросила она.

– На городском кладбище, – тихо ответила Юми. – Мама не захотела, чтобы его хоронили здесь. Но вы не волнуйтесь – отец заплатил за вашу могилу на десять лет вперед, а затем буду платить я.

– Зачем тебе это надо, девочка? – грустно улыбнулась Лиза. – Ты молодая и, очевидно, скоро забудешь о нас. У тебя своя жизнь, друзья. Зачем тебе чужие мертвецы? Да и мать твоя наверняка будет против…

– Нет, – упрямо повторила Юми, – я стану навещать вас. И мать не сможет этого запретить, не имеет права. Да и невыгодно ей, потеряет деньги.

– Разве не она наследовала все состояние? – удивилась Лиза.

– Нет, я единственная наследница, – ответила Юми. – И, по условиям завещания, сама распоряжаюсь деньгами. Такова предсмертная воля моего отца. Мать это знает и препятствий мне чинить не станет. Понимает, что ей лучше со мной не ссориться…

Лиза кивнула:

– Хорошо, пусть будет так. Ты, наверное, хочешь поговорить с Джеком?

– Да, если вы не против.

– Как я могу быть против? – горько усмехнулась Лиза. – Я лишь голограмма. Разговаривай сколько захочешь, он только будет рад этому.

Юми вызвала Джека. Тот очень обрадовался, заулыбался, замахал руками. И они стали беседовать. А я стоял в сторонке и тихо плакал. Но не от горя, а от счастья. Я очень был счастлив, что у Джека и Лизы появится новый опекун. Значит, они не

останутся одни. Никто не должен оставаться один, ни в этом мире, ни в другом.

На выходе с кладбища Юми дала мне чаевые, очень хорошие – как раньше ее отец. Госпожа Имамото скривилась, но ничего не сказала. Кстати, она больше на кладбище не приходила, а вот Юми приезжала довольно часто. Конечно, не каждую неделю и даже не каждый месяц, но в поминальные дни и праздник – обязательно. Разговаривала с Джеком и с Лизой, а я, как обычно, стоял и ждал, не будет ли каких приказаний. Но ничего обычно не бывало.

Шло время. Юми сменила школьное платье на форму престижного столичного университета, затем – на деловой костюм одного из солидных банков. Значит, у нее все было хорошо. Потом Юми надолго исчезла, ее не было пять или шесть лет. Я уже стал думать, что она забыла о Лизе и Джеке. Что ж, бывает. Возможно, она вышла замуж, уехала далеко… Жизнь-то идет, а мертвые… Что мертвые? Они подождут, никуда не денутся. В конце концов у них есть я, их верный смотритель.

Но однажды она вернулась. Я, как обычно, прибирал могилу, когда Юми неожиданно появилась. Да не одна, а с девочкой трех-четырех лет. Очень хорошенькой. Юми вежливо поздоровалась со мной, а потом вызвала Джека.

– Смотри, Лизи, – сказала она, – это твой дядя Джек. Поздоровайся с ним!

– Здравствуй, дядя Джек! – прощебетала малышка. – Ты любишь мороженое?

Далия Трускиновская
Скука на орбитальной

На сорок шестой трассе, как всегда, случилось недоразумение.

С пятнадцатой через мигрирующий прокол туда волокли двадцать два контейнера с деталями и исходниками, чтобы на орбитальной станции, которая бесполезно нарезала круги вокруг Гаммы-М-103, смонтировать большой принтер. И потом этот принтер, получив откорректированное с учетом особенностей планеты задание, будет мастерить челноки для спуска и подъема разведки, грузовые челноки и вообще все то, что потребуется при первом этапе освоения Гаммы-М-103.

Но это же сорок шестая трасса. Когда и что на ней делалось по-человечески?

Исходники прибыли все, какие мы заказывали. Часть деталей для принтера по дороге исчезла, вместо них мы обнаружили детали для «Кальмара», точнее, для шести «Кальмаров», и то не все. Кроме того, было два кухонных агрегата и прекрасное новенькое оборудование для глубоководной геологической разведки. Одна беда – Гамма-М-103 покрыта слоем льда, и что там, под этим слоем, пока непонятно. Может, вода, может, вообще пустота. Даже если вода – «Кальмары» потребуются еще не скоро.

А ведь где-то кто-то, уже готовый к подводной деятельности, получил вместо них детали для большого принтера.

Прокол – мигрирующий, и рассчитать, когда он снова откроется поблизости, конечно, можно. Вот только повадки у этих проколов отвратительные. Скорее всего, ждать его придется месяца два, если не полгода.

И деваться некуда.

Орбитальная – примерно тысяча кубов пространства. Но из них половина – технические помещения, включая санитарную зону, и оранжерея. Есть еще большие боксы, в которых должен стоять принтер, есть эллинги для челноков и катеров. Однако для жизни двух десятков человек приспособлено примерно пятьсот кубов. Вот и крутись на них, как знаешь.

Хорошо, что сейчас нас не так уж много.

Значит, надо как-то развлекаться.

* * *

Релакс-зону устроили возле оранжерей, с выходом в санитарную зону и в спорткомплекс. Объем у нее – кубов восемьдесят, не больше. На этом пространстве есть диваны, столики, бар с напитками (безалкогольными, конечно, алкоголь обычно прячут в каютах), бильярд, площадка для игр и танцев, большой голографический куб – чтобы полная реальность любого сюжета.

Орбитальная – типовая, и заведует релакс-зоной личность также типовая: женщина средних лет, не слишком красивая, чтобы не возникло недоразумений из-за ее благосклонности, с дипломом психолога-соционициста. Она должна быть готова к тому, что здоровые и сильные духом мужчины будут хныкать у нее на плече, вспоминая первую любовь. Поскольку было два случая суицидов на орбитальных, она должна быть еще и тренированным переговорщиком. И умение развеселить впавшего вдруг в черную депрессию бортинженера тоже приветствуется. Просто развеселить – когда человек смеется, считай, полдела сделано.

Нашего психолога звали Ирина. И мы на нее, в общем-то, не обращали внимания, когда сидели в релакс-зоне или играли в бильярд. Ну, есть такая, ну, присматривает за нами из своего уголка, почесывая за ухом зайку.

Зайки были изобретением очередного дармоеда, который, числясь при Разведкорпусе, проверял на нас свои блажные психологические затеи и ставил эксперименты. С чего-то вдруг его осенило, что мы должны не то что скучать, а яростно тосковать по домашней живности, кошечкам и собачкам. По всем этим мохнатым, надоедливым, с грязными лапами и мокрыми носами. Так в релакс-зонах появились зайки – обшитые синтетической шкуркой маленькие роботы, способные к самообучению. Они были не совсем зайцы, скорее шиншиллы с кролика величиной. Зайки скакали по полу, затевали друг с дружкой догонялки, кувыркалки и смешные драки. Они еще и разговаривали, причем иногда вставляли реплики в наши мужские разговоры очень кстати.

Сама Ирина сперва была не в восторге от этого изобретения, потому что перепрограммировать такое простенькое создание для грамотного человека – раз плюнуть, и всегда находился чудак с извращенным чувством юмора, обучавший заек всяким мелким безобразиям. Не очень-то приятно, когда идешь из санитарной зоны, распаренный и расслабленный, потеряв всякую бдительность, и вдруг у тебя в ногах что-то путается, пищит и пытается по тебе взбежать до плеча.

Однако розовая зайка стала Ирининой фавориткой и постоянно лежала у нее на коленях.

Итак, мы приготовились изнывать от безделья. И догадывались, что к концу третьей недели скуки следует ожидать сюрпризов.

* * *

Яромир скучал по семье. Иногда он рассказывал о своих – о старшеньком, о младшенькой, о жене Злате. На орбитальной он оказался, чтобы заработать в экспедиции денег и перевезти семью с Дзетты-2 на Ауристелу. Ауристела – это своя атмосфера, мягкий климат, прекрасные пляжи. Дзетта-2 – это тесные поселки под куполами. Естественно, домик на Ауристеле стоит немногим меньше, чем весь поселок под куполом.

Иржи тоже нуждался в деньгах. Его непутевый братец свалился в расщелину вместе с огромным, на шестьдесят мест, транспортом. Людей спасли, транспорт спасать было бесполезно. Был суд, водителя приговорили возместить ущерб, а это – полжизни работай в шахтах Тауринды. Делать нечего – нужно выручать.

Этьен по природе был молчун-одиночка. Он как раз и искал такое место, чтобы народу поменьше. В релакс-зоне он тоже молчал, сидя со стаканом сока и грызя сырные сухарики.

Марк – специалист-гляциолог, ему не терпелось попасть на лед. Его наняла какая-то компания, причем название он тщательно скрывал. Что уж эта компания собиралась добывать из этого льда, мы и догадаться не пытались, понимали только, что гонорар Марка ждет весьма почтенный.

Сигурд тоже забрался на орбитальную не из любви к дальним странствиям…

У каждого из нас была вполне материальная причина осваивать Гамму-М-103. И всех нас очень раздражало затянувшееся бездействие.

Мы просто чувствовали, как с наших банковских счетов улетают деньги. Этого быть не могло, мы еще ничего не заработали, а на вынужденном простое получали какие-то жалкие суточные. Но мы так чувствовали!

И уже начали злиться.

* * *

До заячьих боев додумался Иржи.

Маленькие роботы имели достаточно памяти, чтобы

прописать в ней легкую агрессивность. Каждый из нас взял свою зайку и, спрятавшись с ней, настраивал ее в меру своих способностей к программированию. Одновременно мы придумывали правила турниров.

Конечно, к нашим услугам был голокуб, мы могли слепить из блоков хоть римских гладиаторов, хоть чертей из преисподней. Но зайки – другое дело. Яромир додумался – его зайка, предчувствуя поражение, кидалась спасаться на руки к тому из нас, кто сидел ближе. В первый раз это вызвало пятиминутный хохот.

Ирина сидела со своей розовой зайкой в стороне, наблюдала и только однажды посоветовала Этьену снизить уровень агрессивности. Мы потом посмеялись: что женщина может понимать в турнирных боях? Без агрессии они невозможны – будут все те же надоевшие нам заячьи кувыркалки. И мы додумались до оружия.

К санитарной зоне примыкало помещение для обязательных занятий спортом. Ирина туда не заглядывала, она делала у себя в каюте какой-то двухчасовой йоговский комплекс. Сигурд разобрал одну из двух беговых дорожек, еще кое-что, и мы соорудили для наших мохнатых бойцов что-то вроде алебард и кистеней.

Естественно, они попортили друг другу шкурки. Ругать нас было некому, игрушка – она и есть игрушка, но Ирина забрала заек и заперла их в своей каюте. Нам это, естественно, не понравилось.

Мы собрались на военный совет. Предложений было несколько, самое очевидное: выкупить заек у Ирины, оценив их даже выше рыночной стоимости. Она отказалась.

– У всех психологов с головой неладно, – сказал Иржи. – Моего братика перед судом обследовали – такой ерунды наговорили! А наш психолог еще и женщина.

– Одинокая женщина. Ты подумай – у нее же никого нет, – напомнил Марк.

– А сколько она тут, на орбитальной, торчит одна? – спросил я. И мы полезли в информаторий – искать ее контракт. Нашли, вытащили, благо это не секретный документ. Так вот – Ирина провела именно на этой орбитальной три с лишним земных года.

– Все ясно! – радостно заорали мы.

Появилось то, чего нам так недоставало. Появился враг.

* * *

Естественно, планировать крупную пакость мы не могли, да и не хотели. Требовалась мелкая.

Эта будущая пакость занимала нас несколько дней.

Мы обратили внимание на розовую зайку, которую Ирина таскает с собой, и решили: хорошо бы выкрасть ее и постричь! Это должно показать психологу-соционисту, до какой степени она неправа.

Взрослые мужчины, каждый – профессионал в своем деле, радостно строили козни и валяли дурака. Может быть, мы бы действительно выкрали эту зайку, если бы не Этьен.

Он слушал наши дискуссии и молчал. Как оказалось, он был сильно недоволен: вместо того чтобы на самом деле что-то предпринять, мы разглагольствуем. Он же воспринял случившееся с зайками всерьез.

Настолько всерьез, что, махнув на нас рукой, стал действовать в одиночку.

Нам бы раньше обратить внимание на его поведение во время заячьих турниров! У него была потребность в самоутверждении любой ценой. Его зайка побеждала, потому что была агрессивнее прочих. И вот его лишили такого замечательного бойца – бойца, который добывал ему победы. А мужчине победы необходимы.

Нас, собственно, по этому принципу и отбирали для работы на орбитальных. Требовались люди, в опасной обстановке способные забыть обо всем и работать на результат.

Этьен был как раз тем, что многие с восхищением называют «настоящий мужчина»: довольно высокий и крупный (это были предельные параметры, гигантов в Дальний Космос не берут), очень сильный и вечно хмурый. Видимо, на этом основании ему казалось, что мы все – какие-то ненастоящие мужчины.

Но он молчал.

* * *

– Вы не видели мою зайку? – спросила Ирина, входя в релакс-зону. – Я всюду уже посмотрела – в каюте нет, в санитарной зоне тоже нет, в коридорах нет.

Она была сильно обеспокоена, хотя старалась говорить почти равнодушно.

Мы – джентльмены, и потому принялись искать пропажу по всем закоулкам. Какое ни есть, а развлечение. Естественно, мы заглядывали в такие щели, куда не то что зайка – комар не поместится. Пропажа нашлась в шкафчике с принадлежностями для бильярда. Ясно было – игрушку туда засунул кто-то из нас.

Но это было как-то слишком мелко, совсем по-детски.

Ирина забрала свою зайку и подключила к зарядному устройству – у робота кончилась энергия. Нас и это не озадачило, хотя мы знали: зайка, пока не нужна хозяину, находится в спящем режиме и энергию практически не тратит.

Если шкафчик уже открыт – отчего бы и не сразиться в «американку»? Поскольку все равно больше делать было нечего, Яромир и Марк взяли кии, остальные встали вдоль бортов и принялись комментировать. Ирина готовила нам безобидные молочные коктейли. Словом, получился мирный вечер в узком домашнем кругу. Мы даже послали тележку в кулинарный отсек за ужином, чтобы насладиться в релакс-зоне, а не в закутке за кулинарным агрегатом.

Мы как раз доедали десерт, когда это случилось.

Розовая зайка отключилась от зарядного устройства и пошла скакать по релакс-зоне, словно взбесившаяся мартышка. Она сбросила на пол нашу посуду, дернула Ирину за волосы, вскрыла мини-бар и повыкидывала оттуда все содержимое, потом опять напала на Ирину, сорвала с нее воротник блузки, метнулась под бильярд, оттуда взмыла к потолку и нырнула в вентиляционный люк, снеся при этом напрочь хиленькую решетку.

Мы обалдели.

Ясно было – кто-то стащил зайку и перепрограммировал с тем расчетом, чтобы она затерялась в дебрях вентиляции. Теоретически можно активировать вшитый в нее чип, чтобы при помощи сканера из хозяйства механика Сигурда понять, куда робота занесло. А практически – если он всего-навсего где-то застрял и никому не мешает, то и пусть там торчит, потеря невелика.

Так что мы посмеялись и стали объяснять Ирине, что переделаем для нее другую зайку, раздобудем розовую шкурку, и будет она лучше прежнего.

Она даже говорить с нами не хотела.

Мы бы оставили ее в покое и ушли, но тут по аварийной трансляции зазвучал голосок.

– Ой, мамочка, ой, мамочка, мне страшно! – звало дитя.

Мы прекрасно знали, что детей на орбитальной нет, но растерялись, даже перепугались.

А Ирина где стояла – там и упала.

Это был обморок, и все мы знали, как оказывать первую помощь, но все словно окаменели.

* * *

Говорят, в старые добрые времена на орбитальных были врачи. Сейчас их заменили диагностическими комплексами. В самом скверном случае мы могли использовать реанимационный бокс и держать там больного в искусственной коме, пока за ним не пришлют катер с большого транспорта. Так что человек с дипломом врача не очень-то нужен.

Но мы не сразу привели Ирину в чувство. Проделывая все манипуляции, мы тихо ругали начальство, лишившее нас живого доктора.

Детский голосок меж тем то пропадал, то опять возникал и жалобно звал на помощь. Психика у нас крепкая, но эти стоны уже начали раздражать. Тем более что шли они из аварийной трансляции.

– Чья работа? – спросил Яромир. – Ну вот чья это работа?

Ему не ответили.

Все это казалось нам дурацкой шуткой, пока Ирина не пришла в себя и не зарыдала. На трассах редко случаются истерики, хотя от сорок шестой всего можно ожидать. И женщины, с которыми мы встречались на трассах, были какими угодно, и веселыми, и злобными, только не истеричными.

А тут еще рыдает и не может остановиться штатный психолог-соционист. Человек, который сам должен нас при необходимости приводить в человеческий вид.

– Что-то с этой зайкой не так, – сказал Сигурд. – Надо бы разобраться.

– Сперва надо отключить аварийную трансляцию, – догадался Иржи. – Сигурд, действуй, а мы доставим девочку в каюту.

В Ирининой каюте мы кое-что начали понимать.

Конечно, нехорошо шарить в чужих вещах. Но мы активизировали голографическую нишу. Там были простенькие записи – дети, играющие в саду, на пляже и в Парке приключений. Мы знали, что такие парки построили всюду, но бывал там только Яромир, он и опознал местность. И у него хватило ума поискать данные в информатории.

Мы потихоньку скопировали сюжеты, и Яромир скрылся из каюты. Мы отпаивали Ирину водой, но тщетно.

Когда Яромир вернулся, на нем лица не было.

– Я в последний раз спрашиваю – чья работа?

Мы молчали.

– Пусть тот, кто перенастроил зайку, активизирует чип и вытаскивает робота оттуда, куда загнал. Иначе… иначе я за себя не ручаюсь! Я ведь могу добраться до него сканером и идентифицировать последнего наладчика!

– Яр, ты чего кричишь? – спросил Иржи. – Мало нам Ирины…

– Иржи, иди ко мне в каюту. Там в нише – последняя запись, прокрути. И сразу возвращайся.

Мы все по очереди ходили туда смотреть запись.

Ничего более страшного я в жизни не видел – а я был на Тауринде, когда взорвалась система шахт.

* * *

У нее было двое детей. Она отпустила их с воспитателем на какие-то идиотские круговые качели, а сама пила коктейль с подругой, когда Парк приключений начал рушиться.

Потом выяснилось – умалишенный, неспособный сложить два и два, решил устроить на крыше Парка приключений висячий сад. Рабочие подняли туда камни и ящики с гидропонным оборудованием. Чтобы освободить себе побольше места, они все это сложили как раз в той части крыши, которая не могла бы выдержать и половинной нагрузки.

Ирина вместе с другими женщинами спасала детей, вытаскивала их из-под падающих обломков. Нескольких спасла – но не своих. Свои погибли.

Остались только записи.

Использовав то, что нашлось в нише у Ирины, Яромир откопал историю того Парка приключений. И все мы увидели у него в каюте страшные записи.

– Что-то у нее было связано с этой зайкой, – сказал Иржи. – Игрушкой ее ребенка зайка быть не могла.

– Сходство? – предположил Сигурд. – Надо посмотреть в каталогах…

– Думаешь, в нашем информатории есть каталоги детских игрушек? – спросил Яромир. – Наверно, у детей было что-то похожее. В общем, нужно вытаскивать эту зайку оттуда, куда ее загнал один из нас. Кто, ребята? Вот кто это сделал?

– Не имеет значения, Яр, – Марк вздохнул. – Важен результат. А результат мерзкий. Я бы переодел одну из заек в розовый мех и принес Ирине. Сказал бы, что вот – поймали, нашли… Если это хоть как-то ее успокоит.

– Хуже бы не вышло, – проворчал Сигурд. – Если она догадается… Мало ли какие у той зайки приметы…

– Я бы попробовал, – не унимался Марк. – Скажем, что повредили, пока доставали.

– Он прав, – поддержал Иржи. – Но где здесь взять розовый мех?

– Покрасить белую зайку! – догадался Марк. – У меня есть

реактивы. Надо попробовать.

Я все поглядывал в сторону Этьена. Он, как всегда, отмалчивался. И чем дольше он молчал, тем яснее я понимал – его работа.

Мы уже трудились вместе на сорок третьей трассе, и я знал, что Этьен – злопамятный.

Он был оператором больших принтеров – значит, в настройке техники разбирался и работать с программами, менять в них блоки и приспосабливать их к нуждам заказчика умел. Марк знал только свое оборудование. Яромир был разведчиком, умеющим работать на грунте. Иржи – специалист по строительным работам, Сигурд – механик, сам я ксенобиолог. Так получалось, что главный кандидат – Этьен. А начальник орбитальной, Кино Цураюки и бортинженер Отто Вайскоп с нами практически не общались – тем более не сидели в релакс-зоне и не баловались с зайками.

Яромир и Марк пошли откапывать в багаже контейнеры с реактивами. Иржи остался в каюте Ирины – на случай, если наш психолог-соционист, едва успокоившись, вновь начнет рыдать.

Я подозвал Сигурда и сказал одно слово:

– Этьен.

– Да, – ответил Сигурд.

Стало быть, не я один тут умный…

* * *

Этьен заговорил, когда Марк с Яромиром предъявили нам окрашенную в розовый цвет зайку. Вид у нее был страшненький.

– Да вы что, очумели? – спросил Сигурд. – Она это увидит и заикаться начнет. Надо активизировать чип, ребята. А потом выманить наружу робота.

– А если он израсходовал весь аккум? Там же емкость – с тараканий хвост. Эта чертова зайка тут так скакала! И неизвестно, куда ее занесло. И вопила она дурным голосом, – напомнил Иржи.

Мы стали спорить – насколько хватит аккума в условиях, приближенных к боевым. Этьен слушал, слушал и вдруг заговорил.

– Да вы что, с ума все посходили? – спросил он.

– Так! – Иржи, самый старший, жестом приказал нам молчать. – Мы еще не выяснили, кто лазил в зайкины потроха и сделал из нее гнусную тварь. И хотелось бы знать, кто научил зайку звать мамочку?

– Вообще-то это подло, ребята, – добавил Яромир.

– Подло? – Этьен удивился, но как-то не слишком искренне.

– Да, – сказал Яромир. И мы все повторили это «да».

– Ну вас всех, – проворчал Этьен и хотел уйти, но Иржи заступил ему дорогу.

– В чем смысл? – строго спросил он.

И мы с Сигурдом поняли: Иржи тоже догадался.

– Это плохая игра, Этьен. Ты не то что обидел человека – ты по больному месту со всей дури жахнул, – продолжал Иржи. – Ты хоть посмотрел, что у этой зайки нового в матобеспечении? Что туда своего внесла Ирина? Нет?

– А зачем? – сердито воскликнул Сигурд. – Там в памяти достаточно места, чтобы еще кучу всего затолкать, и звуковые сигналы тоже.

Я вспомнил – его зайка на турнирах взвизгивала и даже выкрикивала что-то непотребное.

– Чего там смотреть. Я же не лезу в ее дела. И пусть она в наши дела не лезет, – ответил Этьен. – Совсем спятила, с роботом нянчится, как с младенцем.

– Понятно… – заметил Иржи. – Дразнилку, значит, придумал…

– Так ты все это устроил, потому что Ирина отобрала твою боевую суперзайку? – спросил Марк. – Этьен, сколько тебе лет?

– Четверть века мотаюсь по трассам, такое впервые вижу, – проворчал Сигурд. – Ну, в общем, где бы эта дурацкая зайка ни сидела, будем ее доставать.

И дальше мы действовали, не обращая внимания на Этьена, как будто он был мебелью.

* * *

Чип активизировали. И оказалось, что розовая зайка сидит даже не в вентиляции – она как-то забралась в систему водоснабжения оранжереи и в ней попросту застряла. А там каждый сантиметр на учете, пролезет разве что обезьяна.

– Цураюки не позволит разбирать систему и правильно сделает, – сказал Сигурд. – Нужно посмотреть, не пролезет ли туда Джимми.

Так он называл своего робота, имевшего длинные и многосуставчатые манипуляторы.

Думаю, это станет еще одной легендой сорок шестой трассы – как мы тащили Джимми по узким закоулкам и как Сигурд лез по узкой лестнице с Джимми за спиной. Мы с Марком его

страховали, Яромир карабкался за нами. Иржи следил по схеме в большом голографическом кубе. Естественно, Сигурд застрял, пришлось отцеплять Джимми. Потом оказалось, что клешни на манипуляторах робота не могут захватить зайку.

– Дайте-ка я попробую. Держите меня за ноги, – приказал Яромир. – Я тут самый тощий. Должно получиться. Если что – вытаскивайте.

Ему нужно было по-змеиному протиснуться между трубами, вытянуть руку так, как человеку от природы не положено, и схватить зайку.

– Погоди. Я принесу гель! – воскликнул Сигурд. И мы обмазывали Яромира этим вонючим гелем, предназначенным для смазки механизмов, чтобы он скользил между трубами без помех.

Он пополз, мы слегка его подталкивали.

– Банда безумцев, – усмехнулся Марк. – Рассказать кому – не поверят, что мы полдня спасали робота, красная цена которому – полтора интердуката. Эй, змей ползучий, как ты там?

Что ответил Яромир, мы не разобрали.

Наконец он закричал, чтобы мы его тащили. А как тащить, если мы с трудом дотягиваемся до его пяток? Тогда гелем обмазали меня, и я полез накидывать петлю на Яромировы ноги.

Зайку мы вытащили и первым делом выдернули блок питания, чтобы она еще куда-нибудь не ускакала.

– Я всю жизнь теперь не отмоюсь, – пожаловался Яромир.

– Привыкнешь. Вот я же привык, – ответил Сигурд, а Марк связался с Иржи и сказал, что мы победили.

– Вот точно так же я на Ауристеле кота спасал, – сообщил он. – Мерзкая скотина залезла под кожух транспортера. Так то – кот…

– Скотина одушевленная, – добавил издалека Иржи.

– Кота в беде бросать – грех! – нравоучительно заметил я.

Зайка, перепачканная в смазочном геле, сидела на изгибе трубы. Вроде бы скотина неодушевленная…

А на самом деле – кто ее разберет. Дело же не в железной начинке.

* * *

Мы принесли зайку к каюте Ирины. Отдавал ее Иржи – как самый нейтрально благоухающий. Нам после странствий в нутре орбитальной не мешало бы часа два провести в санитарной зоне. Собственно, и зайку следовало бы помыть, но как – мы не знали и боялись попортить ее содержимое.

Иржи вошел – и сразу выскочил.

– Что еще? – спросил Марк.

– Она это страшилище целует!

Все мы были уже в том возрасте, когда женская логика не удивляет и не возмущает, а скорее развлекает. Поэтому мы даже не стали обсуждать странности нашего психолога-соционista, а сперва пошли получать нагоняй от Кино Цураюки, потом – в санитарную зону. Это было правильное решение – начальник орбитальной у нас эстет, и вонь от геля смог выдержать только минуты полторы.

Ирина ждала нас в релакс-зоне.

– Даже не знаю, как благодарить! – воскликнула она.

– Ерунда, пустяки, дело житейское, – вразнобой ответили мы.

– Вы даже не представляете…

– Все мы представляем.

Но она рассказала, как перепрограммировала зайку, чтобы можно было разговаривать с маленьким роботом и получать ответы. Ей просто необходимо было с кем-то говорить, рассказывать о детях, иначе она бы сошла с ума. Так почему бы не зайка? Тем более – сперва это была иллюзия общения, потом самообучающийся робот наловчился вести связные диалоги.

Что-то такое мы и предполагали.

Для нее зайка была живой. Для нас, кажется, тоже.

А потом на орбитальную доставили все необходимое для большого принтера, и скука наша кончилась.

Да, Этьен…

Наш Цураюки своим волевым решением отправил его на двадцать седьмую трассу тем же транспортом, который привез комплектующие для принтера. Мы не жаловались начальнику! Вообще ни единого слова ему не сказали. Но он все понял.

Рига

2017

Игорь Вереснев
Тепло родного дома

И был свет, и была тьма. Мир вокруг растворился. Пропали краски и звуки, формы и запахи. Исчезли направления и расстояния, прошлое раздробилось на варианты, а будущее скрылось за горизонтом событий. Пространство и время будто поменялись местами. Пространство сделалось одномерным и анизотропным, зато время получило трехмерные координаты, и любая из этих координат отмеряла настоящее. Трехмерный континуум настоящего…

Витольд Мереж попытался открыть глаза и понял, что глаз у него нет. Как нет головы, рук, ног, командирского ложемента, пульта управления, рубки. Экспериментального гиперсветового корабля «Москва» тоже не было. Не было Вселенной, ей еще предстояло родиться во вспышке Большого взрыва. Пока была лишь пустота, заполненная отчаянным, нечеловеческим криком.

«У меня нет рта, чтобы кричать», – Мереж вспомнил давным-давно прочитанную фразу. Нет рта… но крик был.

Он вновь попробовал открыть глаза. На этот раз получилось. Пульт управления, рубка корабля – все на месте, словно и не пропадало никуда. В пилотском ложементе лежал, крепко пристегнутый ремнями, Женя Мальцев. Скрюченные пальцы впились в подлокотники, из-под зажмуренных век – две алые дорожки, рот раскрыт в безнадежном неумолкающем вопле.

– Женя, что?! Что случилось?

Мереж отстегнулся, подплыл к пилоту, осторожно тряхнул за плечи. Крик не прервался ни на секунду. Как ему воздуха хватает так долго кричать?! Мереж повернулся к пульту, дотянулся до сенсоров внутренней связи.

– Медотсек! Док, срочно в рубку, с пилотом беда. Док, ты меня слышишь? Док? Янис, ответь!

Медотсек молчал. Возможно, доктор тоже лежит в противоперегрузочном кресле и орет благим матом? Витольд переключил связь на общий вызов:

– Говорит Мереж! Все, кто меня слышит, ответьте!

Минута ожидания, вторая…

Ожил экран отсека главного бортового компьютера.

– Командир, я на связи, – прохрипел Серго Гигаури. Потом и лицо кибернетика появилось на экране. Бледное, на лбу – крупные капли испарины. – Что случилось? Кто кричит?

– Женя кричит. Ты сам как? У тебя все нормально?

– Нормально. Куда-то мы прилетели, командир, – небо не наше. Сейчас начнем со Слоном понимать – куда.

Мереж кивнул и отключил линию. Слоном кибернетик называл бортовой компьютер. Пусть работают. У командира пока в приоритете – понять, что с экипажем.

– Док, Алтан, вы меня слышите?!

Вопль пилота сорвался в фальцет, тут же снова набрал обертоны. Нет, с этим надо что-то делать!

Витольд достал из-под кресла аварийный комплект, отстегнул крышку, выудил аптечку. Ага, обезболивающее, на первый случай сгодится. Он прикладывал инъектор к предплечью пилота, когда дверь рубки отворилась, впуская врача.

– Командир, дай лучше я!

Врач экспедиции Янис Олнис оттолкнулся от переборки, пролетел прямиком к креслу пилота. В руках у него тоже был заряженный инъектор. Так, прямо с лету, он и впрыснул его содержимое пациенту. Кажется, пилот не почувствовал укола. Но через минуту протяжный крик перешел в храп, затем и вовсе стих. В рубке наконец-то установилась тишина.

– Что с ним? – Мереж вопросительно посмотрел на доктора.

– Не знаю.

– Но как же ты…

– В любом случае это ему не навредит. Поможет ли – не знаю. Доставлю его к диагносту, попробую разобраться.

Олнис принялся отстегивать обмякшее тело пилота.

– Нет, – остановил его Мереж. – Сперва наведайся на машинную палубу. С Шагдаровым связи нет.

– И он тоже… – Доктор болезненно скривился.

Бортинженер Алтан Шагдаров не вышел из комы после гиперперехода. Пилота Евгения Мальцева пришлось вводить в кому искусственно, чтобы остановить некроз головного мозга, внезапно обрушившийся на совершенно здорового тридцатилетнего мужчину. В итоге из экипажа «Москвы» на ногах остались лишь трое. Но гораздо хуже было другое.

– Это не наше небо, командир, – повторил Серго Гигаури, когда два часа спустя, так и не дождавшись доклада, Мереж сам явился в отсек главного компьютера.

– Я понимаю, что не… – начал было Витольд, но кибернетик раздраженно затряс густой черной гривой:

– Это не альфа Центавра! Мы не вышли в заданную параметрами точку пространства!

Мереж, астрофизик по образованию, это уже понял и сам, когда взглянул на обзорный экран. Бело-голубой гигант, сияющий

в десяти астрономических единицах от «Москвы», никак не походил на двойную желтую звезду и тем более – на красный карлик Проксиму.

– А куда мы вышли? – осторожно спросил Витольд.

– Не знаю. Звезда класса B6III. Таких сотни тысяч, а то и миллионы в Галактике. Мы со Слоном пока не смогли идентифицировать ни один реперный квазар. Продолжать перебор?

– Продолжай. Что нам остается делать? – пожал плечами Мереж.

– Ну… согласно общепринятой теории гиперпространство изотропно, как и наше трехмерное пространство. Следовательно, мы можем инвертировать координаты входа и совершить обратный прыжок. По идее, мы должны попасть в исходную точку, – в Солнечную систему, – независимо от того, где сейчас находимся. У китайцев получилось!

– Да, – согласился Мереж. – У китайцев получилось. Один раз.

Мереж хотел добавить еще кое-что, но промолчал. Он не любил вспоминать про полет «Красного дракона». Уж больно мутной казалась ему вся эта история, и разобраться в ней не получалось. Мысли бегали по кругу, а результат – ноль. Но если сам не вспомнишь, так другие напомнят!

Да, китайцы первыми запустили гиперсветовой корабль. Да, «Красный дракон» с двумя добровольцами-тайконавтами на борту ушел в гиперпространство и спустя десять дней благополучно вернулся. Дальше начались странности. Где побывали тайконавты, что видели, как сумели вернуться – неизвестно. Данные о полете Китай засекретил. Во внешний мир просочилась лишь информация, что бортинженер Сы Фанъинь вскоре после возвращения скоропостижно скончался, командир Ли Чен заработал некое расстройство психики, отошел от дел и на долгие годы удалился в горный буддийский монастырь. Но для науки это мелочи. Сам гиперпереход и благополучное возвращение значили немало – уравнения Маркова работали, звезды перестали быть недосягаемыми. Мережу не давали покоя именно «мелочи». Марков. Его биографию и открытия знал каждый школьник. Джон Марков, американский математик русского происхождения, жил в середине XXI века. Он терпеть не мог пространство и расстояние. С рождения страдал агорафобией, боялся представить себе эту огромную пустоту между мирами. Наверное, поэтому в его модели Вселенной время и расстояние отсутствовали. Вместо непрерывного континуума он оперировал дискретными множествами абстрактных точек,

«гравитационными сгустками», мгновенно обменивающимися информационными пакетами. Модель так и осталось бы одной из многих, рожденных «на кончике пера», и там же умерших. Но кроме досужих размышлений о природе Вселенной Марков занимался и делами вполне конкретными. Он участвовал в разработке математического аппарата фазовых переходов адронного вещества в кварк-глюонную плазму. И открыл зависимость между максимально допустимым размером «капли» хромоплазмы и кривизной пространства. Уравнения Маркова доказывали – капля, массой больше пороговой, не может существовать в пределах трехмерной браны, она «продавливается» в пространство бо́льших размерностей, теряет при этом часть энергии и возвращается назад, в адронное состояние. Но уже в другой точке 3-браны! Марков связал свое открытие со своей же моделью Вселенной. Нанокаплю кварк-глюонной плазмы он назвал «информационным пакетом», уравнение фазового перехода – «уравнением масс-информационного преобразования» и объявил, что нашел «кротовую нору» в М-теории. Долгих полвека гипотеза оставалась исключительно гипотезой. Получить пороговое количество хромоплазмы и проверить ее поведение экспериментально не представлялось возможным. Но тут китайцы запустили гиперсветовой корабль – и началась очередная космическая гонка. Европейско-Российский Союз и Панамериканская Конфедерация спешили доказать друг другу собственное научное и технологическое превосходство. Экспериментировать с гиперпереходом в пределах Солнечной системы не получалось: точками пространства Маркова были массивные гравитационные объекты – звезды. Оставалось идти ва-банк. Американцы победили: «Нил Армстронг» стартовал на полгода раньше «Москвы».

Ни с кем из американских коллег Мереж знаком не был. Зато с Ли Ченом увидеться довелось. Тот неожиданно оказался в составе китайской делегации, приглашенной на космодром Восточный. Маленький, сухощавый, завернутый в оранжевую кашаю человечек долго и пристально смотрел на Витольда. Затем произнес что-то вполголоса. Китайским Мереж не владел, потому уже в челноке, что вез экипаж на орбиту, спросил у Гигаури:

– Серго, а что нам китаец пожелал?

– Тайконавт? Ничего он нам не желал. Пробубнил зачем-то: «Холод далеких звезд», меня аж передернуло. Может, это какие-то китайские стихи? Или что-то ритуальное, буддийское? Не знаю.

Так в чем же ошибка? Неправильные уравнения? Конструкция корабля? Побочные эффекты работы двигателя? Что не так с их

полетом? Что произошло с Ли Ченом?…

Мысли опять побежали по кругу.

Почти сутки «Москва» дрейфовала по вытянутой эллиптической орбите вокруг безымянной звезды. И за эти сутки экипаж – то, что от него уцелело – умудрился ни разу не собраться вместе. Олнис не выходил из медотсека: старался понять причины болезни, поразившей товарищей. Гигаури снова и снова пытался определить координаты корабля в трехмерном пространстве. Мережу оставалось тестировать бортовые системы.

Итоги тестирования были неутешительны. Двигатель отработал штатно, навигационное оборудование функционировало без сбоев, техника не подвела. Причиной неудачи могла быть ошибка в исходных данных. Какую-то компоненту уравнений фазового перехода создатели гиперкорабля интерпретировали неверно. Он, Витольд Мереж, интерпретировал неверно! Но ведь двадцать лет назад китайцам удалось…

День получился долгим и трудным. Далеко за полночь по корабельному времени Мереж отправился спать, теша себя слабой надеждой, что утро вечера мудренее. Он и представить не мог, насколько мудреным окажется утро.

Разбудил Витольда голос Гигаури из интеркома:

– Командир, просыпайся! У нас очередной форс-мажор намечается!

Мереж протер глаза, покосился на табло часов, скривился недовольно – половина пятого по-корабельному.

– Что там еще?

– К нам гости пожаловали. Чужой корабль.

Мереж замер, уставившись на экран интеркома. Подумалось вдруг, что и для Серго фазовый переход не прошел бесследно – рассудком тронулся. Разумеется, вслух не сказал. Вместо этого кивнул, вскочил с кушетки:

– Сейчас буду.

На ходу всовывая ноги в штанины и натягивая куртку, выбрался в коридор, к лестнице, ведущей на рабочую палубу. Хватаясь за скобы, поплыл к рубке.

Кибернетик не сидел в кресле вахтенного, а висел над ним, не отрывая взгляда от обзорного экрана, взбудораженный и взлохмаченный сильнее обычного. В центре экрана светилось маленькое серое пятнышко. Объект был слишком далеко, чтобы разглядеть его в телескоп. Но столбцы параметрии, выведенные слева от картинки, говорили сами за себя.

– Давно оно здесь? – Мереж отодвинул кибернетика в сторону, опустился в командирское кресло.

– Не знаю, я реперы искал. Разве я мог предвидеть, что здесь кто-то появится? Здесь даже планет нет! Увидел его, только когда Слон сказал, что к «Москве» приближается крупный объект. Я подумал было, что астероид, но он меняет направление и скорость. Похоже, работают маневровые двигатели. Он идет на сближение с нами, командир!

– Угу… Ты пробовал с ними связаться?

– Связаться?! – Гигаури вытаращил глаза.

– Да, по радио. Надо же как-то контакт устанавливать.

Кибернетик нервно хихикнул. Мереж, не обращая на него внимания, подключил блок внешней связи. Его деактивировали перед запуском гипердвигателя для экономии энергии – кто мог предположить, что внешняя связь понадобится за пределами Солнечной системы! Едва глазок на пульте экстеркома загорелся зеленым, громко, стараясь четко выговаривать слова, Витольд произнес:

– Говорит командир корабля «Москва» Витольд Мереж! Если вы меня слышите, подайте знак! Говорит командир корабля «Москва» Витольд Мереж!

Серго снова хихикнул.

– Командир, ты думаешь, «зеленые человечки» понимают по-русски?

– Кроме них и нас здесь никого нет, так что если перехватят трансляцию, то догадаются, кому она адресована. Но ты прав, не будем шовинистами.

Он повторил фразу по-английски и по-испански. Подумав, – по-немецки и по-французски. Других языков Мереж не знал, потому пошел на второй круг. Вещание в пустоту продолжалось десять минут. Затем пустота ответила – антенны поймали чужой сигнал. Экран экстеркома ожил. Светловолосый сероглазый мужчина с волевым подбородком и жестко очерченными скулами с интересом разглядывал Мережа, чуть заметно улыбаясь кончиками губ.

– Говорит командир корабля «Нил Армстронг» Марк Флетчер. Я так и думал, что это русские. Ребята не верили, предложили пари – один к ста. Так что у меня сегодня хороший день. Как вы нас умудрились догнать?

Гигаури опустился в пилотское кресло. Теперь у него были не только глаза выпучены, но и челюсть отвисла. Должно быть, поражен выдержкой командира. А Мереж просто не выспался.

– Доброе утро, Марк. Отвечу вопросом на вопрос – как вы нас нашли?

– Пусть будет утро, хотя у нас время ланча. Мы не могли вас искать, мы ведь стартовали раньше. Четыре часа назад мы вышли из гиперпространства, огляделись и обнаружили ваш корабль.

– Четыре часа? Где же вы были до этого?

– В Солнечной системе, разумеется…

Флетчер осекся, насмешливая улыбка исчезла с его губ. Командир корабля наверняка был знаком с разведданными о положении дел у конкурентов. Он вполне представлял, насколько инженеры Европейско-Российского Союза отставали от американских коллег.

– Витольд, когда вы стартовали?

– Семнадцатого ноября.

– Вы утверждаете, что на Земле ноябрь?!

«Да», – хотел ответить Мереж. И промолчал, поняв, что не знает, какой сейчас месяц, а то и год. Что означает «сейчас», когда неизвестно, куда тебя занесло и сколько отсюда световых лет до Земли?

Флетчер на его молчание внимания не обратил. Его белесые брови сдвинулись к переносице.

– Но это невозможно! Не хотите же вы сказать, что мы полгода существовали в виде кварк-глюонной капли?! Кстати, как давно вы здесь находитесь? И где, собственно, «здесь»? Куда вы направлялись, если не секрет?

– К альфе Центавра.

– Вы умудрились не попасть в ближайшую звездную систему? – Флетчер хмыкнул. Кажется, неудача конкурентов его немного успокоила.

– Судя по вашему вопросу, вы тоже оказались не там, где рассчитывали, – напомнил Мереж. – А где вы рассчитывали оказаться?

Американец неохотно кивнул.

– Кеплер 438.

– Ого! Хотели убить двух зайцев одним выстрелом?

– Почему нет? Вы не ответили на мой вопрос – когда вы вышли из гиперпространства? Вы определили координаты этой системы?

Мереж вздохнул:

– Мы здесь около стандартных суток. Привязку к реперам пока не установили.

Флетчер вновь кивнул.

– Хорошо, мы поделимся с вами информацией, как только определим координаты.

Как истинный американец, он не сомневался в технологическом превосходстве своей державы.

И еще одни сутки провела «Москва» на орбите Сюрприза – такое имя получил бело-голубой гигант с легкой руки Серго. Правды ради следовало признать, что кибернетик обозвал звезду «долбаным сюрпризом». Но Мереж решил прилагательное в бортовой журнал не заносить.

День не принес никаких изменений. Гигаури и его Слону по-прежнему не удавалось привязать реперы, док не мог разобраться с внезапной болезнью космонавтов, и единственное, что ему оставалось, – поддерживать их в стабильно тяжелом состоянии. Кибернетика Мереж видел лишь на экране, с доком и вовсе парой фраз по интеркому перебросился. Сам он весь день просидел в рубке, раз за разом анализируя навигационные расчеты, пытаясь понять, где была допущена ошибка.

«Нил Армстронг» вышел на связь поздним вечером. Впрочем, по времени американского корабля было утро.

– Здравствуйте, Витольд. – Флетчер больше не улыбался. Судя по воспаленным глазам, спать ему этой ночью не пришлось.

– Здравствуйте, Марк. Подозреваю, хороших новостей у вас нет.

– Верно. Думаю, нам нужно встретиться и обсудить положение, в котором мы оказались.

– Предлагаете состыковать корабли? Но…

– В этом нужды нет. У нас имеется шлюпка.

Мереж удивленно приподнял бровь. Но тут же вспомнил – американцы летели к Кеплеру 438. Естественно, у них должен быть спускаемый аппарат для исследования планет.

– Ждем вас.

Встречать гостей в шлюзовом отсеке собрались все трое. Оказавшись наконец лицом к лицу с товарищами, Мереж поразился. Он знал, что Гигаури почти не спит последние двое суток, держится на транквилизаторах. Но док сдал сильнее.

– Ребята выживут? – спросил с тревогой.

– Не знаю, – честно признался Олнис.

Американцев прибыло двое. Второй из шлюпки перебралась на корабль молодая высокая женщина-мулатка. С собой она транспортировала объемный кейс из противоударной металлокерамики.

– Знакомьтесь, наш доктор, Эллис Малкольм, – представил женщину Флетчер.

Космонавты переглянулись.

– Почему вы решили, что нам требуется помощь вашего судового врача?

– Разве нет? – вопросом на вопрос ответил американец. – Разве ни у кого из вашей команды не возникли внезапные проблемы со здоровьем?

Помедлив, Мереж признал:

– Возникли. И мы не откажемся от помощи и консилиума с вашим врачом. Что, у вас та же беда?

– На счастье, нет, мы все здоровы. Благодаря Эллис.

Мулатка повернулась к Олнису, безошибочно узнав в нем коллегу:

– Я привезла мобильный диагностический комплекс. Мы можем посмотреть больных? Понимаю, вы проводили обследование на своем оборудовании. Но альтернативная методика не будет лишней, верно?

– Верно, – кисло согласился Олнис. – Пойдемте.

Они уплыли в сторону медицинского отсека, и Флетчер вопросительно посмотрел на Мережа. Витольд понял без слов.

– Прошу в рубку, Марк. Серго, будь у себя. Если понадобятся данные вычислений, я с тобой свяжусь.

Американец взял быка за рога, едва они опустились в кресла.

– Витольд, вы можете объяснить, как это случилось? Наши корабли стартовали с интервалом полгода в различные точки Галактики и вышли из гиперпространства одновременно в одном и том же месте!

– Почти одновременно, – машинально поправил Мереж.

– Сутки – это в пределах погрешности! Выходит, уравнения фазового перехода неверны?

– Они работают, значит, верны. Мы неверно интерпретируем какую-то их компоненту, это другое дело.

– Какую именно? Пространственные координаты, временную?

– Не знаю. Возможно, если мы сравним алгоритмы расчетов и параметры гипердвигателей…

– Вы готовы открыть государственную тайну? Без санкции своего руководства? Готовы рискнуть, понимая, к каким последствиям для вас это может привести? А если у вас не будет гарантий, что вы получите аналогичный ответ, все равно рискнете?

Иронии в голосе Флетчера не было. Мереж внимательно посмотрел на него. В светло-серых глазах американского капитана – удивление, недоверие. И – надежда. Эта невысказанная надежда решила все. Витольд медленно проговорил:

– Что касается последствий: если наши корабли не вернутся из экспедиции, это отбросит программу межзвездных полетов на

десятилетия, если не на века. Что касается гарантий: у меня, как гражданина Европейско-Российского Союза, есть веские причины не доверять вам, гражданину Панамериканской Конфедерации. Но у меня, капитана Витольда Мережа, нет оснований сомневаться в честном слове капитана Марка Флетчера. Ну и о санкциях руководства: вряд ли мы их сможем получить, даже если очень захотим. Здесь и сейчас решаем только мы. Мы с вами – за все человечество.

В рубке повисла тишина. Наконец Флетчер кивнул:

– Хорошо. Вычислительные мощности «Армстронга» превосходят ваши. Даю слово, навигационные данные не увидит никто, кроме меня и моего кибернетика. Мы проведем сравнительный анализ и вернем вам развернутый результат. Надеюсь, это поможет понять причину ошибки и найти дорогу домой.

Янис Олнис умер в третью ночь на орбите Сюрприза. Напоследок доктор нашел в себе силы выбраться из медотсека в коридор жилой палубы. Там его и нашел Гигаури по пути на камбуз. Лицо Олниса тонуло в багряном облаке запекшейся крови. Морга на борту «Москвы» не было, тело доктора поместили в один из холодных служебных отсеков.

Прошли еще сутки. Затем прибыла шлюпка с «Нила Армстронга». Американцы были в том же составе.

– Олнис умер, – вместо приветствия сообщил Мереж.

– Соболезнуем. – Флетчер склонил голову. Кажется, ни он, ни Малкольм не удивились этой трагической новости.

– Вы знали, что он болен, и ничего не сказали?!

– Доктор Олнис согласился на обследование при условии, что диагноз останется в тайне. – Мулатка выдержала яростный взгляд русского капитана.

– И какой диагноз вы поставили моей команде?

– Вы и господин Гигаури здоровы, вашим жизням ничего не угрожает.

– А остальные?!

– Друзья, давайте по порядку, – миролюбиво предложил Флетчер. – Во-первых, держите обещанное.

Он протянул Мережу бокс с информхранилищем. Американцы провели сравнительный анализ алгоритмов. К сожалению, результат вряд ли можно было считать обнадеживающим. То ли все земные теоретики гиперсветовых перелетов мыслили одинаково, то ли чья-то разведка добросовестно поработала – в итоге алгоритмы оказались весьма схожи. Кроме того, главный бортовой компьютер «Нила

Армстронга» выдал матожидание времени, необходимого для идентификации реперных квазаров перебором всех доступных вариантов. Восемь с половиной лет…

– Мы не можем ждать так долго, – закончил рассказ Флетчер. – Мы возвращаемся. Инвертируем исходные параметры и будем молиться Господу.

– Но это равносильно самоубийству, – пробормотал Мереж. – После второго прыжка у вас не останется достоверных координат исходной точки…

– Не спеши нас хоронить, Витольд! – оборвал Флетчер. – У китайцев получилось, а разве мы глупее? Или наша техника хуже?

– Получилось… И последующие двадцать лет они даже не пытались повторить.

Флетчер поднял руку, показывая, что дискуссия неуместна.

– Решение принято на общем собрании экипажа, это обдуманный выбор каждого. Большинство проголосовало за возвращение. А меньшинство… – Флетчер повернулся к доктору.

– Капитан, – темно-карие глаза мулатки испытывающе смотрели на Мережа, – если вы позволите, я бы хотела остаться на вашем корабле. Я могу исполнять обязанности судового врача.

Мереж удивленно приподнял бровь. Покосился на Гигаури. Кибернетик неуверенно пожал плечами, помедлил, еще более неуверенно кивнул.

Флетчер улетел готовить корабль к гиперпереходу, Малкольм осталась. Мереж дал женщине час, чтобы немного освоиться, и спустился в медотсек.

Он застал доктора возле ванн-кувезов с питательным раствором, где покоились погруженные в кому космонавты. Малкольм изучала новую для себя систему жизнеобеспечения. Визиту командира она не удивилась, наверняка ждала его.

– Эллис, надо поговорить. – Витольд посмотрел на лица друзей. Спокойные, умиротворенные. Словно спят. – Теперь, когда вы стали членом экипажа, я хочу слышать правду. Что с ребятами? Они выживут?

Малкольм ответила честно:

– Вряд ли. Я бы хотела ошибиться, но… надеяться на благополучный исход у меня нет оснований. Командир, то, что я скажу, – догадки и единичные эмпирические данные. Нужны годы, чтобы понять, обосновать, построить теорию. Видите ли, человеческий мозг не приспособлен к фазовому переходу в чистую информацию и обратно. Слишком малая скорость восстановления синаптических связей, слишком низкая пластичность. Счастливчики, которым это по силам выдержать, –

обладатели редкой генетической мутации, но о ее природе мы пока почти ничего не знаем. Для всех прочих фазовый переход оборачивается комой, инсультом, некрозом… смертью.

Она замолчала. Молчал и Мереж, обдумывая услышанное. А обдумав, спросил:

– Как вы догадались?

Женщина сконфуженно улыбнулась.

– Помните тот год, когда «Красный дракон» совершил первый гиперпрыжок? Как люди по всей планете следили за новостями из Поднебесной, как ждали возвращения экспедиции, строили самые разные предположения? Эллис Малкольм тем летом только-только исполнилось тринадцать. Как и большинство сверстниц, девочку не интересовали космос и межзвездные полеты. О старте экспедиции она краем уха услышала от родителей да мелькнули перед глазами заголовки новостных сайтов. А ночью Эллис неожиданно увидела сон. Странный, страшный сон: свет и тьма, пустота без времени и пространства. И крик лежащего в соседнем ложементе человека. Безнадежный крик попавшего в ловушку фазового перехода сознания, гибнущей информации, не способной вновь стать материей. Потом были другие сны – каждую ночь, до самого возвращения экспедиции. В этих снах Эллис становилась взрослым мужчиной, капитаном корабля, говорила на чужом языке, видела незнакомые звезды, космические корабли, математические формулы… Она почти ничего не понимала из приснившегося и почти ничего не запомнила. Лишь самый первый сон и самый последний врезались в память. Эллис не решилась никому рассказать об этих снах, но начала скрупулезно искать каждую кроху информации из Китая. И когда узнала о смерти бортинженера, поняла: ее сны – не странное совпадение, не выверт фантазии. Звезды таят неведомые человечеству опасности, и именно она, Эллис Малкольм, должна защитить людей от них. Она окончила школу, колледж, университет, получила диплом нейрофизиолога, устроилась на работу в исследовательскую лабораторию НАСА. Занималась сравнительным анализом биологических образцов китайского, американского, а затем и русского экипажей. И нашла…

Женщина перевела дыхание, продолжила:

– Разумеется, доказательств собственной правоты у меня не было. Но Флетчер мне поверил и поддержал. Мнение героя нации, бригадного генерала ВКС, – совсем не то, что слова молодого, никому не известного «мозгоправа». Со скрипом, но НАСА включила мои тесты в систему отбора астронавтов. Пришлось заменить большую часть экипажа… – Она быстро

взглянула на Мережа. – Не могло быть и речи, чтобы предупредить вас об угрозе. Если бы мои догадки не подтвердились, руководство НАСА выставило бы себя в смешном свете. Если бы подтвердились – моя страна получала важный козырь в будущей борьбе за звезды. Простите.

– Детские сны, несколько биологических проб и догадки? – недоверчиво переспросил Мереж. – Жидковатая платформа, чтобы возводить на ней теорию.

– Но она подтвердилась. Это открытие не должно погибнуть. Я обязана привезти его людям, на американском корабле или русском – неважно! Поэтому, когда мой экипаж решил возвращаться, не имея координат точки входа, я отказалась, хоть кое-кто открыто назвал меня изменницей… Я не имею права погибнуть!

Она отвернулась, сжав губы.

– Да ничего с твоими друзьями не случится, вот посмотришь! – запротестовал Мереж. – Благополучно вернутся на Землю. Как китайцы!

Малкольм молчала. По смуглой щеке побежала слезинка. Поддавшись неожиданному порыву, Витольд обнял женщину за плечи. Та была на добрых полголовы выше, да и в любом случае объятия в невесомости – зрелище комичное.

За тем, как стартует «Нил Армстронг», Мереж наблюдал на обзорном экране рубки. Неяркая вспышка в том месте, где за последние трое суток он привык видеть продолговатое светлое пятнышко, потом радужное колечко, быстро увеличивающее диаметр и одновременно тускнеющее. Все, пустота. Американский корабль ушел в гиперпространство. Где он из него выйдет? Где и когда?

Мереж вызвал отсек главного компьютера:

– Серго, ты проанализировал данные американцев?

– Шутишь, командир! Нашему Слону с их «тираннозавромрексом» не сравниться. Но первое впечатление – Флетчер прав. Алгоритмы инвариантны относительно пространственно-временного преобразования.

Мереж нахмурился.

– То есть пространственную координату можно заменить временной, выполнить инвариантные преобразования, и уравнение останется верным? Но этого не может быть! Время в отличие от пространства не изотропно!

– Думаете, американцы ошиблись?

– Думаю, мы все ошиблись… – Мереж вывел на экраны рубки систему уравнений Маркова. – Ты можешь продемонстрировать

эти преобразования? Только не спеши, я не Слон, я медленно думаю. По-человечески!

– Сейчас сделаю, – пожал плечами Гигаури.

Формулы начали изменяться. Неторопливо, с цветовым выделением, пояснениями. Мереж сжал ладонями виски, уставился в хоровод математических символов, букв, цифр. Процесс преобразования занял без малого полчаса. Пошел в обратную сторону. Затем – по кругу. На третьем прогоне Мереж вскочил из-за пульта – думать на ходу куда продуктивнее. Он начисто забыл о невесомости и взмыл к потолку рубки. Выругался, пытаясь вернуться в нормальное положение. Перевернутые вверх ногами, формулы преобразования оставались инвариантными. От положения наблюдателя ничего не зависело…

Стоп!

Почему, собственно, точкой отсчета по шкале времени выбран момент ухода в гиперпространство? Как это соотносится со временем в точке выхода? Принято считать, что временной сдвиг при гиперпереходе равен нулю. Но доказательств этому не существует, это постулат, введенный, чтобы не запутаться во временных парадоксах, пытаясь оперировать понятиями прошлого и будущего, для систем, разделенных горизонтом событий. Первый же эксперимент его опроверг! И если постулат отбросить, если гиперпереход изменяет координату времени так же, как и пространственные, то единственно возможная точка отсчета времени для нашей Вселенной… Большой взрыв.

Мереж запнулся. Он и не заметил, что давно разговаривает сам с собой вслух, и теперь вдруг увидел на экране интеркома побледневшее лицо кибернетика.

– Это же… ошибка в миллиарды лет! – просипел Серго. – По сравнению с ней разница между пространственными координатами альфы Центавра и Кеплера 438 – в пределах погрешности! Поэтому мы и американцы оказались в одном и том же месте. А реперные квазары не смогли идентифицировать, потому что…

Гигаури запнулся, не в силах назвать очевидное. Мереж сделал это за него:

– …потому что это место так далеко от Земли, от рукава Ориона, от Млечного Пути, что мы и представить себе не можем. Нас забросило в очень, очень далекую галактику. Серго, проведи пересчет параметров гиперпрыжка, исходя из новой точки отсчета. Для нас и для американцев.

Пересчет параметров гипердвигателя – процесс

ресурсоемкий. Слону понадобилось трое суток, чтобы справиться с ним. А когда он справился, экипаж «Москвы» собрался в рубке. Три человека, заброшенные за миллиарды световых лет от родного дома: вечно всклокоченный, крупнолицый крепыш-кибернетик, смуглокожая высокая женщина-врач, сухощавый, русоволосый и голубоглазый командир корабля. Такие разные. И такие похожие. Для галактических расстояний любые различия между людьми – в пределах погрешности.

– В общем готово, – объявил кибернетик. – Кажется, я теоретически знаю, где мы находимся – шесть квазаров Слон сумел идентифицировать. Конечно, если догадка командира верна. Остается забить параметры в навигационный блок, активировать двигатель и… рискнуть.

Мереж ощутил, как мгновенно напряглась, застыла Эллис. Отрицательно покачал головой:

– Нет уж, хватит с нас рискованных поступков.

Гигаури удивленно посмотрел на него, на женщину:

– А что остается? Пока не попробуем, не узнаем, правы мы или нет. Нас слишком далеко забросило, в телескоп не то что Солнце – нашу Галактику не разглядеть! И один единственный корабль для эксперимента.

– Два корабля… – тихо прошептала Малкольм.

– Но «Армстронг»…

Гигаури осекся, выпучил глаза ошарашенно. Понял. И Мереж понял. «Нил Армстронг» стартовал с Земли на полгода раньше «Москвы» и прибыл в локальное пространство Сюрприза на сутки позже. Теоретического обоснования этому нет, чистой воды эмпирика, но можно предположить…

– Серго, попробуй определить, когда здесь появится «Красный дракон».

Китайский корабль появился на следующее утро. Его ждали, потому заметили сразу.

– Ура, командир! – завопил в интерком Гигаури, дежуривший в рубке и потому первым увидевший сигнал на датчиках слежения. – Все получилось, формулы работают! Теперь – домой!

Кибернетик был прав, пора возвращаться. Экспедиция собрала столько эмпирических данных, что понадобятся десятилетия, чтобы осмыслить их и обосновать теоретически. Мереж отложил пакет с овощным пюре – они с доктором завтракали на камбузе, – посмотрел на Малкольм. Губы женщины мелко подрагивали.

– А как же они? – спросила она, встретившись с командиром взглядом.

– Они? В смысле – китайцы? – Лицо кибернетика из радостного сделалось изумленным. – Так они давно вернулись… то есть вернутся… то есть…

Он замолчал, перестал улыбаться. Осознал внезапно, что временные парадоксы в уравнениях Маркова – не просто красивый термин. Прошлое в локальном пространстве-времени Земли оказалось будущим на орбите Сюрприза. И это прошлое-будущее сейчас зависело от благополучного возвращения «Красного дракона».

– Может, они тоже додумались исправить точку отсчета перед возвращением? – предположил кибернетик неуверенно.

– Это вряд ли, – криво усмехнулся Мереж, покосившись на американку. – У наших заокеанских партнеров разведка поставлена превосходно. За двадцать лет они бы обязательно выведали такую важную информацию.

– Но тогда как китайцы смогли вернуться?!

Маневровые двигатели Мереж отключил, когда расстояние между кораблями сократилось до двухсот метров. Уменьшать дистанцию и дальше было рискованно: мало ли что творится в головах тайконавтов! Двести метров – вполне приемлемо. Надо лишь синхронизировать орбиты, тщательно прицелиться и оттолкнуться посильнее. Не промахнешься, корабль у китайцев огромный, не уступает «Нилу Армстронгу» по габаритам и куда крупнее «Москвы».

Гигаури нес вахту в рубке, готовый в любой миг увести корабль от столкновения. У шлюза Витольда провожала Малкольм. Спросила, когда он уже собирался открывать внутренний люк:

– Командир, как вы владеете китайским?

– Совершенно не владею! Ни бельмеса не понимаю… Ах ты черт!

Мереж вдруг сообразил: разумеется, тайконавты неплохо знают русский и английский. Однако не поболтать с коллегами он отправляется! А с бортовым компьютером экипаж вряд ли общается на чужом языке.

– Я иду с вами, – безапелляционно заявила Малкольм.

Витольд хотел воспротивиться, взять в качестве переводчика Серго… но если что-то случится, американка в одиночку не справится с управлением «Москвой» и тем более не сумеет подготовить гипердвигатель к возвращению на Землю. А значит, их открытия окажутся бесполезными. Странная женщина была права в который раз.

Он кивнул:

– Надевай скафандр, я подожду.

«Красный дракон» в точности соответствовал макету, который Мережу приходилось видеть неоднократно. И это хорошо – поиски аварийного запора внешнего люка не заняли много времени. Витольд открыл шлюз, отстегнул от пояса и закрепил на корпусе корабля страховочный фал. Шлюзовой отсек оказался тесен для двоих, пришлось заходить по очереди, – «не галантно», мужчина первый. И внутри предназначенный для людей объем явно не соответствовал внешним габаритам. Может, техническая начинка корабля у китайцев была недостаточно миниатюрна, может, имелось на борту нечто такое, о чем российская разведка то ли не знала, то ли не посчитала нужным довести до сведения командира «Москвы». Как бы там ни было, сейчас это интересовало Мережа меньше всего. Главное, рубка рядом со шлюзом, не нужно бродить по кораблю, достаточно повернуть в первый коридор слева и подняться по скобам на два метра. Если все сделать быстро…

– Интересно, что Ли Чен думает о нашем вторжении? Своему буддийскому богу молится или бластер заряжает – отбиваться от «зеленых человечков»? – поинтересовался он, чтобы немного снять напряжение, сковавшее мышцы.

Вопросы были риторическими, но Малкольм ответила:

– Нет. Он пытается спасти бортинженера. Он даже не поймет, что случилось.

И опять американка оказалась права – в рубке было пусто. Витольд облегченно выдохнул, спрятал приготовленный инъектор в чехол. Применять насилие не потребовалось, пусть и минимально необходимое.

Вокруг ложементов сонно шевелились отстегнутые и брошенные в спешке ремни, в воздухе плавали пустые ампулы от инъекций. Мереж оттолкнул в сторону особо назойливую, умостился в командирском кресле, подключил к бортовому компьютеру инфобокс с рассчитанными параметрами гипердвигателя, постарался вспомнить уроки в Звездном. Ага, здесь у китайцев панель активации.

Экран слева ожил. Иероглифы ничего Витольду не говорили, но необходимую последовательность действий он знал наизусть. Запрос – ответ, запрос – ответ. Вот и до страницы импорта с внешнего носителя добрались. Подумаешь, не знает он китайского! Системы управления бортовыми компьютерами давным-давно стандартизированы.

Он вновь коснулся сенсора ввода, но полоса загрузки не появилась – экран вспыхнул алым и неприятно вякнул.

– Пароль, – подсказала Малкольм. – Бортовой компьютер затребовал пароль. Вы его знаете?

Мереж, не сдержавшись, выругался. Знает? Да откуда?! Пароль на межзвездном космическом корабле – это нонсенс! Китайцы отправились в экспедицию вдвоем, от кого они собирались защищать навигационные данные? Друг от друга? От инопланетян?!

План, такой остроумный и простой, рушился. Что теперь делать? Искать этого Ли Чена, требовать, чтобы он сообщил пароль, чтобы допустил «пришельцев невесть откуда» в святая святых корабля – к программированию навигационного блока гипердвигателя? Требовать ничего не объясняя – потому что не было у китайцев объяснений «чуду», все последующие после возвращения «Красного дракона» двадцать с лишним лет!

Мереж сидел, не зная, что предпринять, беспомощный, потерянный. И спутница его ничем не могла помочь, не могла ничего подсказать. Это жутко – оказаться зажатым между прошлым и будущим, словно между наковальней и молотом. Когда именно от тебя зависит настоящее, которое должно соединить прошлое и будущее. И не соединяет! Черт бы побрал эти временные парадоксы!

Или плюнуть на парадоксы, найти китайского капитана и все ему объяснить? Предположим, что на Земле ему никто не поверит, посчитает сумасшедшим. Почему бы и нет? Человек последовательно пережил шок фазового перехода, внезапную и необъяснимую болезнь единственного товарища по полету, потерю привязки к трехмерному пространству… Может, китаец и в самом деле свихнется? Мереж вспомнил человечка в оранжевых одеждах, бормочущего непонятное. Да, в их единственную встречу китаец был похож на сумасшедшего.

Он начал подниматься с кресла, кивнул американке:

– Идем!

– Куда?

– Искать Ли Чена. Объясним, что случилось, и узнаем пароль.

Женщина судорожно вцепилась в подлокотники.

– Нет, это неправильно, так нельзя. Нужно другое решение…

– Какое? Ему никто не поверит, он свихнется от всей этой информации раньше, чем вернется на Землю!

Она отчаянно замотала головой:

– Ли Чен вернулся из экспедиции в здравом рассудке! Я отвечаю за свои слова, я специалист!

– В здравом?! А знаешь, что он выдал нам перед стартом вместо традиционного напутствия? Холод…

Витольд как стоял, так и сел. Ошалело уставился на экран

интерфейса, потом – на спутницу. Спросил внезапно осипшим голосом:

– Ты сможешь написать иероглифами «Холод далеких звезд»?

Перепрограммирование гипердвигателя заняло почти час, но, кажется, прошло успешно. Витольд перекрестился украдкой и потянулся к панели отложенного старта. Скомандовал:

– Сматываемся, быстро! «Красный дракон» стартует через тридцать минут. За это время нам надо вернуться на «Москву» и отвести ее подальше, чтобы не попасть под шлейфовый выброс энергии.

– Пароль поменяйте, – напомнила Малкольм.

Она снова была права. Услышав сигнал, предупреждающий об активации гипердвигателя, Ли Чен немедленно явится в рубку и прервет процесс. Начнет разбираться в причинах «самопроизвольного» запуска, обнаружит изменения в параметрах… Со всеми вытекающими.

– Введи «большой взрыв», – предложил Мереж. – Пусть их физики голову поломают.

– Нет, нельзя, это подсказка, – американка покачала головой. – Китайцы не дураки. Вдруг они догадаются, как были рассчитаны правильные параметры? Двадцать лет большой срок.

– Тогда сама придумывай, – отмахнулся Витольд.

Женщина улыбнулась и что-то быстро набрала на клавиатурной панели. Что именно – Мереж не спросил. Это не имело значения.

Покидали корабль они в обратном порядке: первой – Малкольм, вторым – Мереж. Он уже закрывал дверь шлюзового отсека за собой, когда ощутил затылком пристальный взгляд. Обернулся. В дальнем конце коридора висел, уцепившись за скобы, маленький тайконавт в оранжевой… нет, не кашае, разумеется. В оранжевом комбинезоне. Глаза его были неестественно широко раскрыты.

«Москва» уходила в гиперпрыжок. Гигаури пришлось занять место бортинженера на машинной палубе – гипердвигатель теперь важнее компьютера. Малкольм ничем не могла помочь спящим в коме космонавтам, потому поднялась в рубку. Мереж не возражал – присутствие высокой смуглой женщины почему-то успокаивало. Один за другим гасли огоньки на пульте, затихали привычные корабельные звуки. Обратный отсчет предстартовой трехминутки начался. Остановить, изменить, исправить – уже невозможно.

– Эллис, ты веришь в Бога? Самое время помолиться.

Малкольм улыбнулась.

– Я верю в тебя, Витольд. Помнишь, я рассказывала, что запомнила два из своих снов? Во втором капитан готовил корабль к возвращению домой. Гасли лампочки на пульте управления, тускнело освещение в рубке… а в соседнем кресле сидела темнокожая женщина. Сначала мне показалось, что она похожа на мою маму. Но потом я поняла – это я сама, выросшая, взрослая!

Мереж изумленно приподнял бровь.

– Ты хочешь сказать, что капитан из твоих детских снов – я?! Что ты как-то проникла в мои мозги и смотрела «трансляцию» всего, что происходит со мной в этой экспедиции? Трансляцию из будущего?! Нет, не верю! Это полная ересь, мистика! Так не бывает!

– Почему именно из будущего? Какой год сейчас на Земле? Мы ничего не знаем о том, как ведет себя информация при фазовом переходе. Может быть, я случайно попала… попаду под «шлейфовый выброс» твоего сознания? Или не случайно…

Она ослабила ремни, подалась к командирскому ложементу и прежде, чем Мереж успел запротестовать, накрыла ладонью его лежащие на подлокотнике пальцы.

– Знаешь, какой пароль оказался на интерфейсе бортового компьютера «Красного дракона» после возвращения? Наша разведка знала давно, но Флетчер сказал его мне, только когда отвозил на твой корабль. На наш корабль…

Она не успела, гиперсветовой корабль «Москва» перестал существовать. Чтобы родиться заново в другой точке пространства. И была тьма, и был свет. Свет звезды, знакомой им с детства, желтой, ласковой, теплой.

Тепло родного дома.

Николай Немытов
Подмостки

Обрывки… обрывки… обрывки…

Кусочки пазла, с которыми не справится ни одна универсальная прога. Он не был уверен, что удастся добиться цели, но есть время, доступ, несчетное число обрывков видеофайлов… Совершенный мир вокруг него собрал столько инфы, что системы архивации не успевали каталогизировать. Оставались кусочки, фрагментики – обрывки, не поддающиеся классификации.

Видео рябит, словно в допотопном телевизоре. Человеческая фигура на фоне колонн – все, что распознала прога. Ничтожно мало! Однако система выделила именно этот фрагмент, ввела его в решение поставленной задачи.

Есть аудиозапись. Человек у колонн что-то говорит. По звукам, по движению губ сквозь рябь определяются отдельные слова: «выбор», «чувство», «апрель», «назад». «Назад»? Нет, по смыслу, скорее всего, «возвращение». Прога подтверждает: да, «возвращение»!

Теперь поработать с предложениями, отобрать более приемлемые варианты словосочетаний.

«Апрель». Почему-то он уверен – именно это слово ключевое. «Апрель». Обычный месяц из двенадцати, часть года, тридцать дней. Уже давно в Митридат-граде апрель не приносит весну – здесь всегда один и тот же благоприятный климат без смены сезонов. Апрель превратился в четвертое деление на годовом циферблате. Конечно, если тебе захотелось снега или жары…

«Апрель». Что же в апреле произойдет такого?

Вызов законодателя оторвал его от размышлений. Прога поиска и анализа данных мгновенно свернулась.

– Найди мне Эйприл! – властный голос законодателя, нетерпящего возражений.

– Слушаюсь, господин Долинин! – ответил он.

Наша прима пропала! Досадно, а ведь он так близок к решению. Что ж…

Он вошел в поисковую систему Митридат-града – золотая отметка «Эйприл» парила над клубом «Шеляле».

– Я нашел Эйприл, господин Долинин! – Внезапная догадка заставила его улыбнуться: *Я нашел Эйприл, черт побери!*

* * *

Эйприл протянула руку, но никто не поспешил ей на помощь.

Это что еще за новости?

Она щелкнула пальцами, требуя внимания к себе. Шофер не шелохнулся. Он даже не посмотрел в зеркальце над панелью управления. Отрешенно уставился в лобовое стекло, разглядывая цветные росчерки – проносящиеся на большой скорости ховермобили. Их лазерные фары горели, будто злые звезды ночного неба, и яркими метеорами чертили в воздухе голубые линии. Эйприл никогда не видела звездного неба, но в Митридате рассказывали, что это ужасное зрелище – черная бездна, из которой на тебя смотрят яркие огни.

Эйприл щелкнула громче.

Боже, неужели ей придется поставить бокал на столик и самой выбираться из салона?

Машина слегка покачивалась в воздушных потоках летящих мимо лимузинов, и эта качка казалась приме Эйприл невыносимой. Она может упасть, она может порвать платье, в конце концов она может удариться или сломать себе… каблук!

– Слон! – крикнула она шоферу. – Помоги выйти! Меня укачивает!

Тот удостоил ее взгляда в зеркальце, потом оглянулся на законодателя Долинина, стоящего у перил Объездного моста. Эйприл готова была всплакнуть: ее Долинин не обращает на нее внимания! Даже шофер не слушает ее, а ведь еще совсем недавно он…

– Не вопи, Эйп! – услышала она знакомый баритон законодателя. – Машина на стабилизаторах. – Он говорил, не оборачиваясь, созерцая серую муть за перилами моста.

Да черт возьми! Что происходит?!

Стараясь держать себя в руках, Эйприл аккуратно поставила бокал на столик – пальцы дрожали, – взялась за позолоченный поручень (хотя предпочла бы руку Долинина) и осторожно выбралась из салона – сама, черт побери!

Мост! Она на Объездном мосту как последняя шмара! Эйприл оглянулась, ожидая увидеть у перил тех ярких особ, которые обычно здесь промышляют, предлагая кайф – секс, наркотики или еще какую-либо усладу-прогу по желанию клиента. Она невольно осмотрела себя с головы до ног. Для шмары нужно быть слепяще-яркой, чтобы тебя заметили из ховермобиля. Одежда Эйприл не была столь вызывающей, но сердце ее замерло: большая часть ее проги принадлежит законодателю, сейчас – Долинину. Она по доброй воле отдала свое тело и прогу под обновления супруга, чем признала его своим законодателем. Он взял ее под свою опеку на полное обеспечение и теперь, согласно брачному

контракту, может сделать ее шмарой, если захочет.

Долинин наконец-то повернулся и… получил пощечину.

– Ты еще смеешь улыбаться! – Эйприл трясло от возмущения.

Так казалось со стороны. Однако прима трепетала от испуга и поток слов, слетевших с ее губ следом за пощечиной, был порождением страха за свое будущее. Чем больше она кричала, тем презрительнее становился взгляд Долинина.

Прима поняла: Он уже решил! Он уже все решил!

Дыхание дало сбой.

– …и теперь я стою на чертовом Объездном как последняя шмара, – произнесла она севшим голосом.

Он взял ладонь Эйприл, поцеловал пальцы.

– Милая, ты совершенно права, – тихо произнес Долинин.

«Совершенно права»? Что он имеет в виду? Что я… шмара?!

Долинин не дал приме сказать. Стремительно зашел за спину, заломив руку, которую только что целовал. Пальцы его левой руки слегка придавили горло Эйприл.

– Ты совершенно права, милая, – прошептал на ушко Долинин. – Ты самая настоящая шмара. Обыкновенная шмара.

Она дернулась – пальцы на горле сжались сильнее, надавили под скулами, заставляя приму подняться на цыпочки. Эйприл не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть, окружающий мир в ее глазах вдруг стал желтеть – наверное, так приходит смерть.

– Ты вышла из-под моей проги, – шептал Долинин. – Ты завела себе любовника, пустила его в свою прогу. Я же обещал обеспечивать тебя любыми обновлениями. У тебя был неограниченный допуск к моему банку, ежедневный шопинг, концерты в лучших клубах. Чего тебе не хватало? Или я дал повод усомниться в своем слове?

«…у тебя БЫЛ допуск…» – Эйприл словно кипятком ошпарило. Это конец! Он узнал! Он понял!

Воздуха не хватало, организм начинал сбоить. Мир в глазах Эйприл заволокло желтой пеленой. Прима хотела взглянуть на ховермобиль, но не могла повернуть голову.

О, боже! Я умираю?!

Неожиданно Долинин ослабил хватку, толкнул ее к перилам моста.

– От тебя требовалось лишь одно: быть со мной рядом. – Он сжал кулаки, зло прищурился. – Разве я так много просил?

– Придурок, – просипела прима.

Это ее голос?! Она теперь всегда так будет сипеть?!

От испуга Эйприл бросило в жар, но дыхание восстановилось, желтая пелена спала с глаз.

– Не бойся. Голос останется прежним, – Долинин

усмехнулся. – Только тебе он уже не понадобится…

Эйприл почувствовала толчок в грудь, взлетела над перилами и понеслась вниз, расставив руки и судорожно хватая пальцами воздух.

Радужный свет Объездного моста удалялся, мелькнули красные огни нижних ферм. Эйприл уже едва различала опоры, погружаясь в серую мглу, которая постепенно превращалась в кромешную тьму.

Долинин не сделал ее шмарой, не изменил ее прогу, а просто сбросил с моста. Идиот! Платье, конечно, порвется. Тем лучше! Идиоту придется покупать новое и в этот раз…

Она не успела решить, каким будет новое платье…

* * *

Врач-программатор открыл пробирку с сиреневым туманом и сунул ее Долинину под нос.

– Вдохните.

Долинин послушно сделал вдох, шмыгнул, почувствовав щекотку.

– Это уже пятая, док.

Врач убрал опустевшую склянку, заглянул в глаза пациенту, проверяя реакцию. Принялся монотонно задавать вопросы теста. Долинин отвечал, злился, но терпел. Расправа над Эйприл не давала ему покоя и раздражала больше, чем манипуляции врача над прогой.

Что он сделал не так? Сбросил с моста дорогую шмару. И что? Скольких человек он сбросил с Объездного, и треть из них были женщины! С некоторыми из них он был в договоре. Адвокаты быстро улаживали все вопросы, память о пропавшем человеке стиралась из Хроник Митридат-града…

С Эйприл, будь она проклята, все не так! Он чувствовал беспокойство, он пытался разобраться в своем отношении к приме, однако так ничего и не понял. Стандартный договор, стандартная любовь, а вот, поди ж ты. Программатор говорит о вредоносной проге. Такие часто тайком от супруга-законодателя вводят ревнивые женщины, желающие не упустить богатого и влиятельного партнера.

Долинин полулежал в кресле, отвечал на вопросы, глядя на озадаченную физию программатора. Процедура начинала надоедать.

– Ну, хватит! – рявкнул законодатель, схватил врача за ворот халата, притянул к себе. – Послушай, док, мне нужен ответ.

Быстрый ответ, иначе… Слон! – крикнул он в сторону двери.

В комнате тут же появился водитель-телохранитель – крепкий широкоплечий детина с перебитым носом на круглом лице, готовый выполнить любой приказ. У этого стопроцентная прога подчинения – выкрутиться врачу не удастся.

Программатор покосился на вошедшего и прошептал:

– Боюсь, ответ вам не понравится.

Долинин оттолкнул его от себя:

– Это мне решать. Говорите. – Он сел, одернул рукава рубашки. – Я жду!

– Здесь не в проге дело, – затараторил врач. – Это называется рудиментарной психикой, которая не зависит от проги. Некие психические установки, которые достались нам от диких предков. Чувства зверя, если говорить проще. Вы очень эмоциональный человек, живете на грани стресса, потому рудименты психики дали о себе знать.

Долинин усмехнулся: стоит нажать – и из любого правда прет фонтаном.

– И как мы от этого избавимся? – спросил он, подчеркивая «мы».

Программатор пожал плечами:

– Здесь только одно лекарство – замена. Мы приглушим одно рудиментарное чувство и усилим другое.

– Валяйте, – тихо произнес Долинин, возвращаясь на подушки кресла.

Но Слона не отпустил, и верный телохранитель замер у двери каменным изваянием.

Новые пробирки, новые манипуляции. Законодатель погрузился в дрему, следя за работой программатора словно сквозь туман. На какое-то мгновение он вновь увидел Объездной мост…

Эйприл склонилась, хватая ртом воздух.

– Придурок, – сипло произнесла она и выпрямилась: на лице страх, пальцы с алыми ногтями массируют горло.

– Не бойся. Голос останется прежним. Только тебе он уже не понадобится…

Она не кричала. Воздушная волна подняла Эйприл и перенесла через перила…

– Сука! – Долинин вскочил, сжимая кулаки. – Чертова сука!

Он так и не узнал, кто ее любовник. Поддался секундному приступу гнева и швырнул с Объездного. Черт!

Он осмотрелся. Врач стоял в сторонке, подняв руки к груди, словно ожидая удара от очнувшегося пациента. Слон шагнул вперед, готовый выполнить команду своего законодателя:

прибить докторишку или отпустить?

– Все, док! Никаких тестов! – зло произнес Долинин. – Вы свободны! У меня куча дел.

Он кивнул Слону, и тот отступил от двери.

– Гонорар уже на вашем счету.

Программатор быстро собрал свое оборудование, поспешил удалиться, пряча улыбку. Долинин почувствовал его самодовольство. Да черт с ним, с докторишкой! Все-таки справился с этим… с рудиментом.

– Слон, мы выдвигаемся на Подмостки!

Охранник удивленно посмотрел на законодателя.

– У тебя сбой проги? – Долинин недобро прищурился.

* * *

У нее оказался большой запас прочности. Удар от падения не был катастрофическим. Ее подхватил кто-то невидимый, аккуратно поставил на ноги и исчез. Как прима ни напрягала зрение, как ни вертелась на месте, пытаясь разглядеть спасителя, – тщетно.

Эйприл брела наугад сквозь алый мир. Что-то царапало ее тело, путалось в ногах. Алый мир оказался жутко… кривым! Здесь не было ровных тротуаров или дорожек, как в Митридатском парке. Что говорить о скоростных трассах для ховермобилей?

Эйприл подняла руки – остатки платья висели лохмотьями, кожа покрылась тонкими порезами и пятнами, которые ныли и чесались. Эйприл передернуло от омерзения. Она бы, наверное, шлепнулась в обморок, если бы увидела себя ТАКОЙ в зеркале. Эйприл едва держалась на ногах, тело ныло, дрожало, требуя прилечь прямо сейчас, прямо здесь и уснуть. Но ложиться на кривую поверхность в грязь?! Бр-р-р! Гадость! Здесь нет даже ровной газонной травки!

Она умирает. Умирает жуткой смертью. Наверное, где-то в Митридат-граде смотрят на нее в реальном времени, быть может, кто-то даже заплачет или пожалеет приму Эйприл, уронит слезу. Какой-нибудь состоятельный поклонник, у которого есть возможность прокачать свою прогу до функции «слезы».

Эйприл встрепенулась: перед смертью надо сказать нечто такое… особенное.

Она сжала виски пальцами, пытаясь сосредоточиться, однако совершенно ничего не приходило на ум. Как же так! Обычно прима быстро запоминала крылатые высказывания и постоянно обновляла их. Ее считали весьма остроумной.

Ничего не получалось. Может, спеть? Конечно, спеть! Она же прима, а это ко многому обязывает.

Эйприл всегда умела настраиваться на выступление, что бы ни происходило вокруг. Она прикрыла глаза, глубоко вздохнула – легкий хрип в груди насторожил, но прима заставила себя не обращать внимания, – дрожь в теле прекратилась. Она припомнила мелодию последнего мегахита…

– Ты вынял душу из моей груди! Танцуй же, танцуй! Танцуй же, танцуй! Танцуй…

В ужасе она закрыла рот ладонью.

Это ее голос?! Кошмар!!! Если сейчас кто-то видел и слышал… Пиарщики перевернут все с ног на голову! «Прима Эйприл! Реальный голос в реальном времени!» Новость мгновенно разнесется по Митридат-граду! Долинин первым расхохочется: «Я всегда знал, что Эйприл – бездарь! Слышали бы вы ее в ванной комнате!»

Несчастная опустилась на сухую траву и зарыдала. Из глаз потекли слезы – хотя бы эта функция осталась. Эйприл специально закачала ее для исполнения «Танцуйжетанцуй!». Могла себе позволить такую роскошь.

* * *

– Слон.

Телохранитель появился у входа в кабинет. Законодатель жестом подозвал его к рабочему столу, приказал сесть и налить бренди. Слон тут же плеснул бренди в два широких стакана, подумал мгновенье, сверился с желанием законодателя – плеснул еще. Вручил один стакан Долинину. Задавать вопросы – с чего вдруг хозяин так милостив к телохранителю? – некорректно. Если законодатель отдал распоряжение – выполни.

– У тебя в жизни случилась одна забавная история. – Долинин отпил и пристально посмотрел на телохранителя.

– Какая именно? – Слон глотнул бренди, в ожидании выпрямился в кресле, преданно глядя на законодателя.

Долинин усмехнулся.

– Вольно, Слон. Я немного устал. А ты напряжен, и это раздражает.

Телохранитель положил ногу на ногу, откинулся на спинку кресла – поза, разрешенная по контракту.

– Ты был суицидником, – сказал Долинин.

Слон нахмурился. Он старался вспомнить, когда и каким образом пытался покончить с собой.

– Простите, законодатель, я не помню. – Телохранитель растерянно пожал плечами. – И потом я сомневаюсь, что такое возможно.

– Ну да! Мы же бессмертны, – произнес с иронией Долинин, кивнул, вновь отпил из стакана. – Тем не менее в архивах града сохранились видеофайлы твоего суицида.

На столе возник блеклый прямоугольник экрана, пошла видеозапись. Слон первым делом взглянул на дату: девять лет, четыре месяца, двадцать шесть дней назад. Он увидел себя, перелезающего через перила Объездного моста Митридат-града. Вот лицо крупным планом – ни тени страха, полное безразличие к близкой смерти. Да и возможна ли она, смерть? Вместо растерянности к Слону пришло любопытство. Вот суицидник прыгнул вниз, в Подмостки…

Изображение дрогнуло. На том же месте у перил вновь появился Слон. Появился из ниоткуда. Не перелез через перила, не свалился с небес – в одно мгновение возник на Объездном мосту в чем мать родила, но тут же костюм простенькой проги скрыл наготу, на ногах появились дешевые туфли. Судя по таймеру, после прыжка прошло тридцать семь часов сорок шесть минут. Суицидник растерянно осмотрелся, спрятал руки в карманы брюк и пешком двинулся к центру Митридат-града.

Долинин повторил запись трижды, прежде чем Слон попросил его свернуть файл. От происходящего на видео телохранителю становилось не по себе.

– Но он… То есть я… остался жив, – заметил Слон охрипшим голосом и глотнул бренди. – Возможно, он… Я спускался на нижние фермы моста, но…

Долинин повторил эпизод с прыжком, приблизив прыгуна. Стало ясно видно: Слон перелезает и отталкивается от перил, летит, раскинув руки в стороны.

– Законодатель, я не помню, – глухо произнес телохранитель, прикидывая, чем ему грозит открывшаяся правда.

– Естественно. – Долинин вновь кивнул. – Система града не будет подвергать своего гражданина воздействию постоянного стресса. Она позаботилась о тебе, удалила память о происшествии как вредоносный файл. – Долинин прищурился, с интересом рассматривая телохранителя. – Мне интересно только одно: что тебя заставило попытаться покончить с собой?

Слон выглядел несчастным – законодатель просил вспомнить то, чего он помнить не мог. А уж понять причину поступка десятилетней давности…

– Я был другой. Быть может, прога подверглась постороннему воздействию? Или… Не знаю. Не помню. – Телохранитель

беспомощно развел руками.

– Ладно, – с улыбкой отмахнулся Долинин. – Ты так напрягся, что наша общая прога сейчас задымит.

Слон попытался улыбнуться в ответ – получилось бледно.

Законодатель допил бренди и снова стал серьезным.

– Вот что, мне нужна инфа о Подмостках. Ты – единственный мой источник. К сожалению, – он поставил пустой стакан на стол, – остальные суицидники – да, вас оказалась немало! – вне моей зоны досягаемости. Большинство не вернулось.

Долинин щелкнул пальцами – в кабинете появился секретарь-референт, не имеющий собственного имени и живущий едва ли не в стене кабинета, словно прога в системе.

– Он поможет тебе с памятью, – сказал законодатель Слону.

* * *

Рука выглядела страшно – бледные пальцы, обтянутые тонкой морщинистой кожей, появились перед глазами Эйприл, когда она попыталась смахнуть с лица упавшую прядь. Прима вскочила, громко чихнула – облако золотого тумана поднялось над головой. Он искрился в лучах солнца и таял на глазах, растворялся в воздухе, оседал в высокую траву у ног.

И Эйприл увидела себя! Она закричала, с ужасом рассматривая дряблое обнаженное тело. Видимо, пока она была без сознания, опасный вирус чужой проги атаковал ее и… Теперь она точно умрет!

Хотя… Мир уже не был алым. Пелена перед глазами исчезла.

Эйприл огляделась. Огромное дерево раскинуло пышную крону над ее головой, зелено-золотистый жгут спускался с ветвей до самой земли, заканчиваясь огромным листом, в котором она и сидела. У подножья ствола росла высокая трава, цвели цветы, летали бабочки. Прима заметила золотистую дорожку, которая вилась тонкой змейкой к огромной куче из мелких соломинок. Она склонилась, присмотрелась: крошечные существа тащили золотистые блестки тумана, удерживая их челюстями.

Эйприл удивилась – странная инсталляция. Очень необычная и такая реальная. Или это последствия поражения вирусом? Она осторожно поднялась на ноги, ступила на траву, стараясь не потревожить золотую «змейку», – суставы отозвались ноющей болью, голые ступни колола трава. Прима едва не закричала, но сдержалась. Кто знает, возможно, мелкие существа в траве услышат ее и расчленят по крупицам, поместят в свою кучу.

Рядом с листом лежал сверток. Прима, тараща глаза от боли

в ступнях, опасливо обошла его стороной, но поняла, что это свернутая одежда: в траве возле свертка прятались туфельки.

Ей и одеваться придется самой? Как примитивно! О нет! Она останется обнаженной. Пусть некрасивой – нет, не уродливой, а некрасивой, – однако надевать такой примитив… Никогда!

Она вышла из тени дерева, и горячее солнце на мгновение ослепило.

– Сударыня! Вам следует одеться! Обгорите под солнцем!

Прима подскочила на месте, осмотрелась, вертясь волчком, – никого.

– Прошу вас одеться! И я выйду!

Голос, судя по всему, принадлежал карлику – дребезжащий, ломающийся. Эйприл, конечно же, не могла разглядеть незнакомца в высокой траве или под деревьями, а он, наглец, смотрел на ее застрахованное тело и, скорее всего, снимал в реальном времени. Мало того что прима Эйприл потеряла голос, так теперь ничего не осталось от ее шикарного тела. Она привычным движением поправила волосы и вскрикнула – ее иссиня-черные роскошные локоны превратились в белые тонкие пряди.

Она села в траву и разрыдалась – эта функция проги, как ни странно, еще хорошо работала.

– Снимайте же! – закричала она невидимому соглядатаю. – Снимай же, будь ты проклят! Покажи позор примы Эйприл всему Митридат-граду! Покажи!

Она опустилась лицом в траву, содрогаясь от рыданий (пусть ее расчленят и утащат мелкие твари!), и не услышала легких шагов рядом с собой. Невидимый соглядатай заботливо укрыл ее мягким покрывалом.

Прима взвилась, чтобы вцепиться в лицо человека, снимающего ее трагедию, но замерла. Маленький мужчина отошел в сторонку и отвернулся.

– Оденьтесь, пожалуйста, – вновь попросил он. – Вас никто не снимает, вы не в граде.

– Вы врете! – выпалила Эйприл, прижимая к груди края покрывала.

– Зачем? В Подмостках люди не врут.

Прима рассмеялась, размазывая слезы по дряблым щекам.

– Прекратите, – отмахнулась она, вздохнула, взяла сверток с одеждой – бежевое расшитое платье и простое белье. Пригляделась к туфелькам – под натуральную кожу, без каблучка. Для такой развалины, какой она стала, вполне сносный туалет. Все же Эйприл попыталась изменить платье, огладила от груди до пояса привычным движением – если в одежде есть прога, то

внешний вид изменится, – ничего не произошло. Одежда вызывала у примы отвращение, однако выбора не было.

– Я готова, – окликнула Эйприл стеснительного наблюдателя.

Мужчина обернулся. Он был белобрыс – нечесаные вихры упрямо торчали в стороны, – синеглаз, на курносом лице россыпь канапушек. На нем была потертая футболка, плотные штаны, подпоясанные широким ремнем с пряжкой желтого металла. Обувь не разглядеть в высокой траве. На левом боку мужчина носил плоский чехол с торчащей из него рукояткой, за спиной – изогнутый толстый прут, концы которого соединялись натянутой тонкой веревочкой, еще один чехол с оперенными прутиками и мешок.

Незнакомец выглядел смущенным, старался не смотреть в глаза, что немного успокоило и позабавило Эйприл.

– Здравствуйте. – Мужчина нахмурился, стараясь выглядеть серьезнее. – Определимся – кхем! – для начала в некоторых понятиях. Я, – он ткнул себя в грудь пальцем, – ребенок, растущий человек. По половому признаку я – мальчик. – Его щеки залил румянец, даже уши вспыхнули. – Вы, по нашей терминологии, эльф – человек, прыгнувший с одного из мостов Митридат-града.

Он помолчал, видимо, ожидая, когда Эйприл представится. Прима растерялась, пытаясь собраться с мыслями. Происходило нечто необычное, и больше всего ее поразил этот малыш. Ребенок! Не карликовый мужчина, как она полагала вначале, а настоящий ребенок, «растущий человек». В граде такое большая редкость. Говорили, что есть врачи-программаторы, выращивающие детей для очень состоятельных законодателей, она слышала как-то о составлении наследства на ребенка-наследника и даже подумывала завести себе маленькую Эйприл, но, подсчитав свои возможности, быстро отказалась от идеи.

– Я – женщина, – в тон мальчику представилась она. – По половому признаку. – Эйприл понимала, что это было важно, ведь многие граждане Митридат-града меняли пол или совмещали в себе оба, а некоторые предпочитали обезличиваться или их обезличивали законодатели согласно контракту, договору, соглашению. Например, такими бесполыми часто становились секретари-референты.

– Я – прима, певица Эйприл.

На мальчишеской физиономии появилось удивление.

– Вы Апрель? – переспросил он, не веря своим глазам.

Теперь удивилась прима.

– Ох, простите! – спохватился мальчишка. – Меня зовут Артем, Артем Жданов. Я – пограничник.

– Артем Жданов, пограничник, – повторила Эйприл.

Мальчишка кивнул.

– Только учти, Артем Жданов, меня зовут – Эйприл. Не Апрель или как-то еще близко к оригиналу, – наставительным тоном произнесла она. – Мое имя нельзя переделывать, нельзя использовать без моих адвокатов.

Она хотела добавить еще пару пунктов, но заметила, как скис мальчишка, и лишь уточнила: – Это очень важно, Артем Жданов. Мое имя – бренд, франшиза, охраняемая уставом законодателя Долинина и гражданским коммерческим законом Митридат-града. Иначе я вынуждена буду подать на тебя в суд.

Показалось, или на лице пограничника промелькнула улыбка? Артем поспешил опустить голову.

– В этом нет ничего смешного, – Эйприл заговорила раздраженно.

Мальчишка пожал плечами, сморщил нос, будто ему стало неловко:

– Подмостки вне зоны юрисдикции Митридат-града.

Эйприл открыла рот, но промолчала.

* * *

– Лучшая защитная прога на сегодняшний день, – заверил Слон, подгоняя скафандр под телодвижения. – Вирусные проги и проги взлома отстают от нее на сутки. Ультрасовременное оружие. – Он поднял руки в отполированных до зеркального блеска перчатках – стволы со щелчком вышли из предплечий. – Аналитики утверждают: три дня никто не сможет превзойти прогу пробивной силы стволов.

– Пока не найдется гений-программатор, – проворчал законодатель.

Долинин подвигался, проверяя работу систем своего позолоченного скафандра, извлек оружие. Черные ребристые стволы ему понравились. Он взглянул на припаркованный у перил Объездного моста ховермобиль и в одно мгновение превратил его в хлам парой мощных очередей.

– Годно. – Долинин кивнул телохранителю.

Слон быстро заказал ремонтную бригаду. Подключенный к проге законодателя, он прекрасно знал, как дорога Долинину именно эта коллекционная машина. В последнее время вспыльчивый законодатель совсем слетел с катушек. За малейшую провинность он беспощадно карал подключенных: двух горничных выгнал без прог-обеспечения и рекомендаций, а

на собственного телохранителя он просто наорал, срывая связки, когда оказалось, что разработка проги скафандров задержится на час. Еще и садовник пропал без вести. Что сделал с Долининым врач-программатор – осталось только догадываться. А если законодателя сорвет во время миссии и он начнет палить во всех подряд? На всякий случай Слон усилил, как мог, броню своего скафандра. Не только ради собственной безопасности. Он понимал: если прога спуска в Подмостки пойдет не так, разгневанного неудачей законодателя придется вытаскивать самостоятельно.

Они закрыли шлемы, подошли к ограждению моста. Слон глянул в серую мглу. Он совсем не помнил, что произошло с ним десять лет назад, но полет от первого лица снился ему едва ли не каждую ночь… Слон долго не мог понять, откуда это чувство, почему оно так знакомо, и теперь стало ясно: он действительно прыгал с моста. Ради чего?

– Нижняя отметка – восемьсот двадцать четыре метра, – сказал он Долинину.

– К черту! – огрызнулся тот и прыгнул первым.

На отметке «564» прога скафандров дала сбой, перезагрузилась. Через пару мгновений перезагрузилась вновь, но с большой паузой. Потом вовсе отказалась работать.

Слон раскрыл парашют – стропы дернули его вверх. Без проги экран лобовой брони шлема стал совершенно черным, потому телохранитель падал вслепую и не мог определить местоположение и состояние законодателя. Он хотел открыть забрало шлема, чтобы осмотреться. Перед глазами возникла алая тлеющая точка – забрало стало тлеть на глазах, ветер ударил в лицо. Слон успел различить под ногами купол парашюта Долинина, прежде чем почувствовал, как обрываются стропы одна за другой.

* * *

Эйприл не знала, что делать с руками. Они ей все время мешали: прима то прижимала их к груди, то клала на бедра, то гладила себя по плечам, кутаясь в покрывало. Ей постоянно хотелось вскочить, пройтись вдоль опушки темного леса, а лучше лечь и дать себе отдохнуть. То ее тянуло поговорить с Артемом Ждановым, то хотелось помолчать, глядя на запущенную мальчишкой удивительную прогу – костер. Эйприл испытывала постоянное беспокойство, словно внутри кто-то все время дергал ее за нити, заставляя менять желания, куда-то идти, о чем-то

говорить.

Артем молча поглядывал на женщину, помешивая в котелке над костром уху.

Эйприл принюхалась к ароматному пару, поднимающемуся над котелком, и почувствовала себя голодной.

– Когда мы будем есть твое варево? – капризно спросила она.

– Еще немного.

– А нельзя ли другую прогу закачать? Сделать все быстрее?

Артем взглянул на нее, подбросил пару веток в костер.

– Вернетесь в град – там будут проги, – спокойно ответил он. – Здесь реал в реальном времени.

Эйприл вскочила:

– Тогда верни меня в Митридат! И как можно быстрее!!! – Она топнула ногой.

Тут же порыв гнева оставил ее. Прима замерла, оглянулась вокруг, словно впервые увидела лес, костер, звездное небо над головой. Села на прежнее место и завернулась в покрывало.

– Прости, – тихо произнесла она. – Со мной что-то неладное творится.

– Демо-личность отпускает не сразу, – ответил Артем. – Ничего страшного. Она все равно не возобладает над природной личностью эльфа. Нет поддерживающих прог.

Эйприл взглянула на него с уважением.

– А почему ты называешь меня эльфом?

Артем слегка смутился:

– Это рабочий термин. Те, кто прыгает с моста, попадают в карантинную зону леса. Фитомеды прекращают действие прог, освобождают организм от нанитов, которыми вы дышите в Митридат-граде. Человек становится таким, каков он на самом деле. В основном вы старики. Золотая пыльца – это и есть отключенные наниты на основе молекул золота. Они оседают в траву, и муравьи уносят золото в накопители. Со стороны, когда человек встает из реанимационного листа, все выглядит, как рождение эльфа в золотой пыльце.

– Муравьи тоже кибер…? – Прима запнулась, не зная, как назвать тех букашек. – Ну, ты понял.

– Муравьи – это муравьи, – пожал плечами Артем. – Они живут в лесу, потому их приучили собирать наниты в накопители.

Похоже, Артем Жданов знал о ее жизни больше, чем она сама. И все же… Эйприл сморщила носик.

– Ерунда какая-то. – Она улыбнулась. – Рассказываешь мне сказки. Если бы все это было правдой, я бы об этом знала.

– Да? – Артем хитро прищурился. – Тогда скажите: вы ездите на ховермобилях? А как машины устроены?

Эйприл дернула плечом:

– А зачем мне это? Я просто катаюсь по делам, получаю удовольствие от быстрой езды.

– Ага! Вот и знать про наниты вам незачем. У вас много пустых дел: шопинг, фитнес, массаж и прочее. Ты так занята, что даже не понимаешь… – Артем запнулся, покраснел, – не знаете и не хотите знать, как устроен град на самом деле, что он с вами делает. Митридат-град воздействует на ваш центр удовольствия, и вы, как крысы Джеймса Олдса, требуете все больше и больше…

– Ну хватит! – гневно крикнула Эйприл. – Я независимый человек, гражданин града-государства! Я не потерплю оскорблений!

– Засудите меня, тетенька? – спокойно спросил Артем, взглянув на нее сквозь пламя костра.

Прима хотела еще что-то сказать, но не нашлась. Фыркнула, укрылась покрывалом с головой. Артем невозмутимо ворочал угли в костре.

Под покрывалом прима быстро взмокла – ночь тепла да и открытый настоящий огонь на расстоянии вытянутой руки. Эйприл скинула покрывало с плеч, стала смотреть на взлетающие искры, взглянула на небо – сотни ярких огней уставились на нее. Звездное небо! Страшно под пристальным взглядом звезд. Чувствуешь себя мелкой мошкой, которую могут наказать за неправильное поведение. Хорошо, что этого ужаса не видно в Митридате. Там постоянный полдень, равномерный солнечный свет. Пару часов назад прима видела в реальном времени то, что маленький пограничник назвал «закатом», и едва пережила это событие: показалось, солнце уйдет навечно, канет за кроны деревьев навсегда. Жуткий стресс, а тут еще какие-то крысы!

Прима взглянула на противного мальчишку и вдруг почувствовала жалость к нему: как должно быть страшно каждую ночь Артему Жданову! Один под черным небом, под пристальным взглядом злых огней.

Эйприл ощутила острую необходимость помочь ему. Она поняла, что так сразу уговорить дикаря уйти с ней в Митридат-град не получится, однако и оставлять его здесь не хотела.

– Звезды меня пугают, – призналась Эйприл, начиная разговор издалека.

Артем бросил на нее удивленный взгляд.

– Они такие злые. – Прима поежилась. – Так смотрят… Бр-р-р!

– Что же тут страшного? – Мальчишка пожал плечами, взглянул на темное небо. – Красиво. Ночное небо – окно в бесконечность, во Вселенную.

Он вздохнул, задумчиво тронул тлеющую палку:

– Когда кончится моя практика здесь, попрошусь на орбитальную станцию. Если повезет, если пройду отбор, то возьмут в экспедицию.

Эйприл не понимала, о чем идет речь. Кажется, этот ребенок собирался добровольно уйти во тьму, ближе к жутким звездам, и говорил об этом как о мечте. Ужас!

Артем заметил ее удивленный взгляд, смутился.

– Но ведь там очень опасно, – заметила прима.

– Подумаешь! Я сделал свой выбор. – Он оживился, указал пальцем на приму. – Митридат-град сделал свой выбор, ведь так? Живет, совершенствует проги, которые решают все за людей. А мы строим надежные машины со своими прогами, изучаем пространство и время, а не создаем инсталляции, в которых потом путешествуем.

«Не поспоришь», – поняла прима. Выбор человека нельзя изменять.

Артем вдруг взмахнул рукой, и зазвучала знакомая для Эйприл композиция:

Так много звезд теснится в раме
Меж переплетами окна.
Они сверкают вечерами,
Как золотые письмена.

Эйприл замерла. Она не ожидала, что в Подмостках слушают ее композиции. Пусть запись наверняка пиратская, но… Эйприл почувствовала, что улыбается. Правда, «Звезды в окне» – ее старая работа, текст к ней написал сам Долинин, и поклонники в Митридат-граде, услышав ее, были ошеломлены.

Приме стало приятно.

– О! Ты знаешь мою композицию? – Она улыбнулась. – А последний хит слыхал? «Танцуйжетанцуй»?

Артем вновь смутился.

– Нет, – честно ответил он. – Мне нравятся ваши ранние песни.

– Почему? Мне пишет мой законодатель Долинин. Вот послушай! – Она постаралась напеть новую композицию: – Ты вынял из меня душу! Танцуйжетанцуй!

Мальчишка слушал, глядя на пламя костра. Танцевать не хотелось.

Прима умолкла.

– Ну, во-первых, не «вынял», а «вынул», – тихо заметил Артем, пряча улыбку, но довольная собой прима не обратила на это

внимание – голос ее почти не подвел.

– Словообразование – одна из черт гениального автора, – отмахнулась она.

– А во-вторых, Долинин ваш не пишет, а ворует.

Артем не хотел вновь затевать спор с эльфом, но и врать не собирался.

– Ты снова начинаешь? – Прима разозлилась. – Почему ты постоянно со мной споришь?

– Я не спорю. Я говорю правду.

– Хорошо. – Она старалась держать себя в руках. – И кто, по-твоему, написал эти композиции?

Артем посмотрел на нее и ответил:

– «Звезды в окне» – стихотворение Самуила Маршака, а музыка… наверное, Долинина.

Эйприл вскочила, в отчаянье сжала кулачки. Она еще хотела ему помочь! Противный, несносный мальчишка!

– Зачем?! Зачем ты мне противоречишь?! Ты постоянно врешь! – кричала прима, и горячие слезы текли по ее щекам.

Эйприл вытерла их ладонью, обошла костер и показала Артему мокрые пальцы.

– Вот! Видишь? Это дорогостоящая прога «слезы»! Она работает! Ты говоришь, что проги тут не работают, а она – действует! Понял?! Работает! И ты мне врешь!

Артем смотрел на нее снизу вверх и молчал. Эйприл хотела ударить его по рукам, оттолкнуть. Пусть знает! Пусть не думает! Знает что? Не думает о чем?

Приме вновь стало холодно. Она вернулась на место, укрылась покрывалом и отодвинулась подальше от костра.

Артем достал из рюкзака краюху хлеба, нарезал ее ломтями. Потом налил уху в две глубокие миски.

– Уха готова. Вам надо поесть, – сказал он, подходя к приме. – И отдохнуть.

Эйприл откинула покрывало, склонилась над миской, вдохнула аромат. Хлеб оказался особенно вкусным, а уха прекрасно его дополняла. Приме даже показалось, что она никогда в жизни не ела ничего вкусней. Она старалась не спешить, но уха все равно закончилась подозрительно быстро. Эйприл поглядела на казанок у костра – может, там еще осталось немного и Артем…

Мальчик осторожно взял ее пустую миску, налил добавки и сунул в руку примы ломоть хлеба.

– Спасибо, – прошептала Эйприл.

Наевшись, она сидела, бездумно уставившись куда-то в траву, и вдруг заплакала.

Огромный лист на толстом жгуте спустился с фитомеда, подкрался к ней сзади и обнял за плечи. Плачущая прима не сопротивлялась – покорно свернулась калачиком в его объятьях.

Когда лист со своей ношей спрятался в кроне дерева, Артем облегченно вздохнул. Так будет лучше. Эльф выспится, успокоится, демо-личность окончательно сойдет на нет. Потом Апрель сможет принять решение.

Артем очень хотел, чтобы Апрель осталась. Он пограничник, помогает старикам из Митридат-града на первых порах освоиться в Подмостках, а решают они сами. Главное, ситуация не вышла из-под контроля и помощь оперативного отряда не понадобилась. Артем довольно улыбнулся сам себе – это хорошо!

– Разревелась тут, – деловито проворчал он, снимая котелок с костра. – Слезы у нее текут по проге! Совсем свихнулись на прокачке тела и мозга. Удовольствие им подавай, усиленное и круглосуточное! Что вы понимаете в удовольствии?

* * *

– Черт! Дьявол! – сипел Долинин, пытаясь стряхнуть с себя золотую пыль и подняться на трясущиеся ноги.

Тело выглядело отвратительно: кожа сморщилась, покрылась пятнами. Голос изменился, руки и ноги слушались плохо. Долинин ругался, барахтаясь в листе, словно неуклюжий жук. Он перевернулся на живот, пытаясь отжаться руками и приподняться.

– Давай, развалина! Давай!

Кто-то взял его за плечи, поднял, помог сесть. Долинин удивленно уставился на крепкого старика, чем-то похожего на…

– Это я – Слон, – сказал старик.

Долинин заметил, что телохранитель выглядит лучше. На коже не видно старческих пятен, руки еще достаточно сильны, осанка правильная, темные волосы с проседью, но густые. Законодатель невольно коснулся своего почти лысого черепа, потянул за тонкие белые пряди. Его затрясло от гнева.

– Берегите силы, – посоветовал Слон, поднимая Долинина на руки. – Теперь, я так понял, мы сами по себе и никакая прога не поможет.

– Отстань! – Законодатель отбился от его рук, упал на четвереньки.

Подняться не получилось, и Долинин полез на карачках в тень деревьев, прячась от горячего солнца.

– Нашелся… мне еще… нянька… – страдая от отдышки, ворчал он, прислонившись к стволу дерева.

Тем временем Слон нашел в траве одежду, натянул штаны и рубаху из тонкого полотна, надел мягкие кожаные туфли.

– Ты! – крикнул Долинин, отдышался. – Кто твой… законо…

Телохранитель покачал головой: гнев убьет Долинина быстрее, чем кто-либо придет им на помощь. Безликий секретарь-референт организует поиск, соберет спасательную партию, едва почувствует отсутствие обновлений, поступающих от проги законодателя. Пройдет около двадцати минут. Впрочем, спасательную команду ждет такое же крушение, выходит, путешествие в один конец. Но ведь десять лет назад он вернулся!

Телохранитель принес Долинину одежду. Тот попытался справиться сам, однако запутался в рукавах рубахи и совсем обессилел.

Мальчик вышел из леса в сопровождении статной женщины с седыми волосами, собранными в узел на макушке. Увидев Слона, женщина замерла. Ее взгляд, полный удивления, показался телохранителю знакомым.

– Эй… Эй, – тихо захрипел Долинин. – Помощь… Нам нужна помощь…

Мальчик поспешил к нему, взял за запястье, к чему-то прислушался.

– Пульс слабый, – сказал он Слону. – Надо быстро возвращать.

Долинин вцепился в запястье мальчика, часто заморгал, будто что-то мешало ему хорошо видеть.

– Нет. Послушай, – горячо заговорил он с мальчиком, – я ищу Эйприл… Ты не видел здесь… размалеванную…

Мальчик оглянулся на женщину.

– Долинин? – удивленно произнесла она. – Это ты?

– А! – воскликнул законодатель и неожиданно потребовал: – Черт! Дайте свет! Где эта сука?!

Внезапно пришедшая старость ослепила его. Он приподнял подбородок, будто принюхиваясь в поисках жертвы, и, оттолкнув мальчика, одержимо пополз к приме.

– Ты… Эйприл! Ты сука… еще жива! Ты…

Слон едва удержал законодателя.

– Нужна помощь, – обратился телохранитель к мальчику, прижимая разъяренного Долинина к земле.

Мальчик хлопнул в ладоши, встряхнул руками, будто скинул с себя что-то невидимое, и его одежда превратилась в длинный до пят белый халат, а потом сформировалась в белую просторную рубаху и брюки с замысловатым светло-серым рисунком. Одно прикосновение к Долинину – и рисунок с костюма перетек на запястье законодателя, превратился в текучие цифры и

разноцветные диаграммы.

– Кто-то усилил ему ненависть. – Мальчик показал на прозрачный силуэт тела, проявившийся на запястье законодателя. – Это эмограмма психологического состояния. Видите синеву в районе груди? Он проходил психокоррекцию.

– Да, совсем недавно, – сказал Слон, вспомнив, как улыбался врач-программатор, покидая кабинет Долинина.

– Плохо, – покачал головой мальчик. – Откорректировать назад я не успею. Остается одно… – Он встал с колен. – Отправляем в Митридат-град.

* * *

Прога все же восстановила запись десятилетней давности. На видео оказались не колонны, а человек был ребенком, русоголовым кареглазым мальчишкой лет двенадцати по биологическим часам – недоразвитый мужчина.

– Уверен, что самоубийство – верный выбор? Ты ее любишь, – говорил недоразвитый Слону. – Любовь – сильное чувство. Но ты почему-то решил, что недостоин ее, что Апрель никогда не будет с тобой. Это трусость! Лучше вернись назад. Здесь ты не найдешь покоя. Здесь нет прог, которые избавят тебя от переживаний.

Слон вернулся в Митридат-град, поступил на службу к Долинину, чтобы постоянно быть рядом с Апрель-Эйприл. Прошло десять лет, прежде чем он посмел пригласить приму в ресторан, признаться в чувствах, чем нарушил контракт с законодателем. А поутру он струсил вновь и ничего не сделал, когда разгневанный Долинин избавился от Эйприл. Она ждала, она смотрела на него, сидящего за рулем ховермобиля…

Секретарь-референт вздохнул: мыльная пена! Вся эта история с любовным треугольником – просто жуть! Насколько же люди уязвимы и несовершенны!

Пока Долинин придавался мести в Подмостках, пока горел ненавистью к когда-то любимой приме, референт обновил собственную прогу до уровня законодателя и забрал дело Долинина себе. Собственно, не потребовалось особых усилий и помощи со стороны, если не считать врача-программатора.

Долинин появился возле перил Объездного моста словно из воздуха. Совершенно голый, он стоял, тяжело хватая ртом воздух Митридат-града, и не мог надышаться. Сладкая истома застыла на его лице – проги града действовали на центр удовольствий мозга, и после небольшой «голодовки» воздействие ощущалось особо остро. Референт знал это из архивированных файлов о

суицидниках, но возвращение самоубийц не входило в его планы.

С Подмостками надо что-то решать. Потом! А сейчас…

На Долинине появился костюм простенькой проги. Не привык он к таким – поморщился брезгливо, огладил одежду, желая сменить фасон и цвет, но ничего не произошло.

– Ну, чего уставился? – рявкнул бывший законодатель на безучастного референта. – Помоги с обновлением, живо!

Секретарь изобразил улыбку, невозмутимо произнес:

– Есть одна проблема.

Долинин посмотрел на него как на заговорившего каменного истукана и наконец заметил в облике референта разительные перемены: лицо приобрело цвет и объем, будто художник прорисовал на сером овале красивые черты, придав невзрачному типу изысканности и благородства. Но если раньше секретарь не вызывал у законодателя ничего, кроме брезгливости, то сейчас Долинин почувствовал, как волосы становятся дыбом на загривке и леденеет затылок: прекрасные черты неуловимо плыли – вот референт кажется юношей, легкий поворот головы – и проявляется нежный девичий лик, но эта красота и нежность пугали своей демоничностью.

Законодатель едва справился со страхом, вкрадчиво произнес:

– Неповиновение? – и гаркнул в привычной манере, надеясь на беспрекословное подчинение: – Совсем очумели!

Из лимузина вышли еще двое красавцев в изысканных костюмах. Даже не понять, кто из них женщина, кто мужчина. Долинин насторожился, недобро прищурился.

Секретарь, контролируя подключение к проге, увидел: законодатель собирается прокачать и применить оружие.

– Что за хня?! – гаркнул Долинин, не получив желаемого.

Референт остался невозмутим. Дешевый костюмчик – единственное, что может позволить себе бывший законодатель. Еще большее унижение – оставить его голым, но обнаженное тело – пусть и хорошо сложенное, как у Долинина, – вызывало у референта отвращение.

– О! Поверьте. Сущие пустяки, – голос референта оставался невозмутимым. – Вы больше не законодатель.

– Что-о-о?!

– Пришло время совершенства. Время ангелов, – ответил референт. – Люди – ненужный элемент.

Долинин шагнул к референту, но двое других безликих ловко скрутили ему руки и прижали спиной к ограждению Объездного.

– Прощайте, Долинин!

* * *

– Я был молод, – пожал плечами Слон. – Ты была для меня богиней, кумиром и… – Он выглядел смущенным.

Крепкий высокий старик стал похож на Артема Жданова: неловкий, краснеющий.

– Решил покончить с собой…

Эйприл покачала головой, с горечью в голосе произнесла:

– Но на мосту? Почему ты не остановил Долинина, не заступился за меня?

Тут не нужны были объяснения. Слон, как всегда, струсил. Он испугался законодателя, испугался изгнания из проги, испугался собственной смелости. А Эйприл его не выдала. Скорее всего, тогда она не верила, что Долинин, который ее боготворил, способен причинить ей страдания. Однако предательство свершилось.

Эйприл так разволновалась, что ее вновь начало колотить – проснулись ли остатки демо-личности, брала ли верх старость. Слон попытался коснуться ее ладони – Эйприл отстранилась.

– Я обязан вам напомнить! – окликнул их Артем. – Надо сделать выбор! Ваше биологическое время кончается, – он подошел ближе, – либо я отправляю вас в Митридат-град, либо вы проходите полную реабилитацию.

– И что нас ждет после? – тихо спросил Слон, не сводя глаз с Эйприл.

Артем Жданов пожал плечами:

– Вопрос выбора. Мир вокруг велик и реален. Вы, конечно, останетесь стариками – биологические часы не отменить, – однако сильными и здоровыми стариками. А можете вернуться к бессмертию.

Для Слона в словах мальчишки прозвучала горькая ирония: зачем нужно бессмертие, если нет самого дорогого?

– Сколько мне осталось? – спросил он Артема.

– Я не знаю. Я не знаю, каков запас вашего организма, как вы пройдете восстановление.

Слон понял: назад дороги нет. Он вздохнул и решительно сказал:

– Я остаюсь здесь.

Артем кивнул, глянул на Эйприл-Апрель. Слон ждал ее ответа, напрягая слух, но женщина молчала.

– Я читала, что древние боги всегда завидовали смертным, потому что те могли беззаветно любить, – тихо произнесла она. – Нам осталось мало, но…

На траву опустился лист – кто-то еще спрыгнул с Объездного

моста. Артем поспешил к новому эльфу, увидел его и вскрикнул от неожиданности.

– Ангелы… Чертовы ангелы… – пробормотал Долинин с последним вздохом.

Татьяна Томах
Королева и цербер

О том, что его мама – королева, Игорь узнал в двенадцать лет. И, конечно, сразу решил ее спасать. А как иначе?

А до этого он жил с папой на острове и ни о чем таком даже не подозревал.

Остров был большой и маленький. В зависимости от расстояния. Насчет расстояния Игорю объяснил папа, когда они в первый раз летали на планелете. Планелет, похожий на пузатого блестящего жука, жил в гараже за домом. Когда его выкатывали наружу, он недовольно поскрипывал и с неохотой переставлял хрупкие суставчатые лапки. Мартин, тоже недовольный и хмурый, оглядывал «жука» со всех сторон, простукивал, протирал мягкими тряпочками и поил тягучим, остро пахнущим маслом, а потом залезал под плоское брюхо и что-то там подкручивал и настраивал. Заодно приспосабливал Игоря подавать нужные ключи и рассказывал ему про гравитацию и магнитные поля. «Жук» вздрагивал, ворчал и иногда потрескивал крыльями. То ли ему было щекотно из-за ключей, то ли просто смешно от рассказов Мартина. Уж он-то в гравитации и полях разбирался всяко больше присутствующих.

– Ну, готово дело, – говорил Мартин, вылезая из-под «жучьего» брюха, взъерошенный и грязный. Делал строгое лицо. – Имейте в виду, Павел Толич, на этот раз даю гарантию, а дальше не знаю.

– Дальше и поглядим, – непривычно покладисто соглашался отец. Видно, он тоже знал, что в следующий раз будет то же самое. Мартин и «жук» сперва поворчат друг на друга, а потом все равно договорятся, и «жук» опять согласится полетать.

Сверху остров был как кот, свернувшийся клубком. Желтая лапка узкого мыса, мягкое брюхо песчаного пляжа, круглый мохнатый бок, заросший лесом, острые уши северных скал и мерцающий глаз водопада. А дремал кот на ярко-бирюзовой, расшитой белыми пенными узорами, подушке. Посреди синего-синего моря.

– Что, нравится? – спросил отец, должно быть, услышав, как сын затаил дыхание, разглядывая чудесного морского зверя, баюкающего в лапах маленький, почти неразличимый дом.

Игорь молча кивнул.

– Запоминай, – сказал отец. – Запоминай, какой он. Вблизи этого не видать.

– Чего?

Отец наклонился, прижался щекой к виску сына и вытянул руку. Шевельнул пальцами, примеряясь, и уложил на свою ладонь весь остров целиком.

– Знаешь, почему говорят «как на ладони»? Видно, как на ладони? Потому что только вот так ты можешь увидеть верно. Когда хочешь что-то рассмотреть и понять, нужно смотреть правильно.

– Как?

– Все думают, что для этого нужно смотреть вблизи. Чем ближе, тем лучше. Ближе, ближе, потом тыкаются носом, а потом и вовсе вроде как упираются лбом в стену. И начинают туда биться. О то, что им кажется стеной. А на самом деле – об то, что они хотели увидеть. А так увидеть ничего нельзя, можно только сломать. Или свой лоб или то, что ты хотел узнать. Понимаешь?

– Не знаю, – смутился Игорь.

– Неважно. Потом поймешь. Запомни: любить можно только то, что знаешь. А чтобы узнать и понять, надо правильно посмотреть. А смотреть надо обязательно по-разному. Иногда – вблизи, иногда – издалека. Только издалека видно все целиком.

– Как на ладони? – уточнил Игорь. Неуверенно протянул руку, как недавно отец, и робко погладил островного кота по загривку. Планелет качнулся, кот повернул голову и подмигнул блестящим глазом-водопадом.

Игорь вспомнил, как они с Аш-о-Эхом охотились там, в ледяной прозрачной воде, под тугими, сбивающими с ног струями, на быстрых рыб. А потом грелись на теплых камнях, стуча зубами, и смотрели на облака в небе. Вокруг шумел лес, шелестел листьями, напевал по-птичьи, бормотал по-обезьяньи, шелестел по-змеиному. Из влажного сумрака среди валунов выскользнула ящерица, стекла серебряной струйкой к его лицу, замерла, уставившись блестящими глазами. Словно спросила: «Ты наш или нет? Можно с тобой поделить этот горячий камень, солнечный свет, небо, запах моря и лесную зыбкую тень?» «Бери, не жалко», – предложил Игорь. «И ты – бери», – согласилась ящерица, успокаиваясь и укладываясь шершавым брюшком на горячий камень, прижмурив янтарные в крапинку глаза.

Игорь вдруг вспомнил этот день и еще сотни других. Солнечных, когда можно до темноты бродить с Аш-о-Эхом в лесу, лазать по скалам, нырять за ракушками с мыса; и дождливых, когда можно есть оладьи с яблоками на кухне у Розы, сидеть с

папой в библиотеке, листать книги, гладить сонного Цербера, смотреть в заплаканные окна на серое море… Все эти дни – целая жизнь Игоря – принадлежали острову. Они были как точка в длинной, тысячелетней, жизни острова. И если сейчас можно было бы каким-то волшебным образом увидеть сверху самого Игоря, разговаривающего с той ящерицей, он тоже был бы как точка, меньше пушинки на мохнатом боку огромного острова. Огромного – потому что нужно несколько дней, чтобы пройти от одного края до другого, и много лет, чтобы изучить все тропинки в лесу, пещеры в скалах, зверей, птиц и людей.

И маленького, потому что сейчас остров помещался в ладошку Игоря.

– Кажется, я, – пробормотал он, примеряя руки к острову то так, то эдак. – Кажется, понимаю.

– Вот и хорошо, – кивнул отец.

* * *

Отец был неразговорчивым и часто как будто сердитым. Днем пропадал в кабинете, вечерами любил сидеть на террасе. Вглядывался неподвижными глазами в море, покусывал кончик сигары, иногда забывая ее раскурить, крутил за тонкую ножку пузатый бокал с капелькой коньяка на дне. Иногда ронял руку вниз, поглаживал мохнатый загривок дремлющего у ног Цербера.

Взглянешь со стороны – вроде сидит человек, отдыхает, любуется морем, гладит собаку. Но с того самого разговора в планелете Игорь на все старался смотреть по-своему: сперва вблизи, разглядеть мелочи, а потом как бы собрать их в горсть, разложить на ладони и посмотреть издалека, чтобы увидеть все целиком. И если вот так собрать – нахмуренные отцовские брови, напряженный рот, убегающий за горизонт взгляд, забытый коньяк, пальцы, тревожно проверяющие собачий загривок, – получалось, что отец то ли чего ждет, то ли наоборот, опасается чьего-то приезда. И вся надежда, и вся его защита от этой неведомой опасности – пес возле ног. А Цербер понимал и в ответ на прикосновение чутко дергал ухом, косился на хозяина, иногда успокаивающе рыкал – мол, не бойся, я здесь, я вовсе не сплю – притворяюсь, а на самом деле посматриваю вокруг.

– Ты зачем назвал его Цербер, па? – решился как-то спросить Игорь.

– А, что? – вздрогнул отец. Натянуто усмехнулся. – Хорошее имя для собаки.

И по его взгляду Игорь догадался, что попал в точку.

Еще в семь лет он прочел много книг по мифологии. Только тогда ничего не понял.

* * *

В присутствии отца Игорь робел и редко решался задавать ему вопросы. К тому же это ничем хорошим не заканчивалось. Например, история с саркофагами.

А началось все со сказки Пушкина.

Дождливый день; чашка душистого чая дразнит запахом, и оладушки лежат на тарелке с абрикосовым вареньем, но пока горячие, обжигают; поэтому еще пять минут валяться на ковре возле камина, дочитывать завораживающие, одновременно жуткие и красивые стихи: «там… во тьме печальной, гроб качается хрустальный…»

За окном потемнело, дождь хлынул сильнее, ветер надавал мокрых оплеух по стеклу. Игорь дрогнул, отрываясь от страниц, но не от сказки. Подумал, где-то там, за окном, за дождем и ветром, «во тьме печальной», ждет спасения какая-нибудь царевна, и ей, закованной в хрустальный гроб, не шевельнуться и не вздохнуть, только надеяться, что королевич не собьется с дороги, не погибнет или просто не устанет бродить не пойми где. А то возьмет, плюнет на поиски, да и застрянет где-нибудь в теплом доме возле камина с чашкой горячего чая с оладьями. «Хорошо, что я не царевна, – подумал Игорь. – Да, в общем, хорошо, что и не королевич». Если знать, что тебя вот так кто-то где-то ждет в хрустальном гробу, пришлось бы тащиться, несмотря на недоеденные оладьи и бурю за окном. Игорь вздохнул с облегчением, расплываясь в счастливой улыбке. Эта мысль его так обрадовала, что он потерял бдительность и спросил у отца, который рассеянно читал что-то свое, прихлебывая чай:

– Па, а этот хрустальный гроб, где лежит царевна, – саркофаг?

– Что? – Отец отложил в сторону свою книгу и так посмотрел на сына, что тот сразу захотел куда-нибудь сбежать, забыв и оладушки, и варенье. Можно даже в компанию к королевичу Елисею, в дождь, ветер и печальную тьму.

– Почему саркофаг?

– Ну, она же потом оттуда ожила, эта царевна, – пробормотал Игорь, осознавая, что влип. И теперь придется признаваться про все подслушанные разговоры и про вопросы доктору Диме…

Насчет саркофагов отец сказал однозначно: «Этой дряни в

моем доме не будет». Причем повторил два раза, чтобы уж точно все поняли. Может, и больше, но Игорь слышал два. Один раз – Розе, когда та жаловалась, что девушкам скучно, и они просят, чтобы им хотя бы позволяли на выходные. Второй – доктору дяде Диме.

Доктор рассердился, и они с папой долго ругались, забыв, что через дверь Игорю громкие слова очень неплохо слышно.

– Эгоистично! И безответственно. Подумайте о своем ребенке!

– Этой дряни в моем доме не будет, я сказал. Не для этого мы бежали на край света, чтобы…

– Вот именно!

– Что – именно?

– Вы бежали. Простите меня, Павел Анатольевич, но вы именно бежали. От своих собственных страхов. А теперь из-за этих страхов ваш ребенок…

– Я его спасал. Именно для того, чтобы его спасти… Это все – для него.

– Вранье.

– Что?! Да как вы смеете…

– Не орите на меня. Я вам не прислуга. И я не на пожизненном контракте. Будете так со мной разговаривать – завтра же уеду.

– И проваливайте.

– И провалю. А вы тут останетесь дальше врать своему сыну. И самому себе.

Игорь едва успел отскочить в сторону – дверь хлопнула, выпуская рассерженного доктора.

А потом дядя Дима, растрепанный, но против обыкновения одетый не в шорты и футболку, а в светлый помятый костюм – будто и правда, собрался уезжать – бродил вдоль моря, расшвыривая ногой в разные стороны ракушки, хмыкал и бормотал: «Павел, бедный Павел…»

Дядю Диму Игорь не боялся. Поэтому дождался, когда тот немного успокоится, усядется на камень у воды, и подошел ближе.

– Кто такой бедный Павел? Мой папа?

– Кто? – удивился доктор.

– Ну, вы сейчас говорили «бедный Павел».

– А, это. Ты историю учил?

– До четырнадцатого века. Включительно. Сейчас Возрождение прохожу, там много всего. Комната говорит, на ближайшие полгода еще точно.

– Комната?

– Ну да, моя учебная комната. Там кино на стенах показывают. И голос говорит. А программу папа настраивает.

– Бедный мальчик, – вздохнул доктор, вынул из кармана поцарапанную флягу и отхлебнул глоток, крякнул, смахнул выступившие слезы. – Разговаривает с комнатой… – Он покачал головой. – Так вот, Павел – это был такой император одной очень великой империи. Умный, талантливый, трудолюбивый… Он мог бы быть тоже великим, если бы…

– Если бы – что?

– Официальная версия – если бы его не убили.

– А на самом деле?

– Что?

– Ну, когда говорят «официальная версия», значит, это вранье, а есть еще то, как на самом деле.

– Какой умный мальчик, – восхитился доктор и отхлебнул еще. – Хорошо учишь историю. Ну, раз так, слушай, как на самом деле. На самом деле Павел очень боялся. Предательства, заговора, смерти. И он решил от своего страха сбежать. Спрятаться. Уплыть на остров среди океана, куда никто из убийц не смог бы добраться.

– Как папа?

– Эм… – невнятно отозвался дядя Дима, добавляя еще глоток. – Но поскольку у него там не было океана, он построил себе остров, где получилось. Посреди города.

– Как это?

– А вот так. Чудесный остров между обычных улиц, волшебный рыцарский замок с башенками среди плоских дворцов.

– Правда волшебный?

– Да, в общем, нет. Знаешь, когда получается волшебство?

– Как?

– Неправильный вопрос. Не «как», а «когда». Нет рецепта, есть необходимые условия. Поэтому – когда. Волшебство получается, когда в него верят.

– А тот Павел что, не верил?

– Он боялся. – Доктор многозначительно поднял указательный палец. – А между страхом и верой, юный друг, согласись, большая разница.

– А мой папа боится?

– Хм. – Дядя Дима еще раз глотнул, потом очень аккуратно завинтил крышечку и отправил флягу в карман. Посмотрел на мальчика странными, чуть диковатыми глазами. – А это ты у него сам спроси.

Игорь не стал говорить, что теперь уже он боится – спрашивать у папы. Вместо этого уточнил:

– Значит, тот Павел умер из-за своего страха?

Дядя Дима вздохнул. Стащил пиджак, под которым оказалась прежняя обычная футболка. Игорь подумал, что, наверное, доктор все-таки никуда не уедет. Это было здорово, потому что иначе с кем тогда можно поговорить? В смысле, из взрослых, Аш-о-Эх не в счет.

– Я не пророк, – почему-то устало сказал доктор. – И даже не историк. Извини, малыш. И я не могу ничего решить за твоего папу.

– Тогда вы знаете, что надо делать, чтобы не погибнуть из-за страха?

– Знаю. – Доктор забросил на плечо мятый пиджак. – Нужно не бежать, а идти ему навстречу.

Он встал, опершись на камень и неуверенной походкой, глубоко увязая узконосыми туфлями в песке, направился обратно к дому…

– Дядя Дима! – окликнул его Игорь, спохватившись, что не спросил самого главного. – А кого боится мой папа? Мертвых?

Доктор не ответил.

* * *

Про саркофаги Игорь сначала пытался выяснить сам. Прислушивался к разговорам прислуги, когда та собиралась у Розы на кухне за завтраком и ужином. Но обрывки, которые ему удалось расслышать, запутывали его еще больше.

– А я, когда вернусь, куплю себе целый год в Древнем Риме.

Это горничная, София, высокая, плечистая, с длинным костлявым лицом и злыми черными глазами. Она как верблюжья колючка – угловатая, пересохшая, ощетинившаяся иглами. Игорь старался обходить ее подальше – нет, конечно, она не трогала его и пальцем, но ее взгляд как серная кислота – кажется, что проплавит насквозь. Странно, что папа этого не замечает. Наверное, потому, что он вообще Софию не замечает.

– Гладиатором, что ли? – фыркнула Лиза, смешливая и пухленькая. Она возится со всяким зверьем на заднем дворе, и Игорь иногда помогает ей кормить кроликов и цыплят. Лиза добрая, цыплята ее любят, но с Софией она разговаривает сердито. Наверное, эта София заражает всех, ранит, царапает колючками, брызгается жгучей кислотой.

– Дура, – равнодушно сказала София. Она привыкла, что ей так отвечают.

– Девочки, не ссорьтесь. – Роза поставила на стол миску салата, разложила вилки. – Я сама туда заглядывала, в Древний Рим. Меня подруга затащила, она вообще была любительница разных… ну, авантюр.

– И что?

– Ну, это было давно. Много лет назад. У меня на прежней работе был оплаченный вечер по субботам.

– И что?

– Интересно, – Роза усмехнулась, пожала плечами. – Я там познакомилась с одним гладиатором.

– О-о, расскажи, Роза, – почти одновременно воскликнули девушки.

– Ну, мы разговаривали. Гуляли.

– С гладиатором? – изумилась Лиза.

– А что такого? Он был очень начитанный. По памяти читал мне Гумилева. «Далеко на озере Чад…» Вы, поди, не знаете, кто такой Гумилев? Молодежь… А еще говорите, что ищете романтику…

– А потом, Роза?

– А потом его убили. – Роза замолчала, задумчиво и неподвижно уставившись в стену. – Я прорыдала всю ночь.

– Как? – изумилась София.

– Гладиаторов часто убивают, детка. Многих – в первый же день. Просто не все внимательно читают договор, прежде чем его подписать.

– Боже, Роза, ты… – Лиза всхлипнула, сочувственно глядя на рассказчицу круглыми глазами.

– Его убили, а я, дура такая, даже не догадалась спросить номер его карты. И он про меня ничего не знал. А мертвым нельзя разговаривать, знаете?

– И ты его так и не нашла?

Роза вздохнула, налила себе компот, поднесла к губам, пряча за чашкой расстроенное лицо.

– Ну, Роза… – нетерпеливо вздохнула Лиза.

Роза допила, поставила чашку на стол. Улыбнулась.

– Не нашла.

– О-о-о…

– Он меня нашел.

– Как?

– Ну, говорит, секрет. Друг помог, да и сам он землю рыл несколько недель.

Тут Игорь, притаившийся за окном, совсем затаил дыхание. Вот оно, подумал он. Наверное, где-то здесь отгадка насчет саркофага. Потому что, как Игорь помнил из пройденной истории, в традициях многих народов было зарывать своих мертвых в землю. А еще если вспомнить суеверия, то иногда мертвецы снова выходили из-под земли, ошибочно считая себя живыми. Но можно ли в таком вопросе опираться на суеверия, Игорь не знал. А Роза больше ничего интересного про это не сказала.

– И что?

– Ну и больше мы не ногой в этот Древний Рим, чтоб ему провалиться! Я иногда до сих пор во сне вижу, как он умирает на арене, хрипит, хочет вдохнуть или что-то сказать, а кровь так и хлещет из горла и льется на грязный песок. Его кровь, его последние секунды. А я к нему бегу, но не могу прорваться сквозь толпу – эти чертовы зрители, которые пришли посмотреть, как он умирает. Гнусное дело, девочки, ничего там хорошего.

– А он?

– И ему иногда снится. Я знаю, хоть он мне и не рассказывает. Но по глазам видать. Такое всегда видать по глазам, если смотреть. Когда разок умрешь – уж поверьте, это запоминается навсегда. И повторять не хочется.

– Так, а он… А вы… ну…

– Мы уже много лет вместе. Живем на одном острове среди океана. Я заправляю кухней, а он чинит технику, – Роза улыбнулась.

– Мартин? Это Мартин! Роза, ты нарочно так это все рассказала! Я думала, умру от переживаний! – вытирая слезы и смеясь, сказала Лиза.

– Как было, так и рассказала. Но, слушай, Софи, так бывает редко. Мне просто повезло. Понимаешь? Вот вам на десерт история моей подруги, ну, помните, той, которая меня затащила в Рим? Она там рабыня уже несколько лет. И раз пять умирала… не очень приятной смертью.

– Как? Как так получается?

– Ну… надо всегда читать договор, девочки. Особенно то, что там написано мелким шрифтом. А лучше не влезайте вы в это дело совсем.

Дальше Роза сказала то, что Игорь почти пропустил мимо ушей. Он сначала подумал, что это обыкновенная женская болтовня вроде ахов-охов насчет прогулок с гладиаторами по Риму. Только потом, когда это почти слово в слово повторила

Кита, третья жена Ашо-о-Этта, Игорь вспомнил Розины слова насчет королевы.

А тогда он думал только о том, что Мартин, оказывается, тоже был из мертвых. И как тогда, интересно, папа пустил его на остров?

* * *

Игорь сам догадался, что папа боится мертвых. Припомнил старый разговор. Из давних, глупых, детских, когда спрашивал у отца все подряд, не задумываясь еще, какие вопросы можно задавать, а какие – нет. Почему да почему. Почему небо синее, а река мокрая? Почему варенье сладкое, а море соленое? Почему в книжке-раскраске на севере снег и белые медведи, а у них на острове – только водопад?

– Потому что есть еще другой север на самом севере, – сказал папа. – Вот там и медведи.

– Значит, есть другие острова?

– Есть. И даже очень большие острова, которые называются материки.

– А другие мальчики и вообще другие люди на этих островах есть?

– Есть.

– А мы их посмотрим?

– Нет. Может быть, когда-нибудь потом. Когда ты вырастешь и станешь взрослым и сильным.

– А почему?

– А потому что они уже не совсем люди, малыш. Не живые люди.

– Они мертвые?

Папа долго смотрел вдаль, где небо, густея, превращалось в более темное море или наоборот – море растекалось по небу тонким слоем синевы. Может быть, папа ждал какого-то ответа оттуда, откуда каждый день появлялось солнце и новый день, но так и не дождался. Поэтому сказал непонятно:

– Преимущественно.

Сначала Игорь подумал, что это значит «да», но только в очень плохом смысле. А чего хорошего могло быть в том, что все остальные люди на других островах – мертвые? Только через некоторое время он узнал, что значит это слово. И тогда ему стало непонятно. Как это можно быть большей частью мертвым?

Или, может, папа хотел сказать, что большая часть людей мертва, но встречаются и живые? Откуда-то же приехал на остров доктор дядя Дима. И новые горничные взамен тех, что уехали.

А с саркофагом получилось так, что папа его все-таки купил.

Потом, рассматривая происшедшее новым зрением, собирая на ладони свой остров, Игорь удивлялся, какие мелочи определили все. Стряхни песчинку – и остров бы уже утонул, исчез под синей безмятежной водой, как и не было. Окажись, например, Аш-о-Эх чуть дальше или отвернись в сторону, не заметь он, как побледневший Игорь валится на землю, а в заросли ускользает ярко-зеленый гибкий чешуйчатый хвост, – и было бы поздно. Но Аш-о-Эх увидел все верно и понял, что медлить нельзя. Уронив копье, он бросился к другу, подхватил, затряс за плечи, отчаянно закричал в самое ухо:

– Игор, Игор, не спи!

Игорь поморщился, мир ему виделся и слышался будто сквозь слой мерцающей вязкой ваты, в которой звуки и цвета странно перемешивались друг с другом. Встревоженное, блестящее, черное лицо Аш-о-Эха звучало гулкими ударами тамтамов, а его беззвучные крики вспыхивали ослепительно алым, режущим взгляд. Хотелось уже, чтобы этот фейерверк прекратился, Игорь попытался зажмуриться, но его опять грубо затрясли за плечи. Кажется, Аш-о-Эх спрашивал что-то про Цербера. Игорь вяло отмахнулся.

– Нету, – пробормотал он непослушными губами. – У папы есть Цербер, а у меня нету.

Вопрос он понял неправильно, но ответил, к счастью, верно.

Аш-о-Эх всхлипнул, опустил умирающего на траву, метнулся в сторону – бежать к большому дому, потом – в другую, потому что к его поселку было ближе. А потом остановился, замерев, с дрожащими губами и слезами в круглых отчаянных глазах. Понял, что не успевает ни туда, ни туда. Не успевает позвать взрослых. Поэтому решать, что делать, ему придется самому и прямо сейчас. На несколько мгновений он оцепенел от страха. Аш-о-Эху еще не исполнилось двенадцати, значит, он еще был мальчиком, не имеющим голоса и права принимать решения о жизни и смерти. К тому же он родился сыном шамана, а значит – будущим шаманом, который умеет разговаривать с духами и ходить между мирами через огненный мост. А шаманам запрещено задерживать души умирающих на этом мосту, как бы им этого не хотелось. Но сейчас умирал его друг, и Аш-о-Эх, прищурившись сквозь слезы, решил, что душа Игоря еще не ступила на огненный мост, а только-только приближается к нему.

И так он и расскажет духам или старейшинам, если те будут спрашивать, зачем сын шамана нарушил правила. В конце концов слезы одинаково искажают видимое и невидимое, особенно, когда смотришь на умирающего друга. Поэтому Аш-о-Эх кинулся к Игорю, выхватил нож и быстро и точно, одним ударом разрезал мальчику бедро ладонью выше воспаленной метки укуса, а себе – запястье. И сразу же припечатал одну рану к другой.

Доктор дядя Дима потом говорил, что они могли умереть оба. Слишком сильно и глубоко махнул ножом Аш-о-Эх, желая щедро поделиться с другом своей кровью и жизнью. И если бы маленькие невидимые Церберы, которые бродили в его венах и защищали хозяина от болезней, ядов и смерти, приняли за врага не отраву в крови Игоря, а саму его кровь, последствия были бы печальными.

– Даже дикий туземный ребенок привит наностражами! – кричал потом доктор на бледного отца Игоря. – Что за бред – ядовитых змей на острове нет? Вы сами проверяли? Под каждым кустом? А если не змея, а паук? А столбняк от ржавой проволоки? А малярия? Какие прививки, что вы несете! Вы еще шерстяной ниткой от бородавок его перевяжите или от чего там нитками лечили ваши прабабки. Нет, как хотите, я умываю руки и уеду отсюда к черту, если вы хотя бы нормальный реанимационный комплекс сюда не поставите. Как я буду сейчас поддерживать вашего ребенка? Искусственным дыханием рот в рот? Двое суток?

На следующий же день в доме появился саркофаг.

– И совершенно не страшно, – бормотал довольный, улыбающийся доктор, легко сдвинув массивную крышку и осторожно укладывая Игоря в мягкое светящееся и тихо жужжащее нутро. – Правда?

Игорь испуганно вцепился слабыми пальцами в руку доктора. Он бы закричал, но воздуха не хватало даже на дыхание.

– Что, малыш? – склонился к нему дядя Дима.

– Саркофаг – это чтобы умирать? – с усилием спросил Игорь.

– Господи, что сделали с ребенком! Нет, это чтобы оживать, – почему-то сердито ответил доктор. – Засыпай и думай о чем-нибудь хорошем. Я бы пожелал тебе интересных снов, но твой папа велел эту функцию отключить. Я ему еще скажу за это отдельное спасибо. Будет тепло и темно, но ты не бойся. Просто спи, понял?

– Как царевна?

– Какая царевна?

– Которая в печальной тьме, – зевнул Игорь. Жужжание и мягкое покачивание саркофага убаюкивало, стоило к нему прислушаться – и стало совсем не страшно, а просто сонно. Он почувствовал что-то знакомое – то ли из снов, то ли из детства, то ли из сказки… – Ее королевич должен разбудить, чтобы она совсем не умерла…

– Я тебя разбужу вместо королевича, – пообещал доктор. – Королевичи сейчас раздолбаи, лентяи и непунктуальные…

* * *

На двенадцатый день рождения Аш-о-Эх приготовил своему другу подарок.

Непривычно серьезный и торжественный, он отвел Игоря в свой поселок, за всю дорогу так и не произнеся ни слова, – только покачивал головой и прикладывал к губам палец в ответ на все вопросы.

Подарок, видно, ждал Игоря в хижине Киты. Кита, третья, младшая жена Ашо-о-Этта, отца Аш-о-Эха, сама выглядела немногим старше мальчиков. Смешливая и легконогая, она не любила ни плести циновки, ни вышивать салфетки, как старшие жены. Кита иногда ныряла с мальчиками за ракушками и лазила по деревьям, но в основном проводила время за рисованием сказочных картинок на соломенных салфетках. Еще у нее, как оказалось, был секрет.

– Покажи, – строго велел Аш-о-Эх, после того как втолкнул внутрь хижины Игоря и опустил за ним занавеску. – Покажи ему.

– Я ничего такого не хотела, – почему-то жалобно пролепетала Кита, умоляюще глядя на мальчиков круглыми испуганными глазами, в которых блестели слезы. – Вы ведь никому не расскажете?

– Что? – удивился Игорь.

– Она нарушила запрет, – объяснил Аш-о-Эх. – Обещание, которое мы все дали твоему папе, чтобы жить здесь.

– Какое обещание?

– Покажи ему, – повторил Аш-о-Эх. – Тогда мы не расскажем. Да?

Игорь растерянно принял из горячей дрожащей руки Киты маленькую ракушку.

– Что это?

– Надень на ухо, – сказал Аш-о-Эх. – Это саркофаг.

– Что? Как?

– Это кусок саркофага, – поправила его Кита. – Тот кусок,

которого у вашего не хватает. Тот, который запретил твой папа. Сейчас все по-другому, не так, как раньше. Твой папа, наверное, об этом не знает. Сейчас он может быть очень маленький. И если ненадолго, его хватает. Надолго нельзя, можно умереть.

Игорь удивленно разглядывал маленькую безобидную ракушку на своей ладони.

– Не бойся, – сказала Кита, – просто приложи его к уху.

Гибкое прохладное щупальце тронуло кожу и скользнуло в ухо. Игорь было дернулся – сорвать ожившую странную ракушку, но в этот же миг на него обрушился свет и гром.

Музыка. Торжественный гул барабанов, вой труб, перестук трещоток. Пламя алого бархата под ногами, трепет разноцветных шелков и белоснежных перьев. Черные лица, склоняющиеся перед ним с улыбками и почтением. Бархат щекочет босые ступни, на узком черном запястье – его, Игоря, запястье – тяжесть драгоценного, мерцающего звездами, браслета.

Теплая рука прикасается к тонким, черным, наманикюренным пальчикам Игоря:

– Прошу, ваше величество…

Он заорал и попятился, чувствуя, как комкается под ногами бархатный ковер и больно вцепляются в ладонь чужие пальцы, пытаясь удержать падение…

…И открыл глаза, стукнувшись затылком о циновку на полу хижины Киты.

– Ты бы ему рассказал, – упрекнула Кита.

– Всегда лучше смотреть, – пожал плечами Аш-о-Эх.

– Что это было?! – тяжело дыша, спросил Игорь.

– Я ничего такого не хотела. – Кита взяла обратно свою ракушку, сжала в руке. – Ничего. Я только хотела побыть королевой. Самую капельку. – Она всхлипнула и показала эту невидимую капельку кончиками своих тонких черных пальцев, жалобно глядя на Игоря.

И тут он вспомнил, что говорила Роза, рассказывая девушкам на кухне про свой Древний Рим: «Каждой женщине хочется стать королевой. Хотя бы на часок, хотя бы одолжить чужую корону и чужое королевство, раз нет своего. Но редко кто думает, чем потом придется за этот долг платить…»

– А почему им не хочется? – спросил Игорь, кивнув на занавеску у выхода, подразумевая старших жен Ашо-о-Этта. – И почему Розе не хочется быть королевой?

– Розе? – удивленно переспросила Кита. Подумала, покрутив

в тонких пальцах свою ракушку. Нахмурилась, вздохнула. И сказала непонятно: – Может, она и так королева?

Игорь сначала недоверчиво хмыкнул. Королева булочек и оладий! Ха! А потом вспомнил, какая Роза на своей кухне. Ловкая, быстрая и величественная. Все тарелки, ложки и кастрюли ее слушаются, никогда не вывернутся из рук, как у других девушек или у самого Игоря. А тесто? Что было, когда София взялась напечь блинов, заменяя Розу? Горький дым, горелые вязкие лепешки. София потом громко ругалась на дурацкие устаревшие сковородки и баюкала обожженную руку. Роза, вернувшись, за полчаса навела на разоренной кухне порядок, утешила Софию и напекла чудесных, пышных и ароматных оладушек с яблоками. А еще Мартин. Он иногда смотрит на Розу так, как будто она и в самом деле королева. Может быть, уже одного этого достаточно для доказательства, даже не говоря про булочки и оладьи?

– Ты не знаешь главного, – сказал Аш-о-Эх. – Твоя мама не умерла. Твоя мама – королева. Где-то там. Кита ее видела, да?

– Да, – быстро закивала Кита. – Видела. Быть королевой – очень дорого, Игор. Я купила один час и теперь могу его жить тридцать раз. А потом надо опять платить, чтобы его жить. Но я могу купить дешевле час придворной дамы в другой стране, где другая королева. А дешевле всего случайный час – тогда я попаду в чей-нибудь мир неизвестно кем. Может, чьей-то рабыней, или воином, или служанкой или даже собакой. И в один случайный час я видела твою маму, Игор. Она – королева в очень богатой стране. И она там постоянная королева. Много лет. Это значит, она уже много лет лежит где-то в саркофаге. Но она там не мертвая. Понимаешь?

– Где? Где это?

– Никто не знает, – покачал головой Аш-о-Эх, – но я пойду с тобой ее искать.

– Почему?

– Что – почему, Игор?

– Почему ты пойдешь со мной?

У Игоря сжалось горло, и стало трудно дышать. Теперь стали понятны ответы на все вопросы, которые раньше его мучили. Все объяснения отцовским запретам. Чудовищная тайна, которую отец скрывал, о которой думал долгими часами, глядя на море, страшась незваных гостей, надеясь, что Цербер защитит его от мертвых.

Мама – королева, и она уже много лет лежит где-то в саркофаге. Где-то там «во тьме печальной гроб качается хрустальный». А отец бросил ее, вместо того чтобы спасти. Уехал

на свой остров пить чай, есть оладьи и читать книги.

«Я найду ее. И оживлю, – подумал Игорь. – И мы никогда больше к нему не вернемся. Пусть он дальше сидит здесь и надеется, что Цербер защитит его от мертвых. Лжец. Трус».

Он выпрямился, чувствуя себя очень взрослым и очень одиноким. Ему хотелось заплакать, но он вспомнил, что Аш-о-Эх говорил: «Взрослые мужчины не плачут».

– Я пойду с тобой, – повторил Аш-о-Эх, сквозь слезы заглядывая в глаза Игорю. – Потому что я шаман. И потому что я твой друг.

* * *

– Он сказал, что у него все в порядке.

– Почему, черт подери, мой сын говорил с вами, а не со мной?

– Это вы меня спрашиваете? – уточнил доктор.

– Да! Я… – Павел осекся, фыркнул, дернул ворот рубашки и даже не посмотрел, куда покатилась оторванная пуговица. Отвернулся к окну, помолчал, а потом сказал уже другим, тихим и виноватым, голосом: – Простите.

– Такси скоро прилетит.

– Если бы у меня был новый планелет с контролем ай-ди, они не смогли бы его угнать, – глухо сказал Павел.

– У мальчика нет чипа? Я так и думал. И как вы собираетесь его искать в большом городе?

– В городе? Вы думаете, что мне трудно будет найти его в этом городе мертвых? Единственного живого мальчика? Вы давно были в городе, доктор? Не в транспортной капсуле между домом и больницей, а на улице? Когда вы последний раз гуляли среди темных домов, которые уже давно превратились в склепы? Вы знаете, что там, внутри, почти нет мебели, фотографий, памятных безделушек, потому что их хозяева уже давно спят в своих гробах? И никто не может их разбудить.

– В саркофагах, – поправил доктор. – И вы слегка преувеличиваете…

– Да? – Павел фыркнул. Прошелся по комнате, широко распахнул окно. Ветер тут же растрепал его волосы. – Сначала это выглядело безобидно. Что страшного в кино? И ей было скучно целый день ждать меня с работы. Она выпросила у меня последнюю модель, полное погружение, все ощущения, плюс мониторинг и поддержка жизнедеятельности. Я всегда дарил ей все самое лучшее. Все, что она хотела. Первое время она

просыпалась до моего прихода. И я не понимал, как далеко это все зашло. Потом… потом было поздно. Я будил ее сам, вынимал из этого чертова гроба, из этого теплого киселя и трубок, как утопленницу. Как упырицу. Она злилась, что не вовремя, что я не дал ей договорить, дотанцевать или что-то там еще. Потом она стала сбегать туда и по ночам, когда я засыпал. Я с ней говорил. Просил. Иногда умолял. Кажется, один раз плакал. От бессилия. – Он шумно вздохнул, оперся кулаками о подоконник. Ветер трепал его волосы, дергал рубашку на напрягшихся плечах. – Я предлагал ей уехать, купить новый дом или целый остров, как она хочет. «У меня уже есть дворец», – сказала она. Еще она совсем перестала уделять внимание ребенку. Я ей об этом говорил. А потом… Однажды… Я пришел домой и увидел еще один чертов гроб. Детский. «А что такого! – кричала она. – Все так делают! Специальная программа, сказки-игры, самая лучшая!» Она испугалась. Потому что я ее тогда ударил в первый раз. И в последний. Потому что после этого я взял сына и уехал сюда.

– Вы ее оставили? – уточнил доктор.

– Она оставила нас.

– Ваш сын думает по-другому.

Павел дернул плечом.

– Она там счастлива, – глухо сказал он. – В своем придуманном королевстве. В своем гробу. А я плачу счета, чтобы она оставалась там, где хочет. Все, что я могу для нее сделать.

– Ваш сын думает по-другому.

– Черт вас подери, доктор, – оскалившись, Павел обернулся, и доктор увидел, что его глаза блестят от слез. – А вы? Вы тоже?

– Я думаю, – осторожно ответил доктор, подбирая слова, – что вы построили свое собственное королевство. Здесь, на острове. Свой особенный мир. И да, честно, я восхищен вами и тем, что вам удалось. Но теперь вашему сыну стало здесь тесно, и он придумывает свою сказку. Про королеву в хрустальном гробу, которую надо спасти и разбудить. И это нормально, и хорошо, потому что он взрослеет и…

– Он потерялся, и я его найду, – мотнул головой Павел.

– Боюсь, что он сейчас уже не в городе. Не совсем в городе. Вы знаете, что сейчас полно как бы бесплатных центров с прокатными саркофагами, где можно купить время в долг или в счет заказанной роли?

– Мой сын?

– Да. Он сказал, что собирается.

– Я найду его.

– Боюсь, это будет непросто – найти там мальчика, у которого даже нет идентификатора. Если хотите совет и помощь… –

Доктор замялся.

– Ну?

– Я настроил ваш саркофаг. Функцию виртуальной реальности, которую вы велели отключить. Я думаю, что если вы хотите действительно помочь своему сыну, то…

– Что?! – взревел Павел. – Я?! Туда? Этой дряни не будет в моем доме, и я никогда…

– Еще, – перебил его доктор, с опаской взглянув на огромного пса, который, услышав гневный крик хозяина, поднялся, глухо ворча. – Еще ваш сын сказал, что Цербер охраняет мир мертвых от вторжения живых, а не наоборот. На тот случай, если вы вдруг это забыли, – торопливо добавил он, решив, что в этой маленькой, но решающей лжи нет ничего дурного. Особенно если она сможет спасти не только одного болтливого доктора от укусов свирепого пса, но и королеву, которая где-то спит во тьме печальной, королевича, спешащего ей на помощь, и маленького, но храброго шамана, который решил не оставлять своего друга одного на зыбкой дороге между миром живых и мертвых…

Уважаемые читатели!

О своих впечатлениях о книге вы можете написать составителю сборника на электронный адрес: d_luckin@mail.ru